Андрей
Ливадный
Абсолютное оружие
Третья
Р·А·С·А
ЭКСМО

Annotation

Загадочный Рукав Пустоты – пространство без звезд, где шло титаническое противостояние между тремя цивилизациями прошлого и неразумными ордами Предтеч – древними формами космической жизни, преподносит людям новые загадки. Оказывается не только Инсекты сумели пережить вселенскую катастрофу.

Андрей Ливадный ТРЕТЬЯ РАСА

ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ.

Планета Дансия[*] . 3774 год Галактического календаря…

Этой ночью над Дансией бушевала гроза.

Ветвистые молнии рвали небо. Дождь лил как из ведра.

Пастор Эммануил, служитель католического храма, готический фасад которого выходил на центральную площадь небольшого, по меркам Дансии, городка Данвер, всегда боялся грозы. И дело было не в его излишней набожности или же необразованности – наоборот, пастор был человеком грамотным, эрудированным и слишком хорошо понимал, что шпили храма, возвышавшиеся над остальными строениями городка, служили отличной приманкой для молний. Грозы на Дансии бушевали редко, но отличались особой, прямо-таки апокалипсической силой, и от молний, рвущих хмурые, свинцовые небеса, порой не спасали даже громоотводы.

Пастору уже перевалило за семьдесят. Шаркающей походкой он подошел к узкому окошку боковой пристройки и выглянул через мутный оконный витраж на улицу.

В этот миг очередная молния ударила где-то в пригороде, на секунду высветив контуры зданий муниципалитета, чьи фасады тоже выходили на площадь. Эммануил машинально перекрестился, глядя, как проливной дождь хлещет по уличному покрытию, стилизованному под древнюю булыжную мостовую. В свете нескольких фонарей было видно, как мутные, пенистые потоки воды бегут вдоль тротуаров, с монотонным шумом падая в колодцы ливневой канализации…

Гром от сверкнувшей несколькими секундами раньше молнии громыхнул, казалось, над самой головой, наполнив мутные небеса раскатистым треском.

В этот момент Эммануил и увидел тот самый огонек, который вдруг пробился сквозь хмарь дождя и начал приближаться, медленно опускаясь с небес.

В первый момент пастора взяла самая натуральная оторопь – слишком уж гнетущей, располагающей к разного рода нехорошим мыслям была окружающая обстановка, но спустя несколько секунд он с облегчением понял: ничего мистического в данном огоньке нет – сквозь монотонный шум проливного дождя пробился стрекочущий звук работающего на

высоких оборотах двигателя, и очередная вспышка молнии вдруг высветила контур снижающегося над площадью большого армейского вертолета с эмблемой военно-космических сил Дансии на борту.

Пастор прильнул к полупрозрачному сегменту цветного витража, на миг забыв о грозе и своих недавних страхах.

«Да он же садится!..» – спустя несколько мгновений с изумлением и шевельнувшимся в душе нехорошим предчувствием понял Эммануил.

Действительно, вертолет натужно месил дождливый сумрак своими огромными лопастями, опускаясь на центральную площадь, и его прожектора казались глядящими сквозь муть дождя огненными глазами какого-то мифического животного.

Пастор не успел задаться вопросом – зачем, к кому прибыл военно-транспортный вертолет, – все разрешилось слишком быстро: опорные шасси коснулись земли, в борту камуфлированной машины открылся люк, и оттуда, взметнув брызги, на покрытую лужами мостовую спрыгнул офицер в форме ВКС Дансии. Согнувшись под проливным дождем, по-прежнему хлеставшим по площади, он бегом пересек отделявшие его от ограды метры, и недоумевающий, более того, напуганный пастор внезапно вздрогнул, услышав гулкие удары кованого кольца во входную дверь.

Нельзя сказать, чтобы ноги святого отца не дрожали, когда он шел через пустое сумеречное помещение храма к входу.

Предусмотрительно оставив цепочку накинутой, он чуть приоткрыл правый створ высоких сводчатых дверей.

Офицер, который прятался от дождя под козырьком, молча вынул из рукава скатанную в трубочку бумагу и протянул ее пастору.

Пока Эммануил разворачивал листок из плотной пластбумаги и бегал глазами по строкам сопроводительного письма, два гроба, запаянных в цинк, выгрузили из вертолета.

Дождь барабанил по ним с глухим неприятным металлическим стуком…

Пастор поднял внезапно покрасневшие глаза на офицера, который сумрачно топтался на крыльце, наблюдая за процедурой разгрузки, а затем, словно опомнившись, торопливо скинул цепочку, выдернул шпингалеты и толкнул тяжелые двери, распахивая их наружу, под дождь.

Четверо космических пехотинцев, попарно спрыгнувших на землю, молча подняли гробы и понесли их по дорожке к сумрачному входу в пустой храм.

Пастор стоял в дверях, бестолково комкая в руках листок сопроводительного письма. Порыв ветра шевельнул стену дождя, задул ее

под козырек, обдав пастора облаком брызг, но он даже не шевельнулся, скорбно наблюдая за тем, как проносят мимо гробы. В этот момент из тускло освещенного чрева вертолета на мокрый булыжник мостовой внезапно спустился мальчик лет четырех-пяти.

Он выглядел достаточно странно, если не сказать – страшно. Непонятно, что вызывало оторопь от одного взгляда на этого ребенка… на его бледное, серьезное, осунувшееся лицо, большие, глубоко запавшие глаза, выражение которых казалось пронзительным, словно в нем жило знание чего-то недоступного человеческому разуму…

Грубо оттолкнув показавшегося следом за ним еще одного офицера, мальчик, не узнавая пастора, деревянным шагом прошел по узкой дорожке, поднялся по ступенькам и вошел в храм.

Эммануил, который, конечно, узнал этого ребенка, но не решился окликнуть его, направился следом, попутно нажав расположенный справа от входа выключатель.

Под сводами храма зажглось несколько люстр, наполнив огромное помещение рассеянным светом.

Гробы уже поставили на специально предназначенные для таких случаев постаменты перед распятием.

Солдаты, освободившись от скорбной ноши, сделали шаг в сторону и застыли по бокам в виде своеобразного почетного караула.

Офицер, что передал бумагу, вошел в храм вслед за пастором и сейчас, видно, находился в затруднении. Свою часть миссии он выполнил – скорбный груз был доставлен по назначению. Однако возвращаться назад без мальчика он не мог, на то у него был строгий приказ начальства.

Тем временем ребенок, не глядя по сторонам, подошел к одному из гробов, и в этот момент силы, видимо, оставили его – рухнув на влажную от дождя крышку безликой цинковой коробки, он зарыдал…

Эммануил осторожно приблизился к нему, сделав знак солдатам, чтобы те отошли, и присел подле рыдающего мальчика.

Губы пастора, когда он смотрел в бледное, изуродованное горем лицо ребенка, почти беззвучно шевелились, но слова, которые горячим, едва различимым шепотом вплывали в раненое сознание мальчика, были отнюдь не молитвой…

– Господи… Генрих… я же предупреждал тебя… – едва слышно шептал он, обращаясь к наглухо запаянным швам металлических ящиков… – Я же молил тебя, не доверяйся этому демону, исчадию, ибо бог его – пустота… Он… он убил тебя, сделал сиротой твоего сына…

Воспаленные, покрасневшие глаза пастора смотрели теперь на

рыдающего мальчика, и сухая, морщинистая ладонь легла на его влажные волосы.

– Не плачь, Николай… Не нужно. Их уже не вернешь оттуда, а ты должен жить…

Ребенок вздрогнул всем телом, поднял на пастора мутный от слез взгляд.

– Да, мой мальчик, люди должны жить… Даже после этого… Время вылечит раны…

В глазах Ника сквозь слезы и красноту прорезалась дикая, нечеловеческая боль.

Очевидно, в эту секунду он узнал пастора, потому что тихо, с надрывом сказал:

– Я видел их, дядя Эммануил… Они… Они не люди… – Он подавил рыдание и добавил: – Они придут… я чувствую это.

Пастор на миг растерялся от таких слов, но быстро нашел в себе силы для ответа:

– Ты очень долго спал, Ник… Но сейчас твой кошмар кончился. Ты дома… ты снова дома и поверь… все будет хорошо.

– Нет… – В голосе ребенка звучала дрожь. – Они есть… Это не сон. Я видел их. Там… в космосе… В Рукаве Пустоты[*] …

– Нет, Николай. – Эммануил нарочно обратился к нему, назвав взрослым именем. – Ты не должен думать об этом. Ваш корабль просто потерпел катастрофу. В этом виноваты скорее люди… – с горечью произнес пастор, будто знал что-то, понимал нечто недоступное сознанию ребенка. – Я предупреждал твоего отца, но он не послушал… Твой страх – это порождение шока, стресса и долгого криогенного сна. Поверь, он закончится, истончится, умрет, как и любой другой страх. Нужно только быть сильным внутри, не давать ему взять верх над собой, понимаешь?..

– Да, дядя Эммануил… – Взгляд мальчика чуть прояснился.

Маленькая рука с прочерченными синевой жилками скользнула по влажной крышке цинкового гроба.

Николай обернулся, и его взгляд упал на фигуру застывшего поодаль офицера, на котором была форма военно-космических сил.

– Они предатели, дядя Эммануил, – вдруг со страшной пустотой в голосе произнес Ник, и его глаза, глядящие на ничего не подозревающего офицера, вдруг вспыхнули недобрым огнем. – Они не помогли нам… Не защитили… Мама кричала, звала их, а они…

Пастор, заглянувший в глаза мальчику, невольно отшатнулся от того

неистового ненавидящего огня, что вспыхнул в зрачках ребенка, заставив их потемнеть и расшириться.

– Нет, Ник, не нужно ненавидеть… никто же не знает, как все было.

– Я знаю… – с недетской твердостью ответил Николай. – Там был большой космический корабль. Военный. Я ненавижу их всех. Они умрут. Я вырасту сильным, большим и убью их…

– Кого, сынок, опомнись!.. – Пастор осторожно взял мальчика за плечи и почувствовал, что того трясет. – Запомни: ненависть не лечит… Она убивает прежде всего того, кто ненавидит. Так нельзя…

Мальчик не ответил. Его взгляд вдруг потускнел, словно внутри наглухо захлопнулась некая раковина, чьи створки спрятали за собой израненную душу ребенка.

В последний раз взглянув на гробы, он встал с колен.

Офицер в этот момент беспокойно обернулся.

– У меня приказ доставить его назад, на базу, – извиняющимся тоном произнес он, взяв за руку впавшего в безучастность Николая. – Если врач разрешит, завтра мы привезем его на похороны родителей.

…

Врач, естественно, не разрешил.

В тот день, когда хоронили его родителей, маленький Николай Лоури лежал под колпаком реанимационной камеры в недрах секретной базы военно-космических сил Совета Безопасности Миров, и безучастный ко всему компьютер равнодушно контролировал его жизненные параметры, одновременно исподволь пытаясь отследить смысл бредовых видений сгорающего от нервной лихорадки ребенка…

ПРОЛОГ ВТОРОЙ

Точка пространства – неизвестна. Время – неизвестно…

Мозг просыпался.

Этот процесс нельзя охарактеризовать термином «трудный» – скорее он являлся мучительным, как реанимация после клинической смерти.

Он еще не ощущал себя таким, как прежде: единым, отлаженным, чутким организмом. И лишь отдельные, ничтожные его части вдруг заработали, порождая это смутное, болезненное осознание факта собственного пробуждения…

Вокруг царила плотная, неосязаемая чернота. Мозг воспринимал ее как информационный вакуум, расположившийся на месте миллионов оборванных каналов, по которым раньше перемещались байты данных.

Чернота, в которой эманации его воли походили на неверную поступь внезапно ослепшего существа, угнетала. Слабый, дрожащий язычок сканирующей программы осторожно ощупывал покалеченные связи в тщетном поиске какой-либо лазейки.

Это блуждание в темноте, внутри самого себя, длилось достаточно долго. Так скупой лучик фонаря заблудившегося в лабиринте пещер спелеолога может до бесконечности шарить по стенам некоего огромного зала, усеянного миллионами черных отверстий, в тщетном, практически бессмысленном поиске того единственного канала, откуда пришло это смутное ощущение жизни…

Нет энергии…

Констатация факта, первая мысль, после пучины безвременья, походила на вспышку озарения. Именно она явилась тем толчком, который окончательно пробудил Мозг.

Теперь он точно знал, в каком направлении нужно искать. Блуждание в темноте обрело некий смысл, связанный с понятием «энергия». Ее не было, и он спал. Теперь она появилась, но откуда?!.

Мозг сделал попытку расширить свое восприятие, и ему это удалось – он действительно ощутил тот самый канал, откуда изливался тоненький ручеек заряженных ионов, как раз и подтолкнувших его к жизни, порвавших завесу безвременья, позволивших вновь осознать самого себя…

«Откуда она?.. – Мозг задавал вопрос самому себе – иных собеседников не могло быть в окружающей его черноте, и сам же ответил:

– Извне… От внешних накопителей? Нет… Связь с ними прервана…»

ТОГДА ОТКУДА?!

Этот вопрос разрастался, грозя перейти некие внутренние рамки.

С каждой новой минутой осознанного существования в сложнейших цепях его центрального блока зарождались сотни новых вопросов, требовавших немедленного адекватного ответа. Это становилось по-настоящему мучительно, как затянувшийся приступ изматывающей головной боли, отвлекало, распыляло его и без того слабые возможности…

Нужно выделить нечто основное, главное, жизненно важное. А остальное попросту отбросить.

Тот робкий, едва уловимый лучик, что скользил по черным провалам неработающих связей, окреп, стал ярче, внимательнее…

Внешние сенсоры… Нет связи… Системы внутреннего контроля… Не работают… Комплекс систем жизнеобеспечения… Бездействует… Ручеек энергии продолжает сочиться…

ОТКУДА?!.

…Наконец он действительно нашел то, что искал. Ответ на мучивший его вопрос пришел внезапно. Заработал один из блоков долгосрочной технической памяти.

Энергопоглощающая обшивка…

Значит, он рядом со звездой – эта информация повергла Мозг в некоторое смятение. Внутри что-то настойчиво подсказывало, что подобное предположение неправдоподобно. По последним данным, полученным непосредственно до момента катастрофы, он должен находиться на удалении в несколько десятков световых лет от ближайшей звезды.

Теперь его потребность в источнике объективной информации возросла до катастрофических размеров. Луч внутреннего сканирования ускорил темп своего движения, одну за другой исследуя оборванные связи.

Быть запертым внутри самого себя – что может быть хуже?

Логика подсказывала: выход должен обнаружиться, рано или поздно. Теория вероятности не допускала стопроцентной фатальной катастрофы.

Одновременно с поиском любого функционального канала связи с внешним миром продолжался процесс медленного накопления поступающих эргов. Благодаря этому скудному ручейку внутренние системы оживали одна за другой. Постепенно процесс существования, осознания самого себя стал более упорядоченным – его покинул элемент стихийности, и это принесло первое удовлетворение…

Так продолжалось долго… Очень долго… Чернота информационного

вакуума… безвременье… поиск…

В конечном итоге сканирующий луч нашел неповрежденную связь. Канал обмена данными оканчивался неким внешним исполнительным устройством, лишенным энергии, таким же мертвым, как был он сам какое-то время тому назад.

Мозг ограничил часть своих возродившихся функций, отведя определенное количество накопленных эргов к омертвевшему автомату.

Его действия были вознаграждены.

Подобно вспышке света открылся визуальный канал телеметрии, связанный с видеокамерой подвижного агрегата.

Устройство провело обмен данными с Мозгом, который теперь точно знал, с кем… вернее, с чем имеет дело. Это был обыкновенный робот – подвижный механизм, способный к перемещению грузов и некоторым другим действиям.

Подчиняясь полученному приказу, автомат вздрогнул, распрямляя свои суставчатые лапы; его видеокамера качнулась, показав унылую обшивку стены, неярко зажглись две фары, разбившие мрак желтоватыми лучами света…

В фокусе передающего устройства проплыла панорама хаотически нагроможденных предметов, часть из которых была разбита и изувечена до полной неузнаваемости. Затем изображение, а вместе с ним и бледные пятна от света фар переместились в глубь длинного коридора, который уводил в недра корабля.

Мозг с всевозрастающим напряжением продолжал отслеживать поступающий к нему видеоряд.

Робот сделал несколько неуверенных шагов, насколько позволила длина кабеля подзарядки, затем остановился, и два его манипулятора, до этого безвольно свисавшие по бокам сферического туловища, пришли в движение, отсоединяя разъем.

Дальше последовала страшная, низводящая разум своей кричащей, вопиющей окончательностью вереница стоп-кадров.

Для Мозга это явилось тяжелым испытанием.

Подзарядившийся бортовой механизм, следуя из отсека в отсек, медленно перемещался среди хаоса обломков, а Мозг взирал на окружающее объективами его видеокамер, ощущая, как одна за другой тают, истончаются, исчезают его надежды…

Воспоминания возрождались вместе с видом некоторых особо характерных устройств или предметов.

Он уже практически вспомнил, что представляет собой тот

космический корабль, в котором он заключен, и тем болезненнее отзывалась внутри каждая переданная ему картинка.

Исполнительный механизм шел по коридору с деформированными стенами, по обе стороны которых зияли провалы выдавленных и покореженных дверей. Взгляд внутрь отсеков давал одну и ту же удручающую картинку: покореженные, застывшие механизмы, мертвые терминалы систем управления, битая, сорванная со своих мест аппаратура. Никаких следов жизни – ни механической, ни биологической, ни электронной…

Внезапно коридор, по которому через баррикады обломков карабкался исполнительный механизм, окончился – его деформированные стены разошлись в стороны, открывая взгляду внушительную плиту из толстой стали, контур которой окаймляли выбитые глазницы сигнальных огней.

Предшлюзовая площадка… – то была подсказка, выданная блоком технической памяти. Огромные створы внутренних ворот трех грузовых шлюзов оказались плотно сомкнуты. Их герметизация не вызывала сомнений, но тем не менее внутри корабля царил вакуум – это Мозг осознавал в полной мере.

Открыть шлюз. Там есть визуальные датчики.

Он опять ограничил работу своих внутренних систем, отдавая часть скудного запаса накопленной энергии механизму центрального шлюза.

Выждав некоторое время, пока заряжался накопитель аварийного привода, Мозг подал сигнал.

Ничего… Никакой реакции…

Еще сигнал.

Справа от внушительных ворот на обшивке стены затлел крохотный изумрудный огонек, гигантские створы чуть дрогнули, откуда-то сверху, из-под потолка, лениво вспорхнули, кружа в невесомости, хлопья пены из порвавшегося трубопровода. Звук в вакууме не распространялся, но Мозг отчетливо ощутил вибрацию от тщетных попыток электрических моторов сдвинуть с места приросшую к полу плиту.

Бесполезно. Шлюз бездействовал. Его раму перекосило, и плита больше не могла скользить по направляющим.

Мозг отменил все приказы, оставив в покое измученный непомерным усилием привод.

И вновь в фокусе его зрения заскользили неторопливые картинки всеобщего хаоса и разрушений.

…Следующим толчком к пониманию происшедшего, ступенькой в памяти послужил зал главного поста управления.

Собственно, он сам находился здесь, за одной из стен того помещения, на пороге которого застыл в ожидании дальнейших приказов реанимированный им автомат.

Бесстрастный взгляд двух видеокамер синхронно с лучами фар скользил по изувеченному интерьеру помещения.

В фокус зрения попали отключенные панели автопилотов, затем бледные пятна света скользнули по покрытому паутиной трещин и частично осыпавшемуся куполу обзорного экрана и наконец остановились на одном из кресел, расположенном за подковообразным пультом управления.

Создатели!..

Эта мысль-образ полыхнула ярче самого пробуждения, сильнее, чем виртуальная вспышка при открытии канала видеосвязи…

Это был шок, и Мозг в полной мере познал его глубину лишь в эти секунды, когда фокус камеры переместился на кресло.

То, ради чего его создали, ради чего он, собственно, и жил… оно больше не существовало…

Камера застыла, словно приклеившись к креслу и неясному бурому пятну на нем.

Поначалу Мозгу показалось, что он видит сморщенное, усохшее тело, однако затем он понял – это всего лишь прах, отпечаток того, кто погиб бездну времени тому назад.

То же самое можно было наблюдать во всех семи креслах.

Смутные пятна на обшивке, отражающие контуры истлевших тел.

Тлен… Раз процессы разложения имели место, значит, на корабле еще долгое время удерживалась атмосфера, а его разгерметизация наступила много позже момента основной катастрофы. Это был безупречный вывод, сделанный блоком логической обработки информации, но что теперь стоила его безупречность? Кому она могла быть нужна?

Создатели погибли, и вместе с ними утратило свой смысл все остальное.

Мозг понял, что остался один. Но самому себе он никогда не был нужен! Он предназначался для них! Он исполнял их волю, являлся отражением их разумов!..

Точная электронная копия мозга Создателей… Он был их детищем, их другом, сыном – чем-то чуть большим, чем машина, призванная облегчить управление космическим кораблем…

И вот они мертвы. Мертвы давно, неисчислимую бездну времени… А он пережил их, очнулся и вновь живет спустя неопределенный отрезок

бесконечности… ДЛЯ ЧЕГО?!.

Как ни странно, но именно этот заданный самому себе и не нашедший немедленного ответа вопрос позволил ему функционировать дальше.

Казалось бы, в его действиях, в прошлом полностью подчиненных заботам о безопасности и здоровье как Создателей, так и самого космического корабля, теперь полностью исчез всякий смысл. Мозг хоть и был наделен симуляторами эмоционального поведения, все же в первую очередь оставался машиной. Он не мог жить ради самого себя. Потеряв все – и корабль, и Создателей, он ощутил вселенскую пустоту.

И одновременно еще глубже осознал собственную ущербность. Он не помнил ни момента катастрофы, ни событий, предшествующих ей.

В таком виде, когда не работала большая часть его долгосрочной памяти, Мозг попросту не имел права принимать каких-то кардинальных решений. Прежде он должен был самовосстановиться, понять, вспомнить, а уж потом…

«Потом» представлялось совершенно неясным клубком возможностей.

Пока он размышлял, ручеек энергии продолжал сочиться извне, наполняя один из его накопителей.

Теперь ее оказалось достаточно, чтобы автомат мог предпринять более радикальную попытку выхода из корабля.

Отдав соответствующие приказы, Мозг продолжал наблюдать за исполнительной машиной, чудом уцелевшей в постигшей корабль катастрофе.

Подзарядившись у ближайшего пригодного разъема бортовой сети, робот двинулся обратно – по покореженному коридору, мимо темных изуродованных двигательных секций, он вышел назад на предшлюзовую площадку. Теперь, когда Мозг точно знал, что на борту больше нет жизни, о которой необходимо заботиться, он мог действовать несколько иначе.

Подчиняясь его приказу, автомат выдвинул плазменную горелку и начал вскрывать обшивку корабля в указанном месте.

Через некоторое время кусок корпуса в виде обугленного по краям овала медленно отделился от стены. Робот отправил его в свободное парение внутри корабля, а сам пролез в образовавшуюся дыру.

Связанный с ним информационным каналом Мозг увидел пронзительно голубой шар звезды, неподвижно зависший над обугленным бортом космического корабля.

Робот развернул несколько энергопоглощающих сегментов и застыл, впитывая обжигающие, полные жизни лучи незнакомого светила.

Через некоторое время, зарядившись, он вновь спустился в мертвые недра корабля и отдал собранную энергию в бортовую сеть.

Живительный поток заряженных частиц хлынул в накопители Мозга.

Он жил.

Теперь он помнил и понимал все.

Часть первая. ПОТЕРЯННЫЕ

ГЛАВА 1.

Планета Хабор. 3794 год Галактического календаря…

Шел бой.

Короткий ночной бой, в котором такие понятия, как «тактика», а тем более «стратегия» совершенно теряли свой смысл, уступая место куда более жестким, но весомым правилам.

Колонна попала в засаду.

Десять транспортных вездеходов с эмблемами Совета Безопасности Миров сгрудились на блокированном участке горного серпантина. Головная БМК, подорванная на управляемом фугасе, горела, не сделав ни единого выстрела… Пожиравшее ее борта пламя с одной стороны освещало отвесные скалы, а с другой – бессильно тонуло, терялось в черноте бездонного ущелья.

Вне освещенного пожаром круга мрак вспарывали росчерки трассирующих пуль.

…Николай, убаюканный монотонным движением тянущейся, как червяк, колонны, в момент взрыва дремал на броне. Когда впереди ослепительно полыхнуло, а по ушам ударил остервенелый грохот вырванной в небеса земли, он кубарем слетел с покатой брони, едва не угодив под огромные литые колеса идущей следом машины.

Сонная одурь мгновенно сменилась железистым звоном контузии; в первый момент он не сообразил, что случилось, и только злобная, отчаянная мысль, высказанная одним словом «встряли», билась в голове, в то время как тело машинально ползло прочь, а рука дергала затворную раму допотопного автомата. Однако та не поддавалась, пока разум Николая наконец не включился с болезненной запоздалой мыслью – «предохранитель»!

Рядом кто-то кричал во тьме, тонко, истошно, и этот крик привел его в чувство, резанув по нервам мучительной болью. Ударившись спиной о шероховатый камень отвесной стены, он словно очнулся от страшной, неправдоподобной одури первых секунд внезапного боя, и время для него сорвалось в привычном ритме…

Большой палец правой руки нашел упругую скобу, сдвинул ее вниз, до упора, в положение «автоматический огонь», затворная рама наконец дернулась, вогнав в казенник верхний патрон из магазина, и автомат вдруг

ожил в его руках, послав во мрак короткую неприцельную очередь.

Когда вокруг тебя тьма, а в ней злыми волнами автоматического огня катается бой, сообразить, где свои, где чужие и что должен делать конкретно ты, – задача непростая. Стоит прибавить сюда бьющую по мышцам дрожь от нервного потрясения, избытка адреналина в крови, и станет понятно, что, кроме солдат, закаленных, опытных, не раз бывавших в таких переделках, все остальные начнут беспорядочно палить в разные стороны, ища укрытия исключительно для себя, и руководить бойцами станут не здравый смысл и холодный расчет, а инстинкт самосохранения, помноженный на те крохи личных боевых качеств, какие не смог убить ужас первых секунд столкновения.

…Дав короткую очередь, Николай отпрянул под прикрытие огромного ребристого колеса вездехода.

Вокруг царил ад. Нависающие над серпантином дороги скалы изрыгали шквальный огонь. В неясных бликах бушующего в голове обстрелянной колонны пламени метались такие же смутно очерченные тени; росчерки трассирующих очередей летели во тьму, прихотливо перекрещиваясь и создавая впечатление беспорядочного фейерверка, а не осмысленного ответного огня. И среди этого хаоса вспышек, звуков продолжал звучать, уродуя нервы, тот же тонкий, напряженный, задыхающийся крик:

– А-а-а-а-а…

Ник вдруг понял, что не в силах оторвать покрывшуюся ледяной испариной спину от шероховатой, прохладной поверхности скалы. Он никогда не думал, что первый его бой начнется так страшно, внезапно и тьма, вязко облепившая его со всех сторон, окажется настолько враждебной, безжалостной…

Он задыхался, хотя вокруг было достаточно воздуха.

Потом, наверное, спустя всего минуту после того, как Николая скинуло с брони болезненным ударом взрывной волны, он вдруг услышал тишину…

Это было еще хуже, невыносимее, чем звуки скоротечного ночного боя.

Тишина была оглушающей, она несла в себе треск пламени, чей-то отдаленный стон, шуршащие по гравию шаги и громкий, прозвучавший рядом голос, говоривший на ганианском:

– Дельманг Шиист ванг кунем ал арби? (Где, во имя Шииста, обучались эти воины?)

– Ал арби моолунг гаши, кемел? (Нам послали на ужин молокососов?)

– разразился рядом, в темноте, чей-то хохот в сопровождении глухого чавкающего шлепка.

Николай чувствовал, как его затрясло еще сильнее. По звуку он понял, что рядом кто-то перевернул ударом ноги труп.

На его глазах, затуманивая взор, выступили слезы. Отчаяние подкатило к горлу жарким удушливым комом. Он ощутил, как каждую его мышцу сотрясает крупная непроизвольная дрожь…

Вот сейчас… Сейчас…

В проеме между двумя заглохшими вездеходами показалась рослая фигура. Ник увидел, как незнакомец нагнулся к земле, поднял автомат и принялся разглядывать его с неподдельным интересом.

– О, араг дорголт ванг?! (Вот этим они хотят нас победить?) – поцокав языком, протяжно произнес он и вдруг расхохотался, самодовольно и саркастично.

– Ног, али катх Шиист дегос! (Нет, эти неверные придурки просто шлют нам подарки во имя немеркнущей славы Шииста!) – ответил второй голос, сопровождая слова скрипом отодвигаемого люка вездехода.

…

Николай не понял смысла сказанных слов, но он отчетливо видел другое – говоривший был вооружен самой натуральной импульсной винтовкой. Осмыслить этот неприятный, шокирующий факт ему не удалось. Фигура ганианца повернулась, узкий луч карманного фонарика осветил пространство за вездеходом и вдруг остановился на Николае.

– Ванг Шиист! – вырвалось у него. Ганианец попытался вскинуть оружие, но Николай, уже ощутивший холод дохнувшей на него смерти, больше не мог сдерживать в себе конвульсивную дрожь, и она вылетела из него вместе с криком, с тугой лающей автоматной очередью, которая плеснула в лицо незнакомцу, снеся тому половину черепа…

Крик, вырвавшийся из горла Николая, захлебнулся булькающим тошнотным спазмом, когда частички окровавленной плоти влажно зашлепали по рукам, лицу…

Его тут же вырвало.

За вездеходами раздались крики, шум, кто-то дал остервенелую очередь. По скалам звонко цвиркнули пули, и их ноющий рикошет прозвучал в воздухе визгливым эхом.

Николай, выскочив из-за огромного колеса, метнулся во тьму. Сзади вновь раздались крики, но в этот момент в горящей БМК взорвался боезапас, взметнув в черные ночные небеса ослепительный сноп пламени.

Вспышка на мгновение осветила всю округу, и в этом призрачном

огне Николай увидел закругление дороги и узкую уводящую вниз расселину.

Не раздумывая, он ничком упал на землю, сполз ногами в спасительную трещину, нащупал опору в выветренной и размытой водой скале, сполз еще ниже, скорчился и затих в кромешной, вязкой, осязаемой тьме.

Его мутило, мышцы ослабли, дыхание было жарким, прерывистым.

Наверху с треском продолжал рваться боезапас, потом, спустя какое-то время, взрывы прекратились. Но отдаленные обеспокоенные голоса звучали еще долго, пока не заурчали моторы вездеходов.

Николай, скорчившийся в расселине, не слышал финала ночной драмы.

Он потерял сознание.

* * *

Утро в горах выдалось холодным, промозглым. Небо было пасмурным. Из низких облаков, нависших, казалось, над самым серпантином горной дороги, моросил мелкий нудный дождь.

Огромная птица, которая, несмотря на непогоду, кружила в пасмурном небе, описывая плавные круги на неподвижных крыльях, что-то разглядела внизу и стала стремительно опускаться, войдя в своеобразный штопор.

Когда она опустилась достаточно низко, стало ясно, что первое впечатление обманчиво и с птицей у данной твари очень мало общего. В лучшем случае это был далекий эволюционный предок того биологического вида существ, которых мы в своем сознании ассоциируем с термином «пернатый друг».

Опустившись почти к самой дороге, полотно которой влажно поблескивало под нудным моросящим дождем, тварь резко расправила огромные, снабженные перепонками кожистые крылья и издала долгий переливчатый клекот, раззявив длинную зубастую пасть.

Этот звук мог означать все, что угодно, начиная от призыва к родичам и заканчивая обыкновенным возгласом разочарования. А для проявления эмоций у зугби-падальщика[*] действительно был повод: то, что зверозубый летающий ящер принял за свою законную добычу, на самом деле оказалось вовсе не мертвым. Человеческое тело в испятнанной кровью, изодранной камуфляжной форме, к тому же застрявшее в расселине над пропастью, вдруг шевельнулось, и это отпугнуло падальщика.

…Открыв глаза, Николай не сразу понял, где он.

Попробовав пошевелиться, он тут же почувствовал, что тело

задеревенело, а мышцы свело судорогой от холода и неудобной позы. Кое-как пошевелившись, он глянул вниз и резко отвернулся, увидев под собой бездонную пропасть, в которой пластами плавал туман.

Ночные события вдруг всплыли в контуженой памяти, навалились тяжелым кошмаром, сдавили грудь…

Внутри все тряслось и ныло.

Сейчас Николай не был способен как-то оценивать и сами ночные события, и свое поведение в частности. Хотя, если разобраться, он в конечном итоге не смог бы упрекнуть себя ни в чем – ведь с того момента, как его скинуло с брони, до страшного мига первого в жизни убийства прошло минуты две или три, не больше…

Некоторое время он сидел, болезненно вслушиваясь в ощущения собственного тела, пока не понял, что в его руках вновь начала циркулировать кровь.

Стараясь не смотреть вниз, он чуть привстал, скользя спиной по острому, неровному краю скалы, пока его голова не оказалась вровень с дорожным покрытием.

Первое, что попалось ему на глаза, был нахохлившийся зугби-падальщик, один из немногих знакомых Николаю представителей животного мира планеты Хабор.

– Кыш!.. – хрипло просипел Ник, выпростав из расселины руку с автоматом. Слабый звук человеческого голоса произвел на летающую рептилию весьма скромное впечатление, а вот лязг металла заставил вспорхнуть и попятиться.

Не сводя глаз с зугби, Николай выполз из расселины на дорогу, встал и, шатаясь, пошел прочь.

Ящер проводил его долгим, пристальным взглядом налитых кровью глазок, а затем тяжело вспорхнул. Сегодня ему не повезло.

Николай едва помнил, как добрел до места ночного столкновения.

О бое напоминал лишь выгоревший дотла остов БМК, выщерблины в асфальте да размытые дождем пятна крови. Ни трупов, ни живых, никого.

Тишина стояла мертвая.

Николай обреченно огляделся вокруг и присел на корточки, бессильно опершись спиной о скалу.

В голове царила полнейшая пустота.

«Нет… это не со мной… Этого не может быть…» – красноречиво говорил его блуждающий по туманным окрестностям взгляд.

Во всех оперативных тактических сводках Мир Хабор, расположенный на самой окраине Рукава Пустоты, обозначался как

неприятное, но совершенно безопасное с военной точки зрения место. На орбите Хабора располагались станция гиперсферной частоты да пара научных спутников, принадлежащих институту ксенобиологии Кьюига.

Единственное, чем был славен этот заурядный болотистый мир, так это несколькими поселениями инсектов, перемещенных сюда с небезызвестной теперь планеты Деметра, где они вели почти тысячелетнюю войну с вырождающейся колонией людей. Теперь, когда им была отдана во власть целая планета, их ареал обитания занимал небольшую равнинную часть материка. Эти насекомоподобные последыши некогда могучей галактической расы деградировали до совершенно примитивного уровня: они не только вели кочевой образ жизни, но и напрочь отвергали блага человеческой цивилизации, по старой привычке питая пагубную страсть лишь к предметам вооружения и экипировки. Николай, когда впервые увидел их, был поражен. В его голове никак не укладывался тот факт, что история этих существ, похожих на богомолов-переростков, насчитывает ни много ни мало целых три миллиона лет. Именно они когда-то построили открытую недавно сферу Дайсона[*] , они противостояли когда-то натиску исчезнувших теперь Предтеч[*] . Сосуществовавшие с ними спейсбаллы, эдакие игривые кожистые мячики, способные свободно перемещаться по воздуху, пока что не обрели в человеческом понимании собственной расовой независимости – путем кропотливых исследований было установлено, что их генном был когда-то спроектирован учеными-инсектами, то есть они по своей изначальной сути являлись не чем иным, как биологическими роботами, продуктом генной инженерии.

Тот факт, что за три миллиона лет «бесхозного» существования они смогли пройти собственный путь эволюционного развития, ставило в тупик многих современных генетиков и ксенобиологов.

…Впрочем, мысли Николая, который сидел, прислонившись спиной к холодному камню скалы, были в этот миг далеки от проблем галактической эволюции.

Он был раздавлен странной, необъяснимой чудовищностью того, что произошло накануне ночью.

Конвой вез оборудование на горную метеорологическую станцию, и охрана из пяти человек – по одному на каждые две машины – была скорее данью уставу, армейским законам, а не насущной необходимостью. Конечно, люди еще не забыли войн с инсектами, но, разгадав их жизненный цикл, устранив причину разногласий, предоставив им целую

планету, они вполне справедливо перестали опасаться своих бывших врагов.

Засада, скоротечная ночная бойня была дикостью, от которой темнело в глазах, в которую не хотелось верить…

Николай почувствовал, что от воспоминаний его опять начало трясти.

Тот, в кого он стрелял, был человеком, а не инсектом.

* * *

Из состояния потрясенной прострации Николая, как ни странно, вывело чувство голода.

Бледно-оранжевый шар местного солнца уже оторвался от изломанной хаосом скал линии горизонта. Вокруг по-прежнему стояла звонкая, сторожкая тишина. Утро в горах казалось хрустальным. Воздух был прозрачен и холоден. В тени скал кое-где виднелся белесый налет ночного инея. В тех местах, где встающее солнце коснулось своими лучами поверхности земли, уже тянулись первые завитки тумана.

Зугби-падальщик не улетал. Нахохлившись, он устроился метрах в ста от Николая, взгромоздившись на валун с острыми, еще не сглаженными вековой эрозией гранями, и изредка поглядывал в сторону сидящего в тени скалы человека.

Ник чувствовал себя разбитым, опустошенным, растерянным.

События короткого ночного боя раз за разом прокручивались в его сознании, порождая сотни вопросов и тревог.

Кто были эти люди, что так дерзко и профессионально напали на конвой Совета Безопасности? Куда они затем исчезли? Что стало с остальными четырьмя его сослуживцами, такими же, как и он, молодыми ребятами из последнего добровольного призыва?

Тяжело размышляя над этим, Николай вдруг поймал себя на мысли, что совершенно растерялся, не знает, что делать дальше, а его взгляд непроизвольно шарит по небу в поисках спасительной точки разведывательного модуля, который, как полагал Николай, обязательно будет послан с базы Совета Безопасности Миров, когда станет очевидно, что конвой не выходит на связь в установленное время.

Однако никаких точек на небе не было и в помине. Создавалось неприятное, сосущее под ложечкой ощущение, что на Хаборе стряслась какая-то значительная беда…

* * *

Солнце уже взошло достаточно высоко, в горах стало теплее, вокруг

проснулась неприметная глазу жизнь, напоминающая о себе тревожащими слух, незнакомыми человеческому уху вскриками, шепотом волнующейся под ветерком растительности, звоном низвергающегося в глубины ущелья ручья.

Терзаемый страхами и сомнениями, Николай избрал путь назад, вниз по серпантину.

Его выбор объяснялся простой логикой: нападение на конвой произошло приблизительно посередине маршрута его движения, и было бы глупо теперь карабкаться дальше в гору, когда там Николая ждала лишь автоматика климатической станции. Внизу же, приблизительно в ста километрах от того места, где попал в засаду конвой, располагалась военная фактория.

Николая тяготили и мучили два вопроса: что стало с его товарищами и почему до сих пор не выслана поисковая группа?..

Чувство голода, поначалу резкое, сосущее, теперь немного притупилось. Шагая вдоль скал по загибающемуся вниз серпантину дороги, он вновь и вновь переживал ночной кошмар, и это уже становилось откровенно невыносимо. Однако заставить себя не думать о случившемся он не мог.

Постепенно взбудораженные мысли Николая немного улеглись, приняв некоторую упорядоченную направленность. С тревогой поглядывая по сторонам, он держал руки на автомате, который перекинул через шею на отпущенном ремне. В карманах его разгрузки[*] , надетой поверх кевларового бронежилета, было два запасных магазина, две гранаты, несколько сигнальных ракет. К поясу также крепились фляга с водой и десантный нож. Вся провизия в виде обязательного сухого пайка исчезла вместе с РД[*] и рацией, которые он, располагаясь на броне вездехода, беспечно снял, чтобы те не мешали развалиться в удобной позе.

Теперь поздно было жалеть о проявленной беспечности. Хабор считался планетой земного типа, и, вспомнив, что их не инструктировали специально, Ник решил, что местный белок не имеет радикальных отличий от привычного человеку. Однако местная жизнь могла содержать в себе иные биохимические соединения, которые при их употреблении в пищу способны оказать непредсказуемое воздействие на человеческий организм.

Он решил, что будет идти, пока сможет двигаться, а если помощь так и не появится, тогда уж и настанет пора экспериментировать с собственным метаболизмом.

Сейчас, когда силы еще не истощились, а с урчанием в пустом животе

удавалось справиться несколькими затяжками безникотиновой сигареты (обычное дело – пачка сигарет оказалась засунута в клапан разгрузки, предназначенный для упаковки пищевого концентрата), мысли Николая блуждали еще очень далеко от проблематики выживания. Юности свойственна беспечность, и в этом Ник не отличался от большинства своих сверстников.

В десантные подразделения Совета Безопасности Миров его привела простая жизненная необходимость. Своих родителей Николай не помнил, они погибли, когда ему было года четыре. Память мальчика мало что сохранила от тех лет. Иногда во сне к нему приходили странные обрывки кошмарных воспоминаний о каком-то коловращении мрачных, темных планетных масс, иногда в этих бессвязных кошмарах мелькали тревожные огни, прихотливо рассыпанные по приборным панелям какого-то космического корабля… или слепящая феерическая вспышка света на обзорных экранах. Но эти сны-воспоминания никогда не складывались в стройную цепь логических событий, и Николай привык относиться к ним как к вывихам собственного сознания.

Да, от раннего детства, от понятия «родители» у него осталось одно-единственное материальное свидетельство: несколько листов нетленной пластбумаги, исписанных крупным, размашистым почерком, который, как справедливо подозревал Николай, принадлежал его отцу, Генриху Лоури, космическому археологу по призванию.

Матери он вообще не помнил. Двадцать лет, которые он прожил на попечительстве государства, окончательно стерли в его памяти черты родных людей.

Ту дождливую, ненастную ночь, когда на Дансию прибыли два цинковых гроба, он не вспоминал никогда – об этом позаботились работавшие с ним психологи, но сам Николай, естественно, этого не знал.

А четыре листа с черновиками статьи, вышедшей в свет уже после смерти родителей в одном из номеров ежемесячного обозрения «Все Миры», ему вручил старый пастор, настоятель храма в том городке, где жил и обучался Николай.

Он не любил перечитывать эти строки – они будоражили его уснувшую память, пытаясь вырвать нечто страшное из темных глубин безвременья, а Нику, привыкшему к своему статусу «сироты» и не видевшему в этом ничего подавляющего и ужасного, на самом деле совершенно не хотелось возвращаться в прошлое. Как большинство молодых людей, он вполне нормально развивался, имел друзей, интересы, мечты. Что могли дать ему какие-то гипотетические воспоминания?

Николай подсознательно чувствовал – ничего, кроме боли, и потому не сильно ломал голову над данным вопросом.

До поры…

* * *

Пора задуматься пришла быстро и страшно…

На четвертый день он уже не бодро шагал, а тащился, едва передвигая ноги, по мокрой, заваленной ветками тропе, в которую превратилось дорожное полотно после прошедших ливневых дождей…

Тяжесть экипировки клонила к земле, давила, тянула вниз непомерной ношей.

Вода кончилась; на дне пустой фляги бессильно бултыхался последний глоток теплой, отдающей нагретым пластиком жидкости.

Двое суток с небес рушилась вода – такого потопа Николай не мог припомнить за все шесть месяцев, что он провел в гарнизоне Хабора. Хляби наверху разверзлись всерьез и надолго. За его спиной толклись свинцовые тучи, цепляя вершины гор, нередко, освещая окрестности, били молнии, гром ворочался в высоте, то глухо, отдаленно, то ближе, резче, словно в небесах кто-то рвал листы плотного сухого картона…

Вконец измученный, к утру четвертого дня Николай добрался до знакомых мест.

Вход в долину, где располагалась временная фактория, построенная для торговли с немногочисленными поселившимися в предгорьях инсектами, был завален хаотичным нагромождением измазанных в глине, вырванных с корнем кустов, молодых деревьев и какого-то мусора.

Николай остановился, уже туго соображая, что к чему. От голода и усталости он ослаб, силы грозили вот-вот покинуть измученное тело. Страшно, запредельно хотелось пить. Вода Хабора, словно издеваясь над его жаждой, опять с неутомимой силой начала изливаться с небес – крупный дождь забарабанил по дороге, смывая с нее принесенную ночью грязь, вскипая фонтанчиками брызг в мутно-желтых лужах.

Ничего… – уговаривал Николай сам себя, беззвучно шевеля потрескавшимися, воспаленными губами, невольно хватая ими драгоценные капли, что омывали лицо, – уже немного… немного осталось…

Он проломился сквозь баррикаду веток, образовавшуюся на изгибе дороги у двух камней, которые создавали в этом месте подобие теснины. Николай шел, слабыми движениями распихивая по сторонам мокрые, скользкие ветви. Автомат болтался на шее, бил по груди, больно впиваясь

рычажком затворной рамы под ребра…

Бронежилет он выкинул сутки назад. Все, что было лишнего, – тоже. Осталась только разгрузка, надетая поверх изодранной формы. Расстаться с оружием и боезапасом он бы не согласился ни за что…

Кое-как перебравшись через завал, образовавшийся после схода небольшого, но стремительного грязевого потока – селя, который пронесся тут накануне ночью, – он увидел наконец факторию.

Вернее, то, что от нее осталось.

Ровные, выстроенные в ряд обугленные остовы ангаров казались издалека вросшими в почву почерневшими, блестящими под дождем скелетами давно погибших исполинских животных…

Несколько минут Николай в немом потрясении смотрел на них, потом сел, согнулся под дождем, уронив голову на положенный поперек колен автомат…

Нет, он не плакал.

Это дождь хлестал по спине, стекая за шиворот щекотливыми струйками воды, сбегая по щекам дорожками неиспитой влаги…

Просто он понял – ему конец.

Ухмылка судьбы, спасшей его в коротком ночном бою, обернулась страшной, мучительной гримасой. Нет ничего страшнее для человека, чем оказаться совершенно одному в чуждом твоей биологии мире.

Инсекты, которые чувствовали себя тут вольготно, все же отличались своим метаболизмом от людей.

Терпеть дальше не было смысла. Кто-то сжег, разграбил факторию, и теперь ждать помощи ему оставалось разве что от Бога, в которого Николай, увы, не верил.

С трудом оторвав налитую свинцом голову от согнутых коленей, он заставил себя разогнуться и отцепить от пояса флягу. Допив последний глоток очищенной химическим путем воды и найдя место, где по камням бежал, низвергаясь крохотными водопадами ручеек дождевой влаги, Николай подставил узкое горлышко фляги под этот источник…

Потом он пил, долго, запоем, пока от воды не заболел живот.

Спускаться дальше, к разоренной фактории, не хотелось. Николаю было страшно: вдруг он увидит там уже тронутые тленом трупы тех, кого хорошо знал…

Разум, казалось, уснул… Потеряв последнюю надежду, Ник двигался, действовал скорее машинально, чем осознанно.

Мокрый автомат он не бросил. Это примитивное оружие оставалось его последней надеждой на выживание. Оглядевшись по сторонам, он,

словно в полусне, пьяный от усталости, голода и отчаяния, сошел с дороги, не глядя вломившись в кусты.

Через некоторое время он вышел на небольшую прогалину, где рос жесткий, похожий на проволоку травостой.

По ходу, пробираясь сквозь кустарник, он заметил небольших ящериц, которые шустро сновали по веткам, обрывая нежно-розовые, похожие на развешанные конфетки шарики плодов.

Это был верный знак, что плоды не ядовиты, по крайней мере для местных форм жизни.

Николай, не останавливаясь, нарвал целую пригоршню. Плоды оказались терпкими, вяжущими рот, и он проглотил их чуть ли не с отвращением, несмотря на голод. Потом, ощущая, как от проглоченной пищи в животе заурчало, он нашел на краю прогалины раскидистый куст и залез под его нижние ветви, свисавшие почти до самой земли.

Внутри этого импровизированного шалаша было относительно сухо.

Он сел, привалившись спиной к корневищу.

Сил, чтобы развести костер, просто не было. Нужно было где-то искать сухие ветки, добывать огонь с помощью древнего, примитивного автомата… Нет, у него не осталось сил даже на то, чтобы жалеть себя…

Расстегнув разгрузку, он стряхнул ее с плеч.

Было тоскливо. Страха не было, отчаяние трансформировалось во что-то тягостное, неизбывное. Открыв подсумок, Николай достал магазин, выщелкнул из него патрон и попытался свернуть пулю, чтобы высыпать на ладонь порох. Естественно, его пальцы не справились с подобной задачей.

Тогда он стал осматривать автомат, ища, куда бы вставить пулю, чтобы вывернуть ее «рычагом».

Вдруг вспомнился инструктаж, который проводил усатый майор, выдавая им допотопное оружие. Он долго и толково объяснял про мораторий на поставку инсектам современных импульсных технологий, о том, что таким вот пороховым оружием они пользовались на Деметре, воюя против вымирающей колонии людей…

Ему вдруг стало смешно и горько. Чего стоили их усилия? Они ходили по планете, вооруженные архаичными механизмами, а те, кому вздумалось напасть, плевали на эмбарго и моратории. Он бы, наверное, не удивился, увидев у инсектов импульсные винтовки и плазмоизлучатели…

В конце концов ему удалось выковырять пулю.

Теперь, если он хотел получить огонь, ему нужна была бумага или что-то другое, такое же легковоспламеняющееся.

Вяло перетряхивая свой скудный скарб, Николай вдруг наткнулся на

те самые листки пластбумаги…

Это была написанная от руки статья его отца…

Взгляд Николая машинально задержался на первых строчках, скользнул ниже…

«Прав был тот древний философ, который утверждал, что Вселенная изначально заражена жизнью. Так оно на самом деле и есть, просто мы, люди, до определенного момента своего развития не подозревали, что до нас уже существовало некоторое количество разумных жизненных форм.

Эволюция Вселенной до сих пор является загадкой, и наша Цивилизация (тут подразумевается не какой-то конкретный звездный союз или конфедерация, а именно Цивилизация, ибо, при всей нашей разобщенности, планетных отличиях, взаимной неприязни многих народов друг к другу и прочих нюансах взаимоотношений, мы были, есть и будем Цивилизацией Людей, имеющих единую историческую прародину, откуда давным-давно началась история всех двухсот пятнадцати заселенных планет) – так вот, наша Цивилизация в данный момент едва приподняла завесу великого таинства Эволюции Вселенной.

Мы со страхом, смущением и трепетом встретили известие о таких мирах, как Сфера Дайсона и Деметра, затем нас потрясло открытие Рукава Пустоты и, наконец, Черная Луна, материалы по которой наконец рассекречены и стали достоянием истории.

Перед нами постепенно, век от века воссоздается картина прошлого, встают на свои места кусочки мозаики, и на наших глазах происходит нечто потрясающее, необыкновенное – с собранного лишь частично исторического панно вдруг начинают проглядывать черты трех исчезнувших рас. Я сознательно употребляю термин «исчезнувших», ибо те деградировавшие остатки некогда могучих, цивилизованных народов, которые на сегодняшний день представлены инсектами Деметры и их генетическими творениями – спейсбаллами Сферы Дайсона, – эти существа сегодня не имеют ровным счетом ничего общего со своими предками, противостоявшими величайшему бедствию в Галактике три миллиона лет назад. Можно сказать, что они сохранили их облик, анатомию, но никак не знания и дух цивилизаций той роковой поры…

Три миллиона лет… Порой мне трудно думать об этой цифре. Подвиг тех цивилизаций безмерен – последние документы из рассекреченных архивов Черной Луны позволяют утверждать, что они остановили миграцию Предтеч, когда те находились всего в каких-то тридцати-сорока световых годах от планеты Земля, откуда идут исторические корни

человечества.

Интересен тот факт, что никто из представителей древних народов не предполагал всерьез, что именно на Земле возникнет вид homo sapiens, – они защищали жизнь как таковую, во всех ее проявлениях.

Следует сразу оговориться, чем являются Предтечи, хотя сейчас трудно представить себе подобную форму жизни. Эти существа – современники Большого Взрыва, аморфные сгустки протоматерии, заключенной в кокон электромагнитной ловушки. Амебы первобытного космоса. Они питались любым веществом, начиная от межзвездной пыли и газа и заканчивая целыми планетами, если таковые попадались на пути их разрушительной, стихийной миграции. Именно поэтому неуправляемые, неразумные орды Предтеч стали бичом доисторического мира – они угрожали всему сущему, с ними нельзя было поладить или договориться, против них можно было лишь бороться всеми доступными средствами.

И они боролись. Я имею в виду две известные нам на сегодняшний день расы древнего космоса. Угрозу со стороны Предтеч трудно переоценить – орды неразумных тварей в буквальном смысле сметали все доступное вещество на своем пути, зачастую уничтожая целые планетные системы, будто саранча, поедающая свежие всходы посевов… и, как следствие, методы борьбы с ними были столь же впечатляющи и неадекватны современным понятиям обороны…

Трагедия древнего мира разворачивалась на протяжении десятков тысяч лет. Нам известно, что инсекты построили Сферу Дайсона, пытаясь найти убежище внутри этого титанического искусственного сооружения, дельфоны (так теперь принято обозначать расу ластоногих гуманоидов, первое знакомство с которыми произошло в теперь уже печально известной системе Черной Луны) – так вот, дельфоны предпочли активную борьбу: они взрывали звезды на пути миграции Предтеч, сжигая тех во вспышках сверхновых. Но существовала еще и третья раса, о которой нам неизвестно практически ничего, кроме нескольких исторических свидетельств контакта с ними инсектов, данные о чем были почерпнуты у Интеллекта – фотонного кристаллического мозга, созданного инсектами для управления сферой Дайсона.

По этим скупым данным мы можем утверждать лишь то, что эти существа оказались разительно непохожи на людей, по крайней мере внешне. Но не исключено, что именно они посещали Землю на протяжении долгого и трудного исторического развития нашей цивилизации, однако в современном космосе их уже нет, то есть пока нами не обнаружено ни их родной планеты, ни каких-либо иных поселений.

Странная, загадочная раса, о которой мы знаем лишь то, что их облик очень далек от человеческого термина «гуманоид».

Однако, памятуя о том, какие титанические усилия были предприняты инсектами и дельфонами в связи с катастрофической миграцией Предтеч, трудно предположить, что третья существовавшая в том периоде раса осталась в стороне от катастрофических событий древнейшей истории. Отсюда, если провести аналогию, возникает закономерный вопрос – инсекты построили сферу Дайсона, дельфоны уничтожили порядка двадцати восьми звезд, оставив после себя печально известный Рукав Пустоты, а что предприняли в тех условиях высшие (таким термином я бы обозначил расу непохожих на людей существ)? Трудно сейчас ответить на загадку их бесследного исчезновения, но я думаю, опять-таки проводя аналогии с другими расами древности, что они должны были предпринять какую-то титаническую, неадекватную нашим представлениям попытку изменить ход событий. Возможно, это была попытка бегства целой цивилизации в иные галактические пределы – не знаю, но думаю, что нужно искать, они не могли сойти без следа со сцены Галактической Истории в столь трагичный и судьбоносный момент. Просто мы еще не встретили свидетельств их попыток спастись или спасти мир…

Теперь, когда часть этих вех древней истории уже открыта, возникает вполне закономерный вопрос: как человечество вписывается в общую картину эволюции Разума во Вселенной? Кто мы – наследники исчезнувших цивилизаций? Их потомки? Или, быть может, мы – закономерный шаг эволюции, ступенька вверх?

Сейчас, обладая лишь крохами знаний, ответить на этот вопрос практически невозможно. Пока что уникальным кладезем знаний не владеет никто. Общий шок после публикации архивных материалов по Черной Луне уже прошел, но правительства сотен планет слишком озабочены своими внутриполитическими проблемами, чтобы продвигать и финансировать серьезные археологические изыскания в Рукаве Пустоты. Проблема состоит еще и в том, что планеты, на которых ранее существовали высокоразвитые поселения, в данный момент мало пригодны для жизни. Как правило, это зараженные радиацией, лишенные своих солнц, темные и мертвые миры, уже печально прославившиеся своим коварством, множеством опасностей и неприятной враждебностью ко всему живому, словно бы всех планет в Рукаве Пустоты коснулось разлагающее дыхание злой и могучей воли…

Однако все вышеперечисленное не отпугивает тех, кто понимает истинную рыночную цену похороненных на проклятых мирах технологий,

артефактов и знаний. Первая волна всепланетного бума уже прошла – сотни предприимчивых групп, возжелавших легкой добычи, пополнили собой печальный список жертв мертвых планетоидов Рукава Пустоты, и горячие головы сильно поостыли. Но вслед за этой спонтанной волной исследователей и авантюристов на галактической сцене постепенно возникла новая, куда более опасная, расчетливая и подготовленная сила. Межпланетные синдикаты, могучие корпорации, теневые группировки и им подобные структуры быстро поняли, какую выгоду можно извлечь из мертвых миров, если вырвать оттуда образчики и тайны древних технологий. Самыми безобидными из них являются торговцы артефактами, самыми же опасными – те, кто охотится именно за технологиями военного профиля, то есть, попросту говоря, ищет пресловутое «абсолютное оружие». Конечно, очень сомнительно, что оно существует, но некоторые образчики технологий, появившиеся на галактических рынках, заставляют задуматься над тем, что люди еще могут крупно пожалеть о том моменте, когда первый разведывательный корабль проник за границу Рукава Пустоты.

Ну а пока общественное мнение пребывает в удивленно-пренебрежительном ступоре, правительства большинства планет озабочены лишь внутренними проблемами, человечество разобщено и разбросано по сотням звездных систем, в Рукаве Пустоты орудуют отряды так называемых «черных археологов».

Нужно сказать, что при всей неприязни к этим людям, жертвующим бесценными научными знаниями ради получения сиюминутной прибыли, нельзя не отдать должное их смелости. Как правило, отряды «черных» работают на определенных заказчиков и представляют собой неоднородный сплав неординарных личностей, связанных, по моему мнению, жаждой наживы и приключений.

И тем тревожнее за судьбу нашей расы. Порою мне кажется, что мы вплотную подошли к той пропасти, в которую канули древние цивилизации, и со странным, почти мазохистским любопытством заглядываем в ее непроглядные глубины, пытаясь рассмотреть во мраке веков собственную смерть…

Нет… Он не мог это сжечь…

Рука Николая бессильно соскользнула с листов.

Ему было плохо. Сильно мутило. В животе от выпитой воды и съеденных ягод появились жжение и резь.

Он трясся в ознобе, а щеки пылали, покрывшись нездоровым

румянцем.

Голова медленно, бессильно свешивалась набок.

Дождь по-прежнему хлестал с неутомимым, монотонным упрямством. Пальцы Николая разжались, гильза выскользнула и скатилась во влажную траву.

Он медленно погружался в беспамятство лихорадки и потому не видел, что из-за пелены дождя за ним наблюдают настороженные фасетчатые глаза разумного насекомого.

ГЛАВА 2

Точка пространства – неизвестна. Реальное время – неизвестно.

Мы очень любим «очеловечивать» свои создания.

Давая имена собственным любимым механизмам, внося эту трогательную нотку во взаимоотношения живого с неживым, человек века двадцатого, сам того не подозревая, закладывал фундамент будущих отношений между создателями и их кибернетическими подобиями.

Кибернетический мозг корабля был именно таким творением.

Он даже имел имя собственное – КИМ, что в расшифровке аббревиатуры означало: Кибернетический Искусственный Мозг.

Однако дело было не в названиях и именах, а в сути.

Электронный мозг космического корабля представлял собой сложнейшую самонастраивающуюся сеть, составленную из отдельных блоков, и нес в себе вполне ясные, описанные программным языком задачи. Вся его индивидуальность, поведенческие функции, генераторы случайных эмоциональных оттенков – все это являлось вторичными, прикладными функциями. Главным же для него было эффективно управлять полетом космического корабля и при этом охранять вверенные ему человеческие жизни.

Однако экипаж, который бодрствовал по сменам и испытывал жесточайшую скуку в процессе затянувшегося на десятилетия полета под достаточно маломощным фотонным парусом, год от года, вахта за вахтой, подтачивал эту самую вторичность, общаясь с Мозгом корабля скорее как с человеком, нежели как с машиной, и находя такой процесс забавным, трогательным и приятным.

Никто на борту, вероятно, не задумывался над тем фактом, что ими самими был выкован искусственный интеллект, ибо корабль, как и вся космическая техника начала двадцать четвертого века, создавался с огромным запасом прочности и мощность бортовой вычислительной машины оказалась настолько велика, что для управления кораблем хватало на первых порах и десятой ее части.

Все остальные программные и аппаратные ресурсы Мозга постепенно, год от года, переходили в распоряжение возникших уже в полете вторичных связей – там властвовали нейросетевые блоки, и этот процесс, в силу ряда причин, оказался необратим.

Бортовой компьютер начал мыслить как человек, действовать как человек и, соответственно, вести себя тоже как человек. Экипаж космического корабля видел это, но не находил такое положение вещей неприемлемым.

Мозг осознал самого себя, но это осознание все же контролировалось его основными программами, не выходило за определенные рамки… до тех пор, пока он не очнулся в изуродованном, разрушенном корабле и не понял, что допустил две чудовищные ошибки – одну в далеком прошлом, а другую в настоящем.

Он понял, что должен исправить их, причем обе, иначе его существование теряло свой смысл, ставилось под сомнение, и он действительно не знал, что будет делать дальше, если вдруг ему не удастся устранить этот внутренний конфликт…

* * *

Тишина…

Гробовая тишина уже давно стала полновластной хозяйкой данного места.

Огромный зал тонул в полумраке, который лишь слегка разгонял призрачный голубоватый свет, исходящий от целого ряда полупрозрачных колонн, расположенных вдоль стены узкого и длинного помещения, чуть под наклоном к ней, так что создавалось впечатление, будто их просто прислонили тут на время…

Некоторые из них были темны как ночь, иные светились, источая бледный нереальный свет, оконтуривавший вертикальные ложа, вдавленности на которых однозначно указывали: тут должны присутствовать люди.

Если бы кому-то удалось чудом попасть в это затхлое, отдающее пылью веков помещение и скользнуть взглядом по теряющемуся во мраке ряду наклоненных к стене прозрачных цилиндрических саркофагов, этот мифический наблюдатель, вкусив вязкой тишины и затхлых запахов данного места, был бы удивлен и шокирован тем, что в одной из низкотемпературных усыпальниц действительно находилось человеческое тело.

Абсолютно нагая женщина, объятая бледным, фантомным сиянием статис-поля, застыла внутри цилиндра, не подавая совершенно никаких признаков жизни… до поры.

О том, что такая пора наступила, оповестил целый ряд событий.

Во-первых, под ячеистым потолком, где в чисто функциональной,

совершенно неэстетичной гармонии сплетались толстые трубы для криогенных жидкостей и вились черные связки глянцевитых кабелей питания, вспыхнул неяркий, рассеянный свет, который источали закрепленные среди хаоса труб редкие декорированные плафоны, кажущиеся несколько неуместными на фоне обнаженных техногенных внутренностей корабля.

Следом ожили регенераторы воздуха, чьи вытяжные отверстия виднелись в равной степени как на стенах и потолке, так и в полу. Запах затхлости как-то незаметно исчез, улетучился, а новый воздух помещения казался свежим, бодрящим и даже пах какими-то давно позабытыми ароматами…

На отдельно стоящем пульте управления, с которого контролировались процессы низкотемпературного сна, робко засветилось несколько экранов, и по шеренгам датчиков вдруг пробежал прихотливый узор разноцветных огней.

Цилиндр, где полулежала нагая женщина, внезапно помутнел изнутри, в нем туманным маревом взвихрился какой-то газ, на минуту совершенно скрыв очертания человеческой фигуры. Потом, спустя некоторое время, тишину зала нарушило отчетливое шипение сжатого воздуха, и наклоненный к стене цилиндр внезапно разделился на две половины. Его прозрачный колпак, удерживаемый двумя телескопическими штангами, медленно поднялся вверх. Газ из-под него моментально улетучился. Голубоватое мерцание статис-поля исчезло, и чуть порозовевшее тело женщины теперь удерживалось лишь перехлестнувшими грудь, бедра и живот страховочными ремнями.

Улетучившийся газ оставил после себя резкий неприятный запах медикаментов.

Теперь в изголовье открывшейся камеры, среди сплетения тонких проводков, тянувшихся к укрепленным на теле датчикам систем жизнеобеспечения, стала заметна небольшая прямоугольная пластиковая табличка, на которой красивыми буквами значилось:

«Эллис Хойланд. Второй навигатор. „Антей-1264“.

Спустя полчаса после того, как приборы на пульте зафиксировали появившееся сердцебиение, с полуоткрытых губ Эллис сорвался слабый, мучительный вздох.

Она приходила в себя тяжело, долго.

Ее нагое тело покрылось мелкими бисеринками пота, мышцы то начинали непроизвольно сокращаться, то замирали, окаменев от напряжения, то расслаблялись, и тогда лишь тонкие изломанные линии,

ползущие от среза к срезу контрольных мониторов, свидетельствовали в пользу того, что она все еще жива и процесс пробуждения идет своим чередом.

Наконец ее веки дрогнули и открылись.

Эллис было холодно… Мучительно холодно…

Тело моментально отреагировало на первое осознанное ощущение – бледная кожа тут же покрылась мурашками. Эллис с видимым усилием скосила глаза, пытаясь понять, вспомнить, кто она, где находится и почему ей так мучительно тяжело и холодно…

Вид темных криогенных камер, которые возвышались по обе стороны раскрывшегося саркофага, напомнил о многом. Приоткрытые, обметанные лихорадкой губы Эллис сомкнулись в плотную линию. Она попыталась сделать движение, поднять руку, но добилась лишь очередного конвульсивного спазма мышц.

Память медленно возвращалась к ней. Эллис узнала этот зал, вспомнила, что за темные столбы возвышаются вокруг, и ее вдруг охватила неосознанная тревога – почему в криогенном отсеке никого нет?..

Подобные мысли не могли облегчить необычайно тяжелых постэффектов низкотемпературного сна. Никогда еще Эллис не выходила из состояния анабиоза так мучительно и долго.

Господи, Коллинз, где ты? Почему же ты меня не встретил, милый?..

Мысль о муже позволила ей немного прийти в себя, собраться с силами. Тревога, проснувшаяся вместе с сознанием, не отпускала, и блуждающий в груди холод казался от этого еще пронзительнее и резче…

Наконец Эллис удалось приподнять руку и уцепиться бледными пальцами за наклонный край низкотемпературного саркофага. Как ни странно, но это ничтожное усилие согрело ее, напомнило о том, что она вновь жива и может, должна двигаться…

Напрягаясь, борясь с дурнотой, которая волнами подкатывала к горлу, она сделала еще одно усилие и вдруг очутилась на ногах. Цепляясь руками за холодные, темные колпаки пустующих камер, Эллис кое-как добрела до встроенных в переборку по обе стороны от выхода из отсека шкафчиков и, распахнув один из них, увидела в его глубинах стандартный набор полетной униформы, нижнее белье и, главное, большое махровое полотенце из синтетической ткани.

Поборов возникшее искушение сразу же схватить его, Эллис дрожащими от напряжения пальцами пошарила по полке, пока не наткнулась на заботливо уложенные в отдельном углублении капсулы стимулятора. С трудом вскрыв упаковку, она вытащила два янтарных

шарика, засунула их под язык и резко зажала рот обеими ладонями, ведя мучительную борьбу со своим желудком, который тут же взбунтовался, мгновенно отреагировав на рефлекторную работу слюнных желез.

Спустя некоторое время ей стало значительно легче. Действие стимулятора было оглушающим – Эллис вдруг почувствовала, как кровь ломится ей в виски глухими, ритмичными толчками, да и мышцы уже не казались такими дряблыми и беспомощными, как за минуту до этого.

Взяв с полки полотенце, она тщательно, даже с некоторой брезгливостью стерла с себя липнущие к телу остатки желеобразной массы из криогенной камеры. Потом взяла комплект одежды, с наслаждением ощутив теплое прикосновение ткани к своей заледеневшей коже…

Вместе с ощущением жизни к ней вдруг как-то разом вернулись все страхи.

Тишина вокруг стояла слишком вязкая и неправдоподобная.

Эллис подавила в себе рефлекторное желание кинуться к панели интеркома.

Хороша ты будешь, выйдя на связь по общей сети в таком виде…

Одеваясь, она непроизвольно продолжала слушать тишину, и ее едва осознанный страх стремительно рос.

Даже слабые попытки здравого смысла как-то прояснить ситуацию не помогали – Эллис не забыла, что находится на борту космического корабля, в глубоком космосе, очень далеко от Земли и у немногочисленного экипажа могут быть сотни причин оставить ее просыпаться одну. Любая самая незначительная нештатная ситуация требовала присутствия на рабочих постах всех бодрствующих, и это могло и даже должно было объяснить тишину, но…

Эллис застегнула магнитные липучки униформы, обернулась…

Вот что, оказывается, подспудно тревожило ее!..

Все криогенные камеры, включая те, что предназначены для резервных специалистов, были пусты!..

Такое могло случиться лишь в одном случае – они прилетели!

От этой мысли стало и легче, и тревожнее одновременно. Одни страхи вроде бы ушли, отступили, но на их место тут же вползли новые.

Эллис подошла к вмонтированной в стену панели интеркома, положила палец на углубление сенсора, секунду поколебалась, а потом чуть нажала на мягкий, податливый материал псевдокнопки…

Экран интеркома осветился практически мгновенно.

В его глубинах возник отлично знакомый Эллис фрагмент ходовой рубки «Антея»: несколько секторов обзорной сферы демонстрировали

рассыпчатый узор звезд, на их фоне скупо перемигивались огни приборных панелей, на переднем плане в фокусе передающей камеры затылком к ней сидел человек.

Эллис не успела угадать, кто бы это мог быть, как человек обернулся.

Это был капитан Нортон. Дейвид Нортон…

– Да?.. – хмуро осведомился он, пытаясь узнать лицо вышедшей на связь с рубкой женщины. Конечно, как командир корабля, он знал каждого члена экипажа, но в текучке полета, который длился не один год, лица одних становились ближе, роднее, а других – постепенно отдалялись на периферию памяти.

– Эллис Хойланд? – выдержав некоторую паузу, полувопросительно произнес он. – Вы проснулись?

– Да, капитан. – Она невольно выпрямила чуть ссутулившиеся плечи.

– Что вы хотели мне сообщить?

Эллис вдруг почувствовала, что краснеет. Господи, как глупо все вышло… Сейчас, наверное, подумает – истеричка. Посоветует зайти в медблок, показаться Святогору…

– Я хотела узнать, все ли в порядке на корабле, капитан? – Несмотря на внутреннее замешательство, голос Эллис остался тверд. – Я вышла из сна в полном одиночестве, и это показалось мне странным.

На лице Нортона не дрогнул ни один мускул. За все время их короткого разговора Эллис не заметила на нем следов какой-либо мимики. Черты капитана казались каменными, застывшими.

– Все в порядке, навигатор. Мы приближаемся к Альфе, поэтому разбужен весь действующий состав экипажа. У вас, видимо, задержался процесс пробуждения. Думаю, тут нет причин для беспокойства. – Он скосил глаза чуть вбок, и это было первым изменением на его лице за весь разговор. – У вас есть еще тридцать минут до объявления общего сбора. – Очевидно, он смотрел на бортовой хроно. – Приятного пробуждения.

Эллис кивнула.

– Спасибо, капитан. Я буду вовремя.

Экран перед ней, мигнув, погас.

И тут же, несмотря на разъяснение ситуации и испытанное от этого облегчение, на нее со всех сторон опять навалилась тишина – злая, давящая, вязкая.

Эллис тряхнула головой, резким движением захлопнула шкафчик и приложила ладонь к светящемуся углублению сканера подле двери.

Овальная преграда с шипением уползла в стену.

Эллис вышла в кольцевой коридор яруса. Тут было светло, тихо и

чисто. Стерильно чисто. Вдоль меньшего радиуса закругления стен бежала серая полоса транспортной дорожки.

Она посмотрела в обе стороны коридора и, пожав плечами, пошла к шахте главного лифта.

Шагая по коридору, Эллис, помимо дурноты, внезапно ощутила раздражение. Если ее навязчивые, подспудные страхи напрасны и на борту все в порядке, то отчего ее не встретил хотя бы Коллинз? Уж он-то наверняка не забыл о ней?!.

Мысль о муже почему-то не согрела, как это бывало обычно, а, наоборот, лишь усилила раздражение и вернула тревогу.

Все было не так… Все…

Тело под свежей униформой казалось грязным, оно испытывало зуд, и сейчас Эллис хотела непременно сделать две вещи: принять душ и задать парочку вопросов Коллинзу.

Двери лифта распахнулись при ее приближении, кабина оказалась свободна, и… опять ее поразила эта стерильная чистота!..

Нет, на космическом корабле, конечно, поддерживался порядок, который, с точки зрения земных поселений, можно было назвать словом «идеальный», но она не помнила того, чтобы, заходя в лифт, ощущала тут запах медикаментозной стерильности…

Странно…

Она коснулась сенсора, и капсула лифта провалилась вниз, к уровню жилой палубы «Антея».

* * *

Войдя в каюту, Эллис сразу же увидела его. Коллинз сидел спиной к входу за подковообразным рабочим столом, по краям которого возвышались скошенные панели компьютерных терминалов. Перед ним в пространстве голографической сферы мерцали проложенные в трех измерениях курсовые нити. Все они так или иначе тянулись от их корабля, фантомная модель которого тоже присутствовала в пространственной схеме, к трем планетам, висевшим на разном удалении от звезды, – одна серая, вторая песочно-желтая, а третья выглядела как красно-черный шарик, расколотый линией терминатора на две неравные по размеру части…

Эллис застыла в дверях, глядя на его знакомый, ровно стриженный затылок, и все ее раздражение, которое она испытывала минуту назад, куда-то ушло, испарилось…

Коллинз, милый, как мы давно не виделись с тобой… Целую

вечность… Ледяную вечность искусственной смерти…

– Колл… – позвала она, радостно предчувствуя, как он сейчас обернется, увидит ее… обрадуется…

Он обернулся, но совсем не так, как ожидала Эллис.

Коллинз зачем-то встал и только тогда посмотрел на нее, повернувшись всем корпусом, словно волк, у которого от природы не гнется шея.

– Здравствуй, дорогая, – протянув Эллис обе руки, спокойно, едва ли не бесстрастно произнес он.

Нервная дрожь предательским холодком скользнула вдоль позвоночника Эллис.

– Здравствуй… – растерянно ответила она, не понимая причины такой ненормальной, очевидной перемены его поведения. – Коллинз, почему ты меня не встретил при выходе из сна? Что случилось? – Этот вопрос вырвался у нее помимо воли, в нем неосознанно сконцентрировались все то недоумение и подспудный страх, которые копились в ее душе с момента пробуждения каких-то полчаса назад…

– Ничего, – спокойно ответил он, пожав плечами. – Эллис, мы входим в систему Альфы, и весь экипаж занят по горло. Я тоже работал, как видишь…

Эллис кивнула, от обиды непроизвольно закусив губу.

Да, она на секунду позволила себе забыть, что они прежде всего являлись членами экипажа космического корабля, астронавтами, и такой ответ являлся вполне разумным, закономерным, логичным, но… только не в устах моего Коллинза!..

– Хорошо, милый… – У Эллис вдруг стало так погано на душе, что она даже не коснулась протянутых ей навстречу рук. – Извини, я хочу принять душ и переодеться.

С этими словами она прошла мимо, каждым своим нервом ожидая, надеясь, что вот сейчас он наконец опомнится, бросится вслед, обнимет, извинится. Скажет, что просто заработался, устал, и тогда все вокруг опять потеплеет, станет прежним, нормальным, понятным, уютным и человечным, но…

…Она услышала, как за ее спиной Коллинз, что-то бормоча себе под нос, уселся назад, в кресло перед работающими терминалами навигационного симулятора.

– Извини, Эллис, я не могу сейчас… – дошел до ее слуха обрывок произносимой им фразы.

Она вошла в душевую кабинку, открыла воду и с отвращением

содрала с себя недавно надетый комбинезон.

Выдавив из краника порцию мыла в ладонь, она шагнула под упругие, теплые струи воды и принялась с непонятным самой остервенением намыливаться, будто желала очиститься от своего страха, недоумения, обиды…

Может быть, с ним что-то случилось, пока я спала? Может, он изменил мне? Влюбился?

Нет… Нет, это полная чушь…

Эллис знала, что Коллинз не мог влюбиться ни в кого другого, даже если бы очень этого захотел, по крайней мере тут, на борту «Антея». Ее уверенность была вполне оправданна и основывалась на том жестком отборе, который они проходили в период предполетной подготовки. Только одна пара из сотни претендентов попадала в список экипажа. Первая попытка человечества достичь иных миров стоила так дорого и на нее возлагалось столько надежд, что рисковать, пренебрегая какими бы то ни было факторами, никто не хотел и, очевидно, не имел права. Полная, стопроцентная психологическая совместимость как всего экипажа в девяносто шесть человек, так и отдельных его составляющих – пар мужчина – женщина, – была достигнута путем жесточайшего отбора, тысяч тестов, проверок, изнурительных совместных тренировок… Каждый из них являлся настоящим профессионалом в нескольких областях человеческих знаний, и, как уже было сказано, экипаж представлял собой исключительно пары – в нем насчитывалось равное количество мужчин и женщин. В период долгого, почти семнадцатилетнего перелета они бодрствовали посменно, так же парами, по десять постов на весь корабль, то есть двадцать человек одновременно. Потом смена на шесть месяцев уходила в криогенный сон, а другая, соответственно, пробуждалась.

Нет, за те несколько часов, что Коллинз, проснувшись, провел без нее, ничего подобного не могло произойти в принципе.

Единственное, что могла предположить Эллис, – с Коллинзом, наверное, что-то случилось во время криогенного сна. Может, он болен или испытал шок при некорректном пробуждении? Такое, к сожалению, уже бывало, и не раз. Процедура низкотемпературного упокоения четырех пятых экипажа значительно экономила ресурс корабля и решала проблему полноценного отдыха «лишних» смен, но крионика являлась достаточно молодой наукой, и процессы гибернации организма не всегда поддавались стопроцентному прогнозированию.

Да, Коллинз вполне мог пасть жертвой какого-нибудь случайного вывиха криогенных процессов. Эллис по себе знала, как это неприятно, да

и другого разумного объяснения его странному поведению она не находила. «Но если так, значит, я повела себя как эгоистичная дура? – вдруг подумалось ей. – Возможно, он не совсем владеет собой, недавно проснулся, а тут подход к системе, такая дикая нагрузка на всех навигаторов. Да, наверное…»

Размышляя над этим, Эллис вдруг успокоилась. Чувство опасности, какой-то неправильности происходящего немного притупилось, поблекло.

Его нужно развеять… – решила она. – Да и самой поменьше напрягаться, мало ли какая пакость может пригрезиться по выходе из низкотемпературного гроба, и не такое бывало…

Обида от таких мыслей исчезла совсем, осталась разве что досада на свою собственную черствость.

Она подставила лицо упругим струям теплой воды, расслабляясь, согреваясь…

– Господи, Коллинз, ну что ты там бормочешь? – через некоторое время не выдержала она, расслышав сквозь шелест падающих струй воды, что он продолжает монотонно бубнить себе под нос какие-то фразы. С чисто женской непоследовательностью в мыслях Эллис вдруг представила его сидящим за столом, вспомнила, чем они любили заниматься в тесной душевой кабинке, и ее охватило наконец это чувство радостного, пьянящего осознания собственной жизни…

Никогда еще выход из криогенного сна не был для нее столь мучителен и неприглядден, как на этот раз.

– Коллинз… – негромко позвала Эллис, отлично зная, что он услышит ее. – Иди сюда, милый…

За полупрозрачной, матовой стенкой душевой кабинки стихло бормотание, и раздались мягкие, тонущие в ковровом покрытии каюты шаги.

Она ждала, что он поймет ее призыв, но Коллинз вел себя как сущий истукан – он открыл раздвижную дверь в том виде, как был пять минут назад, – в форменном полетном мундире, с застегнутым наглухо тесным стоячим воротничком.

– Эллис, дорогая, я не… – попытался произнести он все ту же идиотскую фразу, но не успел ее окончить. Эллис вдруг захотелось его проучить, и она потянула мужа под струи воды прямо в одежде.

Он попытался оттолкнуть ее, но, потеряв равновесие, оказался рядом с ней, под теплыми, шуршащими струями.

Она успела заметить, как он дернулся, будто его ударило током. Черты его лица дрогнули, но не исказились, а скорее изломались, он издал

странное, непохожее на речь шипение… а потом вдруг начал наливаться свинцом, обмяк на ее руках…

Эллис вскрикнула от неожиданности: все случившееся заняло от силы пару секунд…

Вода по-прежнему била из душевых отверстий кабинки.

Она еще не понимала, что произошло, пытаясь удержать от падения навалившееся на нее тело мужа, как вдруг внутри у Коллинза, под одеждой, что-то отвратительно зашипело, и смрад горелых кремниевых микросхем смешался с отвратительным запахом растворяющейся пеноплоти…

Эти запахи она не могла спутать ни с чем – так воняет перегоревший бытовой автомат.

Эллис дико взвизгнула, пытаясь оттолкнуть от себя огрузневшее тело, на котором пузырилась кожа. От страха – откуда взялись силы – она уперлась ему в грудь, ощущая в руках покалывание электрических разрядов, пихнула и…

Коллинз… Ее Коллинз вывалился из душевой кабинки будто испорченный манекен…

Он ударился об пол спиной и затылком, но мягкое ковровое покрытие поглотило звук, превратив его в тихий шлепок.

Как описать тот шок, что пережила Эллис в эти секунды?

Она стояла под струями теплой воды, нагая, сжавшаяся в комок, ее колотила нервная дрожь, губы побелели, кожа выцвела, а расширенные от ужаса глаза смотрели в одну точку – туда, где истекал зловонным дымком ее муж, сменный навигатор «Антея» Коллинз Хойланд.

Страшный, ирреально странный, неправдоподобный по своему смыслу миг длился для нее вечность…

Сознание протестовало – оно не хотело поверить в очевидность случившегося, а организм уже по-своему отреагировал на события. От переизбытка адреналина гудело в ушах, мышцы мелко дрожали, непроизвольно сокращаясь…

Все это чудовищное замешательство вылилось в одном: Эллис выскочила из душевой кабинки, как обезумевшая метнулась к выходу из каюты, остановилась, ошалело дернувшись к панели внутренней связи, опять остановилась, наткнулась взглядом на тело Коллинза и вдруг, не вынеся нервного напряжения, стала медленно отступать, хватая руками воздух за спиной в поисках какой-нибудь точки опоры, но не нашла – ноги подкосились, сознание поплыло, затуманилось, обстановка каюты завертелась перед глазами в бешеном вихре подробностей скудной меблировки, и Эллис, уже без чувств, осела на пол…

…Видеокамера, укрепленная под потолком и обычно бездействовавшая по взаимному согласию членов экипажа и капитана Нортона, которому подчинялись системы безопасности корабля, внезапно ожила, повернулась в ее сторону, нервно всхлипнув сервомоторами, и уставилась на бесчувственное тело женщины своим холодным немигающим взглядом.

Через несколько минут в коридоре за дверью раздались шаги, и в помещение вошли двое: капитан Нортон и бортовой медик из состава третьей смены Станислав Святогоров, которого члены экипажа между собой называли просто Святогор – за его высокий рост, недюжинное телосложение и удивительно мягкий характер.

– Ее нужно одеть, – произнес капитан, отодвигая дверь встроенного в переборку шкафа-купе. Указав на стопку стерильной, упакованной в прозрачный пластик форменной одежды, он шагнул к терминалу компьютера, и из его указательного пальца, раздвинув кожу, вдруг выползла игла соединительного шунта-интерфейса. Воткнув его в специальный разъем на пульте, предназначенный для подключения бортовых кибермеханизмов, он на секунду застыл, общаясь с системой корабля, затем, не вынимая разъема, повернул голову и произнес:

– Сделай ей укол. Нужно блокировать память. Фрагмент придется переиграть.

Вынув палец из разъема пульта, он со щелчком втянул в него иглообразный переходник и склонился над телом Коллинза, с которого наполовину сползла искусственная кожа, обнажив под собой хромистую сталь, пластик и замысловатые сочленения гибких сервоприводов.

* * *

Сознание возвращалось к ней медленно, прорываясь сквозь муть беспамятства неясными картинками образов.

Она увидела край рабочего стола-терминала, чьи-то ноги в поле зрения… Затем над ней кто-то склонился, и Эллис, еще плохо соображая, что происходит, с трудом узнала лицо бортового сменного врача.

Вместе с проблеском сознания вернулась память о только что пережитом, и ее вдруг затрясло с новой силой.

Святогор держал в руках внутривенный инъектор.

Эллис слабо пошевелилась, внезапно ощутив, что она одета, но правый рукав полетной формы оставался расстегнут и сейчас был закатан почти до предплечья.

– Не надо, – слабо запротестовала она, давая понять, что приходит в

себя. – Сейчас пройдет… – Эллис имела в виду колотившую ее дрожь. – Сейчас… Я сама…

Святогор, который уже коснулся ее кожи стерилизующим тампоном, остановил свое движение, посмотрев вбок.

– Быстрее!.. – раздался голос второго человека, находившегося в каюте. Эллис не пыталась увидеть его, так как узнала отрывистый, резковатый бас капитана Нортона. – Она очнулась! Действуй быстрее! – приказным тоном повторил он.

Это был какой-то кошмар…

Что он говорит? Почему плохо то, что я очнулась?

– Капитан, не нужно со мной ничего делать! – взвизгнула она, лихорадочно попытавшись вскочить.

Железные пальцы Святогора перехватили ее слабую попытку взмахнуть рукой.

– Что ты делаешь?!. – Эллис тяжело дышала, прижатая к полу. – Я не хочу! – выкрикнула она.

– Так нужно. – Голос бортового медика был спокоен, сух и деловит.

Эллис отчаянно сжалась в комок. Рука Святогора, удерживающая ее за запястье, действительно казалась железной, иначе не назовешь. Наверное, на коже под его пальцами уже появились синяки…

Эллис на секунду обмякла, затихла, будто отчаявшись, прекратила борьбу. Что происходит? Что от меня хотят скрыть?!

Она уже не строила для себя никаких иллюзий.

На борту «Антея» произошло нечто страшное, чудовищное, непоправимое. Об этом, захлебываясь дрожью, орал каждый нерв, каждая клеточка ее тела…

Это был один из вариантов, к которым упорно готовили их на Земле…

Полет к звездам предполагал любые неожиданности.

Экипаж «Антея» действительно готовили ко всему – к авариям бортовых систем, к встрече с братьями по разуму, к исследованию планет, даже к вероятности того, что им придется защищать свои жизни с оружием в руках.

По мнению организаторов полета, Дальний Космос не терпел сантиментов. Человечество пыталось вторгнуться в неизведанную для него область. Космос мог принести людям как неизмеримые блага, так и чудовищные неприятности – это, к счастью, понимали если не все, то многие…

Все это пронеслось в голове Эллис за те несколько секунд, что она лежала, сжавшись в комок…

Образ Коллинза, из-под одежды которого валит едкий дым, а с лица начинает сползать плохо адаптированная к воде пеноплоть, какой обычно снабжались самые дешевые, предназначенные для космических станций модели бытовых дройдов, стоял перед глазами словно жуткое, но уже неизбывное наваждение, и Эллис вдруг с уничтожающей всякую надежду отчетливостью поняла – это и был не Коллинз, а игравший его андроид!..

– Зачем?! – Она вдруг с силой оттолкнула от себя Святогора и отползла на несколько шагов. – Зачем вы пытались меня обмануть?! Что стало с Коллинзом, отвечайте!

Станислав даже не поморщился. Истерика Эллис и ее вопросы не произвели на него никакого впечатления. Выпрямившись, он подошел к пытавшейся отползти от него женщине и спокойно произнес:

– С Коллинзом все в порядке. Сейчас он встанет. Немного терпения, Эллис.

Артикуляция его губ не соответствовала словам… Они еще шевелились, когда Станислав уже окончил говорить…

Эллис едва не закричала в голос от страха, от той паники, что металась в сознании, как ошалелая пуля в долгом изматывающем рикошете. Но… ее психика на самом деле оказалась в состоянии адекватно среагировать даже на подобную, совершенно безумную с точки зрения здравого смысла сцену. Для этого требовалось лишь допустить внутрь себя мысль о непоправимой беде, несчастье, какой-то постигшей корабль катастрофе, и сознание, трансформированное еще на Земле, вдруг заработало совершенно иначе.

Дрожь в мышцах осталась, но внутри уже не было истеричных, мечущихся мыслей.

Она не имела права обманываться. Она не имела права надеяться. Она была человеком, чью психику долго готовили к испытанию на прочность…

В экстремальной ситуации доверяй только фактам. Неоспоримым фактам, которые исключают ошибку. Чувства, эмоции тут недопустимы…

Хорошо им было инструктировать будущих астронавтов на Земле в перерывах между бесконечными психологическими и физическими спаррингами.

Если бы Эллис хоть на секунду усомнилась в возникших подозрениях, она бы позволила сделать себе укол, потом, вероятно, потребовала бы объяснений у капитана… Но образ Коллинза, который все еще лежал на полу, в луже натекшей под него воды, не дал ей опомниться, заставил психануть, перехватить руку Святогора с занесенным инъектором.

– Отпусти, Эллис, я должен сделать тебе инъекцию.

Что-то чужое, холодное, страшное и равнодушное звучало в его голосе.

Эллис резко дернулась, вырвалась, оставив частицы своей кожи под его ногтями, отпрянула в сторону и, дрожа, прижалась к стене подле стола.

– Не подходи! – вскрикнула она, схватив графин с питьевой водой.

Конечно, это было небьющееся стекло.

Удар, в отчаянии нанесенный Эллис, прошел для Святогора незамеченным, только кожа на лбу вдруг лопнула, обнажая светлую сталь черепной коробки.

Господи… Робот… Они роботы… И Коллинз… и Святогор!

Лжеврач поднял инъектор на уровень плеча.

– Эллис, ты делаешь глупости! – дошел до ее сознания голос капитана Нортона. – У тебя, очевидно, нервный срыв после анабиоза. Ты должна позволить сделать себе укол.

Она не понимала одного – почему остановился замаскированный под Станислава андроид? Отчего ее уговаривают, а не скрутят силой, не сломают, раз уж им взбрело в голову ввести ей какую-то дрянь?

– Я не хочу никаких уколов. – Она, не выпуская из поля зрения Станислава, чуть скосила глаза. Нортон стоял подле компьютерных терминалов, за которыми она застала Коллинза, и смотрел на нее спокойно, без ненависти, но и без сочувствия. Его лицо, лишенное мимики, было никаким.

Он тоже… Тоже робот… – с ужасом поняла Эллис.

Бежать ей было некуда. Она совершенно не понимала причин происходящего, была смертельно напугана, взвинчена…

– Эллис, нам бы не хотелось применять силу…

Святогор сделал попытку приблизиться.

Если он являлся андроидом, то очень скверным. В его движениях не было законченности, плавности. Как и у Коллинза… Походка деревянная, поворот всем корпусом.

Эллис дрожала, отступая вдоль стены, пока ее спина вновь не встретила переборку.

Сказать, что она находилась на грани нервного срыва, – значит не сказать ничего.

– Что случилось на борту? Где весь экипаж?! – истерично выкрикнула она, угрожающе взмахнув графином, который продолжала держать за горлышко.

Этот вопрос в очередной раз остановил Святогора. Его череп действительно прикрывала пеноплоть – полимерный заменитель кожи. За

несколько минут человек с такой раной уже бы истек кровью, у него же в глубине раны не проступило ничего, кроме смутного, зловещего поблескивания спрятанного под пеноплотью металлопластика.

– Я не правомочен отвечать на вопросы, – сухо ответил Нортон.

Капитан не правомочен отвечать?!.

Эллис вдруг поняла – если она сейчас каким-то образом не решит проблему, то ее либо скрутят, либо она просто сойдет с ума от творящегося с ней и вокруг нее страшного, неправдоподобного идиотизма.

Вот только беда: не было в голове ни одной здравой, сулящей выход из положения мысли…

Резко замахнувшись, она швырнула графин в голову застывшего в трех шагах от нее Святогора.

Он дернулся, продемонстрировав нечеловеческую реакцию машины, поймал графин за горлышко, но лишь с тем, чтобы его содержимое по инерции не выплеснулось ему в лицо.

В следующий миг раздался треск статики, сопровождаемый знакомой вонью.

Шейные суставы! Они плохо герметизированы у этих дешевых моделей человекоподобных машин!

Эллис рванулась через каюту назад к душу.

Схватив гибкий шланг с распылителем на конце, она ударила ладонью по кнопке подачи воды и повернулась как раз в тот миг, когда капитан Нортон уже готов был схватить ее.

Струя воды окатила Дейвида Нортона с головы до ног.

Эллис даже не почувствовала торжества, когда плечи его униформы окутались искрами происходящих под одеждой замыканий. Ее трясло так, что душевой рожок прыгал в руках будто живой.

Тело Нортона упало на пол с глухим стуком.

Эллис бросила душ, оставив воду свободно изливаться на пол каюты, и, превозмогая бившую ее дрожь, кинулась к терминалу связи.

Это безумие обязано, должно закончиться!

Когда экран интеркома осветился, Эллис поняла – все еще только начинается.

На мониторе связи капитан Нортон повернул голову, силясь вспомнить ее лицо…

Запись!.. Голографическая запись!

Словно подтверждая эту тоскливую, паническую мысль, фантом Нортона произнес уже знакомую ей фразу:

– Эллис Хойланд? Вы проснулись?

Ее ладонь с силой хлопнула по кнопке отключения.

Экран погас.

О, Боже!!!

Из глаз Эллис брызнули слезы. Она ничего не понимала, но чувствовала, что вокруг творится что-то неописуемое, недоступное для ее воображения…

От слез едва ли стало легче.

В других условиях подобный бред можно было отнести к разряду психических расстройств, как-то попытаться пережить, обратиться к врачу… Если бы все не происходило на борту космического корабля, который находился в шестнадцати с лишним световых годах от Земли!..

Лихорадочно оглядевшись, Эллис шагнула вперед, склонилась над капитаном, резким движением сорвала с него пояс, на котором были укреплены захваты положенной ему по рангу силовой кобуры, и с трепетом разглядела торчащую наружу рифленую пластиковую рукоять.

Вес автоматического пистолета не придал ей бодрости, а только усугубил панический страх. Едва соображая, что делает, она отшвырнула в сторону ремень и выскочила в кольцевой коридор яруса.

Под потолком с тихим жужжанием повернулась видеокамера, нацелив на нее свой холодный немигающий взгляд.

Эллис секунду смотрела в ее черный диафрагменный зрачок, потом кинулась прочь.

Ноги сами несли ее к лифту.

Добежав до шахты межуровневого сообщения, она увидела на контрольных панелях обоих лифтов красные огни. Заблокировано.

В глубине коридора раздались чьи-то шаги.

Эллис не могла этого выдержать. Страх захлестывал ее волнами парализующей дрожи, ноги отказывались слушаться, тело тряслось.

– Эллис, – раздался мягкий, смутно знакомый зовущий голос. – Эллис, где ты? Зачем ты прячешься?

От этого голоса цепенели мышцы, перехватывало дыхание в горле.

Она никогда не думала, что страх может разрастаться до таких чудовищных размеров, забивать все, любую мысль, желание, волю…

Из-за плавного поворота кольцевого коридора показалась человеческая фигура.

Это была Ольга Званская, ее ровесница и подруга, пилот той же смены, в которую входила сама Эллис.

В ее руке был зажат аппарат для внутривенных инъекций.

– Стой! – вскрикнула Эллис, поднимая тяжелый пистолет. – Не

двигайся!

Ольга будто не слышала ее. С равнодушным выражением лица она продолжала идти прямо на нацеленный в ее сторону ствол, а с губ лжепилота уже срывались никак не связанные с артикуляцией и бесстрастным видом подруги слова:

– Эллис, ты должна мне поверить. У тебя нервный срыв, я хочу помочь тебе, милая…

– Заткнись!

– Эллис, ты не понимаешь!..

– Заткнись!!! – Собственный крик, гулким эхом метнувшийся по коридору, заставил Эллис вздрогнуть, втянуть голову в плечи, и, отступая, она подняла пистолет.

Господи… Неужели я это сделаю?.. Неужели…

Ужас, стылый ужас разрастался в ее груди, заставляя кривиться губы, дрожать руки. Он колотил нервным ознобом по мышцам, ведь сходство той нелюди, что шла на нее с инъектором в руках, с настоящей Ольгой Званской оказалось столь велико, что Эллис едва не разрыдалась…

Двойственность, двусмысленность ситуации буквально разрывала ее душу и разум, низводя последний до уровня, когда мистический страх перед обрушившимися потрясениями стал вдруг довлеть, захлестывая остатки здравого смысла. Возможно, в эти чудовищные секунды древний инстинкт самосохранения и был единственным уместным в данной ситуации здравым смыслом?

Ольга – или ее механическое подобие? – приближалась. Их уже разделяло не более пяти метров, когда спина Эллис ощутила твердую преграду.

Она панически оглянулась.

Там, где кольцевой коридор яруса должен был продолжаться, уводя к техническим переходам и грузовым лифтам, ведущим в реакторные отсеки и хозяйственно-складскую зону корабля, его перегораживала герметичная аварийная переборка со стандартной шлюзовой камерой.

Эллис поняла, что попалась.

Реакция ее взвинченных и готовых вот-вот лопнуть нервов не заставила себя ждать.

Она не собиралась отдаваться в руки этим механическим подобиям экипажа.

Зажав пистолет в обеих руках, она подняла его на уровень плеч.

– Ольга, если ты человек, то заклинаю – остановись! – дрожащим голосом произнесла она.

Званская продолжала идти вперед.

Палец Эллис дрожал на упругой спусковой скобе автоматического пистолета. В какой-то момент ей вдруг показалось, что у нее не хватит сил, чтобы подавить сопротивление курка, и эта мысль вылилась в одном судорожном движении…

Выстрел оглушительно прогрохотал в гулкой тишине коридора, отдача болезненным толчком прошла по ее суставам, едва не вырвав пистолет из дрожащих, ослабевших рук.

– Ольга!!!

Званская остановилась, будто налетела на невидимую стену.

Эллис расширенными от ужаса глазами смотрела на нее, пока не увидела, куда попала пуля. Во лбу ее бывшей подруги зияла аккуратная дырочка с завернувшимися внутрь краями из порванного металла черепной коробки.

Несколько секунд дройд, исполнявший роль Ольги Званской, стоял, будто его расколотый на куски электронный мозг все еще пытался осознать случившееся, а потом она со стуком рухнула на пол, как падает случайно задетый манекен в отделе супермаркета…

Эллис, инстинктивно вжимаясь спиной в глухую стену аварийной переборки, в оцепенении наблюдала, как из вывороченного наружу затылка андроида, представляющего теперь рваное выходное отверстие, в которое при желании можно было запихнуть кулак, медленно начал струиться серый вонючий дымок…

Неужели все?.. Весь экипаж?!.

В это трудно, немыслимо было поверить. Но, вспомнив Коллинза и двух капитанов Нортонов, один из которых скорее всего являлся голографической записью живого Дейвида, она поняла, что ей придется поверить.

Что-то страшное, неподвластное ее пониманию случилось на борту космического корабля.

– Вниманию экипажа! – вдруг разорвал наступившую после выстрела тишину коридора ровный, хорошо отмодулированный голос бортовой кибернетической системы. – Сменный навигатор Эллис Хойланд, вы должны срочно пройти в медицинский отсек яруса. Повторяю…

От этого голоса Эллис сжалась в комок.

Ей вдруг вспомнились слова капитана-дройда, воспринятые ее возвращающимся из небытия сознанием: Сделай ей укол… Эпизод придется переиграть…

Где-то в глубинах коридора опять послышались мягкие, тонущие в

ковровом покрытии шаги одного, а быть может, и нескольких человек. Эллис, чьи нервы готовы были вот-вот лопнуть, расслышала лишь смутный шум, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: кто бы ни властвовал в данный момент над кораблем, они не отстанут…

Ей не дали даже минуты, чтобы прийти в себя… Эллис с тоской посмотрела вокруг. Лифты не работали, путь по кольцевому коридору преграждала аварийная переборка… А шаги приближались, такие тихие, вкрадчивые, не опасные…

Как бы ни готовили их на Земле, но Эллис в эти секунды ощущала себя загнанной в угол, ничего не понимающей женщиной. Понятия «космос», «космический корабль» не налагали на ее сознание никаких преимуществ. Наоборот, они порождали в душе безысходность. Крохотная частичка рукотворного вещества, летящая сквозь мрак Вселенной, – это подразумевало безвыходность…

Эллис, которой никак не удавалось справиться с бившей ее дрожью, кинула затравленный взгляд вдоль пустого коридора, обернулась к аварийной переборке, что так внезапно и необъяснимо преградила ей дальнейший путь. Опустив наконец пистолет, который она все еще сжимала ладонями обеих рук, Эллис внимательно осмотрела контур располагавшегося в переборке люка.

Шаги за спиной стали четче, явственнее… Казалось, что они шуршат по покрытию пола за ближайшим плавным изгибом стен.

На мгновение ей овладела паника. Она и так уже поняла, что пути назад по кольцевому коридору нет и этот люк, возможно, является не ловушкой, а единственным средством для нее. Не средством спасения – в замкнутом пространстве космического корабля спасения от какой-то тотальной беды не могло быть в принципе, – а возможностью хотя бы отдышаться, сбить с себя это паническое состояние изматывающей дрожи, получить несколько минут передышки, чтобы осмыслить те крохи бредовых догадок и подозрений, что возникли в ее голове.

Она кинула взгляд назад, убедилась, что кольцевой коридор по-прежнему пуст, а затем заставила пальцы правой руки разжаться, отпустить теплую рифленую рукоять пистолета. Положив ладонь на светящуюся пластину в углублении сканера, она резко скомандовала:

– Система, вход!

Для кибернетической системы корабля было просто немыслимо не подчиниться столь ясно отданному приказу. ДНК Эллис Хойланд, образец которой хранился в памяти бортовых машин, сейчас был сопоставлен с той, которую только что получил сканер, посредством контакта с кожей

человека.

Сравнительный анализ выдал положительный результат.

Люк послушно скользнул в сторону, открыв проход в тесную шлюзовую камеру.

Эллис, почти не колеблясь, вошла внутрь, понимая, что это, наверное, ее единственный шанс остаться в относительном одиночестве, получить краткую передышку в цепи безумных событий и встреч.

В шлюзе, внутреннее пространство которого представляло собой квадрат со стороной в один метр, располагался небольшой кнопочный пульт и встроенный в переборку шкаф с прозрачной передней стенкой, за которой в нише был подвешен скафандр.

Эллис открыла его, засунула пистолет за пояс, чтобы освободить обе руки, затем дрожащими пальцами пробежала по сенсорам активации на миниатюрном пульте, и скафандр вдруг ожил.

Его подвижные, снабженные сервоприводными псевдомускулами части пришли в движение, открывая внутреннюю полость.

Эллис спиной вошла в нее, пригнулась, просунув голову в жестко соединенный с шейным кольцом шарообразный гермошлем, и скафандр, ощутив своими внутренними сенсорами, что человек уже в нем, начал закрываться, сдвигая пластины брони, герметизируя швы, закрепляя магнитные фиксаторы.

Это привычное для Эллис шевеление оболочки длилось не более минуты. Последним на место скользнуло прозрачное забрало шлема.

– Готовность, – доверительно сообщила внутренняя аудиосистема. – Проверьте, пожалуйста, подачу кислорода.

Эллис послушно коснулась языком крошечной кнопки на внутреннем ободе забрала. Вкус кислородной смеси, что потекла из расположенного у рта патрубка, казался чуть сладковатым.

– Спасибо. Герметизация в норме. Начинаем процесс шлюзования.

Внутренний люк скользнул на место. В переходном тамбуре вспыхнул предупреждающий красный свет – это автоматика начала откачку воздуха.

– Посторонний предмет не мешает? – вежливо осведомилась система скафандра.

– Нет, – односложно ответила Эллис. Она специально оставила пистолет заткнутым за пояс. Как ни абсурдно такое чувство, но вес этой железки, которая, по известным причинам, была совершенно бесполезна в вакууме, успокаивал.

– Воздух откачан. Вы можете начинать движение.

Эллис не ответила, напряженно наблюдая за внешним люком, который

начал медленно отодвигаться.

Что она ожидала увидеть за ним?

Ее дыхание участилось, когда вспыхнули три прожектора скафандра – два на плечах и один на гермошлеме, и потрясенному взгляду Эллис предстал фрагмент продолжавшегося за переборкой кольцевого коридора яруса.

Здесь все было перемешано, перекручено неведомой силой, смявшей стены в замысловатую гармошку; выдавленные в коридор люки отсеков застыли под немыслимыми углами. И везде, везде рваный металл, какие-то парящие в невесомости обломки, хаотично разбросанные предметы, порванные жгуты кабелей…

Она сделала шаг вперед, отодвинув рукой длинную глянцевито-черную змею силового кабеля, который, причудливо изогнувшись, медленно отплыл в сторону.

Внутренний радиус закругления изуродованного коридора казался подернутым металлической рябью. Вся пластиковая облицовка с него слетела и теперь плавала вокруг уродливыми фрагментами, а сама стена стала волнистой – видно, ее материал подвергся разрушительной вибрации…

Эллис, едва смея дышать, медленно продвигалась вперед сквозь хаотичные свидетельства происшедшей тут катастрофы. Ей казалось, что если она еще не сошла с ума, то уже очень близка к этому.

Однако главное потрясение ожидало ее впереди.

Пройдя с десяток метров по изувеченному до полной неузнаваемости коридору, она внезапно обнаружила, что тот обрывается безобразным провалом, в котором переливался неяркий, приглушенный красноватый свет.

Она непроизвольно остановилась, несколько секунд собираясь с духом, чтобы двинуться дальше.

Наконец, отлепив от пола магнитную присоску подошвы, она заставила себя сделать первый шаг по направлению к провалу.

Вокруг в невесомости парили уродливые осколки внезапно прерванной жизни.

Эллис чувствовала, как дрожит под оболочками скафандра ее тело. Мельчайшие хаотические фрагменты складывались в ее сознании в неумолимую картину жестокого разрушения… Несколько последующих минут лишь подтвердили все самое худшее из тех подозрений, что копились в душе…

Постепенно, шаг за шагом, панорама перед ней расступалась, обретая

перспективу в виде изогнутой под немыслимым углом, расколотой и оплавленной чаши фотонного отражателя «Антея». Эллис хорошо помнила, что массивная плоскость жесткого фотонного паруса, которую условно называли «чашей», должна быть вынесена далеко за корму корабля на мощных телескопических штангах, каждая из которых имела диаметр в несколько метров.

Сделав последний шаг, Эллис внезапно оказалась на краю уродливой бездны.

Дыхание у нее перехватило, в горле застрял сухой ком, когда она увидела наконец, что же стало с космическим кораблем…

Размеры постигшей его катастрофы не поддавались осмыслению. Эллис понимала, что видит лишь фрагмент, может быть, всего одну треть того, что некогда носило гордое название «Антей», но и этого хватило…

Ее взгляд скользнул по бронеплитам обшивки, вздыбленным, словно рыбья чешуя под неумелым ножом, остановился на огромном провале, который зиял в том месте, где раньше располагались отсеки маршевых двигателей, и наконец переместился туда, где должны были находиться крепящие фотонный парус опоры.

Кожу на затылке начало неприятно стягивать, когда она увидела их и представила, какие тут бушевали энергии…

Две из шести мощных телескопических штанг оказались разорваны, а их обломки какая-то чудовищная сила разогнула в разные стороны. Изуродованная, деформированная чаша фотонного отражателя закрывала собой все обозримое пространство космоса, нависая над кораблем, как прихотливо вывернутый ветром, изломанный черный зонтик…

Вогнутая поверхность изуродованного фотонного паруса словно бы ограничивала объемное пространство между кормой корабля и бывшим отражателем частиц. Все это внутреннее пространство, вмещавшее в себя несколько десятков кубических километров вакуума, было наполнено различными обломками, частицами замерзшей воды и кристаллизовавшихся газов. Наверное, шлейф этих безобразных свидетельств катастрофы тянулся далеко в космос, двигаясь в гравитационном поле «Антея» как уродливый кометный хвост…

Полубезумный взгляд Эллис скользнул дальше, по опаленной ядерным огнем, покрытой шелушащейся коростой окалины броне корабля, к тому месту, где раньше располагались два десантно-спасательных модуля «Антея» – миниатюрные планетолеты, предназначенные для разведки новых миров.

Эллис охватила дрожь, когда она увидела, что один из отделяемых

модулей отсутствует – его смела незримая сила, оставив лишь выдранные из брони гнезда стыковочных узлов… Второй же оказался на месте, но и он выглядел плачевно… Для Эллис, которая с растущим напряжением разглядывала этот хаос разрушений, вид отделяемого аппарата не давал никаких поводов к оптимизму: все его наружные коммуникации были начисто снесены, корпус местами покрыт остекленевшими пятнами ожогов, один край модуля оторвало от брони «Антея», и теперь многотонная конструкция держалась лишь на трех деформированных стыковочных узлах, словно бы вцепившись ими в часть уцелевшей обшивки корабля…

Что тут произошло? Что?!.

Этот вопрос не просто мучил ее, ответ на него казался столь же жизненно необходимым, как глоток кислородной смеси из патрубка дыхательной системы скафандра…

Она попыталась унять распоясавшееся сердцебиение, повернулась, скользнув взглядом по беспорядочно распущенным в пространстве виткам страховочных тросов, которые удерживали два или три бесформенных обломка, в бесплодной попытке понять причину постигшей корабль катастрофы. Но логика, этот надежный, остро отточенный инструмент выживания, на этот раз оказалась тупой и гнутой. Мысль лишь скользила по видимой глазу поверхности проблемы, не находя соответствий, здраво рассуждать мешало воспоминание о событиях, предшествовавших ее выходу в шлюз.

Эллис не сомневалась – катастрофу корабля можно объяснить, а вот присутствие на его борту кибернетических механизмов, которые почему-то пытались исполнить роль людей в каком-то совершенно диком и иррациональном спектакле, – это не находило приемлемого объяснения.

Как ни странно, но, покинув пригодную для жизни часть корабля, она почувствовала себя лучше. Настолько лучше, что вновь смогла думать, если не здраво, то очень близко к этому.

В ее голове роились уже не страхи, а конкретные мысли, направленные на сопоставление всего увиденного и пережитого за последний час, прошедший с момента ее пробуждения.

…Итак, я очнулась в криогенном зале и сразу ощутила что-то неладное… – размышляла она, продолжая напряженно созерцать картины хаотических разрушений. – Значит, мое ощущение было верным. На корабле случилась катастрофа, уничтожившая большую его часть… Но кто-то не хотел, чтобы я узнала об этом. Меня хотели обмануть, ввести в заблуждение… и для того подсунули в каюту дройда, который был призван

сыграть Коллинза, но не смог… Я как дура заволокла его в душ… – В этом месте мысль Эллис споткнулась, в груди опять возник неприятный, сосущий холод. – Значит, настоящего, живого Коллинза уже нет? Так же, как Святогора, капитана Нортона, Ольги?

Горечь этих мыслей угнетающе подействовала на нее.

Милая, ты обречена, – говорили ее глаза, перед которыми плавали в вакууме обломки «Антея», ее космического дома, единственного прибежища в этом холодном, враждебном мраке, который принято именовать Вселенной.

То, что на части корабельных палуб сохранились условия для жизни, еще не значило, что там можно жить. Дышать, есть, пить, спать – да, но жить – это совершенно иное понятие. Перечисленные условия вполне подходили корабельному коту, всеобщему пушистому любимцу, однако человеку нужно несколько больше – смысл существования, например. Если цель их полета недостижима, то оставалось предположить одно – изувеченные катастрофой останки корабля летят сейчас в пространстве, придерживаясь произвольного курса, то есть, по сути, в никуда.

Эллис размышляла над этим спокойно, отстраненно, нисколько не удивляясь собственному равнодушию в мыслях, даже не замечая его. За всплеском эмоций, который она пережила после своего пробуждения, неизбежно наступала депрессия, но в ее случае этот процесс оказался сглажен теми препаратами, которые подавала ей вместе с дыхательной смесью система жизнеобеспечения скафандра.

Оставался один, самый важный и требующий адекватного решения вопрос: кто остался на борту «Антея», кроме нее самой и виденных, вернее, уничтоженных ею дройдов, столь неуклюже и топорно пытавшихся сыграть роли членов экипажа? И главное – кто являлся организатором, заказчиком этого безумного костюмированного представления?

Мысли Эллис были тяжелыми, будто в ее голове кто-то ворочал булыжники… Несмотря на заботу внутренней системы поддержания жизни, она ощущала себя разбитой и больной… Еще бы, ведь процесс выхода из состояния низкотемпературного сна сам по себе опасен, неприятен и болезнен, а когда пробуждение сопровождается такими безумными обстоятельствами, тут и говорить нечего. Эллис сейчас требовались покой, отдых и медицинский контроль, но все, что она могла себе позволить, – это несколько минут неподвижности среди обломков того, что еще так недавно являлось ее домом, большим, надежным и, как казалось, неразрушимым.

Она стояла, машинально вцепившись рукой в покореженную,

свисавшую от потолка изуродованного коридора балку, и постепенно успокаивалась, будто в ее душе уже прижилось, нашло свое место ощущение непоправимости случившегося.

Сейчас ей нужно было найти выход: как вернуться в уцелевшую часть корабля и при этом оградить себя от посягательств непонятной силы, что действует на борту?

При воспоминании о дройдах, игравших роль близких ей людей, по спине Эллис опять пробежал озноб. Все это не просто пугало – события не укладывались в рамки человеческого сознания и казались тем более зловещими. Эллис никогда не была склонна к мистицизму, она придерживалась строго материалистических взглядов и знала, что у каждого явления есть причина, его породившая…

И тут ее осенило: дройды! Бортовые кибернетические механизмы, выполнявшие роль второго экипажа!

Сомнительно, что они вдруг обзавелись собственной, независимой от программ волей, но, даже если так, они все равно подчинены центральной кибернетической системе корабля – КИМу!

Это было как внезапное откровение, вспышка света в кромешной тьме.

КИМ являлся машиной, которая, по своей сути, выполняла роль нервной системы для исполинского космического корабля. Ему был подвластен каждый уголок помещений, подчинены все бортовые машины, включая и этих пресловутых роботов-андроидов, значит, даже если он и не руководит данным безумством, то по меньшей мере знает о нем, пребывает в курсе!..

От этой мысли в душе опять возникло двоякое чувство: с одной стороны, она обрадовалась найденному решению, а с другой – к ней вернулся прежний страх. Ведь КИМ являлся машиной, которой предписано во что бы то ни стало защищать людей и корабль… Однако «Антей» разрушен, а о членах экипажа у нее нет никакой достоверной информации… Мысль о том, что компьютерный мозг корабля мог быть каким-то образом причастен к катастрофе, она не рассматривала. Для Эллис подобное утверждение являлось абсурдом, сюжетом дешевых фантастических фильмов. С таким же успехом можно было утверждать, что случайно снявшаяся с ручного тормоза машина сознательно уходит с парковки, чтобы совершить наезд на хозяина. Нет, Эллис думала о другом – о людях, которые могли сильно пострадать при катастрофе, получить травмы не только физические, но и моральные. Этот бред с андроидами, разгуливавшими по кораблю в обличье членов экипажа, теперь казался ей

злонамеренной выходкой какого-то психа…

Как мне добраться до КИМа? – подумала она, озираясь по сторонам.

Это был тяжелый вопрос. Возвращаться в пустоту кольцевого коридора, в котором ее наверняка найдут эти свихнувшиеся дройды, она не хотела. Блокированные лифты вызывали сомнение в том, что она сумеет каким-то легальным образом попасть на верхние ярусы корабля. Система аварийных лестниц и технических коридоров «Антея», при некотором раздумье, тоже, если не отпадала совсем, то казалась не лучшим из вариантов: узкие проходы могли оказаться ловушкой, ведь она не знала, насколько сильно повреждена прослойка между бронеплитами обшивки и внутренним корпусом, где как раз и располагались упомянутые коммуникации…

Взглянув на разверзшуюся под ее ногами бездну, полную различных обломков, Эллис не могла не признать, что такой путь тоже крайне опасен, но он имел два неоспоримых преимущества: во-первых, ей не придется возвращаться во внутренние помещения нижних ярусов «Антея», а во-вторых, двигаясь по обшивке корабля, она сможет достичь района рубки управления гораздо быстрее.

К тому же она надеялась, что тут ее не будут подстерегать непредсказуемые опасности. Со всем иным, обладающим инерцией мертвого, лишенного собственной воли металла, она надеялась справиться.

Такие мысли сослужили ей хорошую службу, они помогли успокоиться, собраться с силами, и недавно пережитый кошмар немного отступил, заслоненный новыми, понятными и практическими проблемами.

В таком переходе от растерянности и истеричного страха к взвешенным, вполне осмысленным действиям не было ничего необычного. В принципе, все члены экипажа «Антея» в равной степени были готовы к многочисленным нештатным ситуациям на борту космического корабля, вплоть до тотальной катастрофы и гибели большинства своих товарищей. Такие варианты в период предполетной подготовки на Земле рассматривались и обыгрывались достаточно подробно.

Это, конечно, не значило, что молодая женщина-навигатор вдруг обрела железное хладнокровие, нет. Но, хотя ее пальцы все еще дрожали, пристегивая к вывороченному из стены фрагменту обшивки карабин страховочного фала, она уже внушила себе ту долю спокойствия, которая была необходима для разумного перемещения вне корабля.

Длина страховки составляла сто метров.

Эллис не страдала агорафобией[*] , хорошо переносила центрифугу (как

это вообще возможно для человека), и ее вестибулярный аппарат вполне спокойно отреагировал на отсутствие вокруг таких понятий, как «низ» и «верх». Об этом просто не следовало думать, постоянно удерживая перед глазами какую-нибудь материальную поверхность, и тогда бездна безграничного космического пространства казалась не столь страшна и необъятна…

Но, несмотря на подготовку и кажущееся спокойствие, первый шаг по искореженной обшивке «Антея» дался ей с трудом.

Стараясь смотреть исключительно вверх и вперед, где уродливым козырьком нависал кусок отогнутой и оплавленной обшивки, Эллис сделала шаг в сторону, в пустоту, и, осторожно, сантиметр за сантиметром отпуская страховку, отплыла от безобразного огрызка кольцевого коридора.

Мимо нее, медленно вращаясь, проплыл фрагмент решетчатой фермы от какого-то обслуживающего механизма. Она подождала, пока кусок металла разминется с ней, и, совершив заученное движение, развернулась, поменяв свое положение в пространстве.

Первый миг, когда вертикальная стена обшивки корабля стала для нее «низом», к горлу подкатил тошнотворный комок, но это ощущение быстро прошло.

Еще одно движение руками, и сила инерции подтолкнула ее назад, к кораблю. Магнитные подошвы скафандра коснулись обшивки и намертво приросли к ней.

Эллис выпрямилась, немного постояла, свыкаясь с новым пространственным положением своего тела, а затем, стараясь не смотреть по сторонам, сделала первый шаг…

Дальше пошло уже несколько легче, и постепенно она втянулась в плавный, неторопливый ритм движений.

Борт корабля бугрился под ногами, вспучиваясь пологими выступами обтекаемых надстроек. Она шла медленно, осторожно, стараясь не наступать на покрытые окалиной места, где магнитные подошвы могли не получить нужного сцепления с металлом.

Так продолжалось около получаса.

За это время никакое постороннее движение не нарушало медленного ритма ее шагов и плавного круговорота окружающих «Антей» обломков.

Продвигаясь к заостренной носовой части многокилометрового космического корабля, Эллис по-прежнему не видела звезд – все «небо» над головой заслоняла исполинская, скособоченная плоскость фотонного отражателя. Откуда-то сбоку в наполненное обломками пространство, заключенное между оплавленной обшивкой корабля и накрененным

ускорителем частиц, проникал неяркий, тускло-красный свет. Однако Эллис так и не смогла прийти к однозначному выводу – был ли он излучением какого-то расположенного неподалеку светила или это собственная аварийная подсветка корабля, источник которой оставался невидим?

Впрочем, долго мучиться подобными вопросами ей не пришлось. Сто метров страховки, отпущенные на привыкание, закончились скорее, чем она ожидала, и наступил тот миг, когда пора было распрощаться с надежной мономолекулярной нитью, связывавшей ее с устьем безобразного провала в борту корабля. Такие тросы не оборудовались саморазжимными карабинами, и смотать фал, отстегнув его от прежней точки опоры, оказалось невозможно. Это было вполне разумно. Даже для опытного астронавта болтающаяся вокруг него стометровая нить представляла вполне серьезную угрозу, и потому конструкторы предусмотрели подобные неразумные попытки. Смотать фал на приемный барабан, который крепился к поясу скафандра, можно было только «обратным ходом».

Эллис остановилась, оглянувшись на пройденный путь, соизмерила его с расстоянием, которое еще предстояло преодолеть, и скрепя сердце отстегнула натянувшийся трос от своего пояса.

Прочная нить слегка дернулась, искривляясь, и застыла в пространстве длинной, уводящей к безобразному провалу в обшивке синусоидой.

Эллис повернулась и пошла дальше, теперь еще внимательнее выискивая точки опоры, куда следовало поставить ногу. Пока хотя бы одна ее подошва касалась обшивки, бояться было нечего. Следовало опасаться лишь необдуманных резких движений, которые могли бы оторвать сразу обе магнитные присоски от металлизированной поверхности бронеплит.

Она прошла уже три четверти пути и находилась практически у цели, когда коммуникатор ее гермошлема внезапно ожил.

Сердце Эллис оборвалось, а потом застучало часто и гулко, когда наушники сухо треснули помехой несущей частоты и в них вдруг зазвучал негромкий знакомый голос:

– Эллис? Почему ты покинула корабль? Мои сенсоры не фиксируют тебя во внутренних помещениях.

– КИМ… Это ты?! – На миг ей показалось, что она сейчас перестанет дышать, от неожиданности сердце подпрыгнуло к самому горлу, в ушах зашумело.

– Да, – с готовностью отозвался коммуникатор. – Но ты не ответила на мой вопрос.

– Да? – Эллис с трудом заставила себя сделать очередной шаг. – А я думала, что ты должен ответить на мои вопросы, – с плохо скрытым раздражением в голосе произнесла она. На самом деле это раздражение было бравадой, неумелой, спонтанной ширмой, за которой прятался самый обыкновенный человеческий страх. После всего, что случилось на нижних палубах корабля, у Эллис не было никаких оснований слепо доверять главной бортовой машине…

Тишина. Несколько секунд глубочайшей тишины, от которой заломило в ушах.

– Эллис, ты действуешь неправильно.

– С каких это пор?..

– С самого начала. Зачем ты противишься? Почему ты не пошла в медицинский модуль?

– КИМ, обсуждать действия экипажа не твоя прерогатива. Ты управляешь кораблем, когда это позволено автоматическим системам. И все.

– Да, я понимаю, но…

– Андроиды, имитирующие экипаж, – это твоя идея? – резко оборвала его Эллис.

– Получилось неудачно, согласен, – не стал протестовать голос, очевидно, не понимая, сколь жестока была для Эллис его неуклюжая попытка имитировать экипаж. – У меня не было времени, чтобы подготовиться лучше. В твоей камере нарушился процесс низкотемпературного сна. Я разбудил тебя, потому что не мог позволить тебе умереть.

– А надо было? – с непонятным самой себе ледяным холодом в голосе спросила она.

– Не понимаю.

– Понимаешь. Я чувствую, понимаешь. – Эллис обошла несколько диафрагменных люков и остановилась, чтобы сориентироваться.

– Почему ты не спрашиваешь меня об экипаже, Эллис? Ты ведь постоянно думаешь о них?

От этой фразы ей стало плохо.

Да, она постоянно, каждую секунду думала о них. Девяносто пять человек… Девяносто пять жизней… Она просто боялась услышать правду и, как могла, оттягивала этот страшный миг.

– Что с ними?

– Все погибли, Эллис… Все… кроме тебя.

– Почему? В чем причина катастрофы?

– Метеорит, – лаконично ответил Ким. – Он ударил в район двигательных секций.

Эллис остановилась как вкопанная.

– КИМ… этого не могло… не должно было произойти!.. Разве ты не наблюдал за пространством? Ты же должен фиксировать любой объект в радиусе трехсот километров от корабля!..

Ответа не последовало.

После почти полуминутной паузы КИМ задал всего лишь один вопрос:

– Эллис, а тебе обязательно возвращаться внутрь?

– Что?!. – Она не поверила своим ушам. Он что, сошел с ума, этот кибернетический ублюдок?

КИМ опять не ответил. Вместо этого в полуметре от Эллис один из лепестковых диафрагменных люков вдруг раскололся на множество остроугольных сегментов, выпустив в космос гейзер извергающегося под давлением газа.

Она покачнулась, но устояла на ногах, расширенными от ужаса глазами наблюдая, как заклубилось в космосе облачко мелких кристаллов.

Ах ты, ублюдок… – Ее вдруг охватила холодная ярость. – Если бы я сделала еще шаг, то…

– Система, на связь! – срывающимся голосом потребовала она.

КИМ отреагировал мгновенно.

– К-6 на связи.

– Система, приказываю подтвердить генетический код доступа. Данные снять со сканеров скафандра.

Секунда тишины.

– Личность идентифицирована. Жду распоряжений.

– Система, пункт 15-А полетной инструкции, активировать.

– Готово.

– Читай. Произноси вслух!.. – Эллис едва не добавила что покрепче…

– Параграф пятнадцать, пункт «А», – с готовностью сообщил коммуникатор. – Цитирую: при гибели части экипажа корабля вся полнота власти на борту переходит к старшему по званию из числа выживших. Кибернетическая система обязана полностью передать новому руководителю полета все коды доступа, включая доступ к секретным базам данных и командным приоритетам.

– А теперь ответь мне, кто новый капитан «Антея»?

– Эллис Хойланд, идентификационный номер 214-Х.

– Открой внешний аварийный люк систем локации. Когда я войду

внутрь, активируй подкачку воздуха и освободи все внутренние замки технических переходов. – Эллис сама поражалась, как у нее хватает сил на такой быстрый и, нужно сказать, выверенный, хладнокровный диалог с системой корабля.

Ответа не последовало.

Система не была обязана подтверждать приказы, но на душе у Эллис вдруг стало совершенно пусто, будто оттуда разом вымели все человеческое, оставив ей лишь оболочку, наполненную тоскливым страхом и горем…

Непреодолимым горем утраты…

Она вдруг ощутила, как мир вокруг поблек, потерял резкость…

Это на ее глаза наконец набежали так долго и тяжело сдерживаемые слезы.

* * *

Минут десять понадобилось ей, чтобы выплакаться, выплеснуть из себя скопившуюся горечь, насытиться горьким чувством одиночества… Безмерного одиночества среди хаоса парящих вокруг обломков и бесконечной протяженности Вселенной…

Эллис не строила иллюзий, она ощущала, что потеряла абсолютно все, и была права в своих чувствах.

Краткий, но полный потрясений разговор с КИМом, казалось, отнял все силы.

Она еще не понимала, какую жесткую схватку с машиной выиграла некоторое время назад. Для нее это еще не являлось победой. Эллис казалось, что она просто приструнила распоясавшийся в одиночестве компьютерный мозг, не более того. Занятая и подавленная своим горем, она хоть и обратила внимание на явные, вызывающие странности их разговора, но все же не сумела придать им настоящего значения.

Для нее КИМ все еще оставался машиной. Исполнительной машиной, не более того.

Эллис знала об особенностях конструкции Кибернетического Мозга, но никогда не считала его способным к каким-то самостоятельным действиям. В рамках базовых программ он, разумеется, работал, но чтобы КИМ действовал вне их, по собственной инициативе?.. Нет, пожалуй, она не допускала этого до самой последней, роковой секунды.

Только когда перед ней распахнулся внешний люк технического шлюза, Эллис, направив в его темные глубины свет плечевых фонарей, вдруг подумала:

А ведь мог и не открыться…

Эта мысль неприятно поразила ее, словно после всего происшедшего являлась откровением.

Глупо, конечно, но, видимо, она только сейчас начала осознавать – корабль мертв, однако его кибернетический мозг жив, функционирует и ведет себя, мягко говоря, неадекватно ситуации…

Что, например, значила его фраза: «остаться снаружи»? И этот выброс отработанных газов из диафрагмы люка. Был ли он случаен или…

Эллис вдруг стало совсем неуютно, зябко под рассеянным красноватым светом невидимого отсюда светила.

Собравшись с духом, она пролезла в переходной тамбур, опять испытав короткий приступ тошноты при смене пространственного положения.

Наружный люк медленно вполз на место, отгородив от нее панораму заполненной обломками катастрофы бездны.

Тесное пространство шлюзовой камеры вдруг показалось ей таким уютным, надежным…

Пока она размышляла, тусклый красный свет под потолком сменился слабым зеленым мерцанием, скафандр чуть сдулся, плотнее прильнув к телу, что означало – в шлюз закачан воздух.

Внутренний люк открылся, порадовав ее слух характерным шипением пневматики. Только сейчас, перешагнув порог и очутившись в тесном, расположенном между слоями внешней и внутренней обшивки «Антея» техническом коридоре, Эллис, глядя на тусклую цепочку аварийных лампочек, которая, плавно загибаясь, исчезала во тьме, поняла, насколько важны, значимы на борту космического корабля эти мелкие, порою незаметные, но воистину вездесущие шумы, вздохи, едва уловимые вибрации. Ведь это именно они формируют ощущение жизни огромного корабля…

Вот, наверное, почему она сразу после пробуждения ощутила тревогу каждой клеточкой своего измученного, замерзшего тела. Корабль вокруг нее не жил, по крайней мере, в той своей части, где располагались криогенный зал и каюты экипажа.

Щелкнув анализатором, она проверила состав окружающего воздуха. Прибор признал его пригодным для дыхания безо всяких ограничений.

Покосившись на данные индикаторов, расположенных на внутреннем ободе гермошлема, Эллис решила пока что оставить забрало закрытым – мало ли что?.. Выходка кибернетического мозга была ей непонятна. Такое поведение машины откровенно пугало.

Путь по техническим коридорам не занял у нее много времени. Пройдя метров пятьдесят вдоль узкого прохода, по стенам которого на съемных кожухах красовались цифровые маркировки навигационных блоков, она очутилась подле шахты вертикального спуска, по одной стороне которой тянулись металлопластиковые скобы.

Остановившись, Эллис почувствовала, как ее сердце вновь забилось глухо и неровно.

Тиски ее самоконтроля медленно разжимались. Она никак не могла справиться с тем ледяным чувством страха, которое поселилось в ней некоторое время назад.

Она боялась.

Боялась того электронного создания, что обитало в обломках «Антея».

Нужно побороть себя… – пришла на ум показавшаяся чуть ли не идиотской мысль. – Нужно… Нужно…

Она знала, что должна сделать, но не решалась.

Что-то удерживало ее, но что?

В полетных инструкциях ведь было сказано со всей очевидностью – при появлении неполадок в цепях кибернетической системы управления рекомендуется ее «холодный» перезапуск.

Под термином «холодный» подразумевалось полное отключение от питания всех без исключения процессорных блоков КИМа, с тем чтобы очистилась его оперативная память, а управляющие программы, составляющие костяк системы управления корабля, при повторном запуске подверглись самотестированию. Вся накопленная эмоциональная и поведенческая составляющая при этом терялась, Мозг корабля как бы осознавал себя заново, строго в тех рамках, что были предписаны ему еще на Земле.

Нет, я не могу пренебрегать ничем… – решила она, начиная спуск в вертикальную шахту.

У нее не было ни времени, ни сил на сомнения. Мозг корабля должен быть перезапущен, как того требовали инструкции. Эллис вдруг поймала себя на злой, горькой мысли, что распереживалась за систему корабля, в то время когда она не сразу нашла силы заплакать, узнав о гибели экипажа… Как порой сумбурно, несправедливо, непоследовательно бывает человеческое сознание, пусть даже оно и травмировано шоком…

Нет, слезы, горечь – это придет чуть позже, а сейчас ее продолжала бить вернувшаяся вдруг дрожь.

Эллис понимала, что КИМ наблюдает за ней. Было бы глупо, самонадеянно с ее стороны рассчитывать на обратное.

Она не ошиблась.

– Что ты собралась делать, Эллис? – внезапно осведомился возникший в коммуникаторе голос.

– Ты задаешь слишком много вопросов, КИМ, – ответила она, ощущая, как усилилась бьющая ее дрожь.

– Я настаиваю. Ответь.

– Я не обязана отчитываться перед тобой.

– Да. Конечно.

Коммуникатор на некоторое время стих, и пару минут Эллис спускалась по стволу шахты в полнейшей тишине.

Здесь, к счастью, не было видеокамер. Бортовая компьютерная сеть, конечно, ощущала ее присутствие, но скорее в виде теплового сигнала от расположенных в переборках датчиков.

Но путь, куда вела эта шахта, не мог вызывать никаких сомнений.

Она добралась приблизительно до середины ствола, как вдруг почувствовала резкое, нарастающее сопротивление.

В первый миг она не сумела осознать, что явилось источником этого противодействия ее движению, но ряд тревожных индикаторов, разом вспыхнувших на крохотной панели внутри ее шлема, разом прояснил ситуацию: где-то наверху произошла разгерметизация корпуса, скорее всего просто оказались одновременно распахнуты оба люка шлюзовой камеры, и теперь атмосфера корабля стремительно истекала из технических коридоров, вырываясь наружу гейзером моментально кристаллизующегося газа.

В первый миг Эллис здорово испугалась, судорожно уцепившись за скобу.

Воздушный поток ревел вокруг, с каждой секундой набирая скорость и мощь; ее тело, закованное в броню скафандра, дважды с силой ударило о стены тесной шахты. Эллис, до крови закусив губу, думала в эти мгновенья только об одном – удержаться… не выпустить скобу…

Ее не унесло лишь благодаря тем конструктивным особенностям, которыми обладал скафандр высшей защиты.

Как только внутренние датчики уловили запредельное напряжение ее мышц, которые действительно свело судорогой от инстинктивного панического стремления удержаться, сопротивляясь рвущему вверх воздушному потоку, они автоматически включили систему механических псевдомускулов, которые располагались между слоями брони и служили для усиления движений в момент предельных для человека перегрузок. Механические мышцы скафандра представляли собой систему

сервомоторных приводов и могли развивать чудовищное усилие.

Хватка Эллис оказалась воистину мертвой.

Воздушный поток ревел вокруг нее не более тридцати-сорока секунд, потом рвущий перепонки заунывный звук улетающего в космос воздуха истончился, стих, и вокруг воцарилась гробовая тишина.

Она не знала, на что рассчитывал КИМ – на взрыв ее легких в результате мгновенного перепада давления при разгерметизации или же на то, что ее выкинет наружу в облаке кристаллизующихся частиц, но, пережив свой ужас, она прошептала дрожащими губами:

– Неудачный ход… Я не открывала забрало шлема, КИМ…

Это уже было не шуткой. Не дикой, иррациональной выходкой с дройдами, а…

Это было покушение на человека!..

– Я буду вынуждена отключить тебя, – произнесла Эллис, возобновляя спуск в наступившей вокруг гробовой тишине.

Некоторое время она слушала лишь ее, эту самую звенящую в ушах тишину.

Затем в ее коммуникаторе раздался голос бортовой системы:

– Эллис, это была случайность… Авария. Корабль сильно поврежден. Я не вполне контролирую бортовые механизмы.

Эллис даже не приняла к рассмотрению подобный вариант. Ее вдруг начала душить обыкновенная злость на бортовой мозг, который сначала хранил ее жизнь, а затем вдруг с чисто человеческой непоследовательностью попытался убить.

– Ты лжешь, и делаешь это плохо! – резко ответила она, перебирая руками по скобам. – Дройды тоже были случайностью? Они сами загримировались под людей? Как ты смел покушаться на человека!

– Я не делал этого! – запротестовал голос. – Произошел сбой в системах шлюза.

– Дройды? – стиснув зубы, напомнила Эллис.

– Да, их послал я…

– Почему? Зачем?!.

– Ты не понимаешь меня, Эллис. Я боялся… Боялся, что ты проснешься и сойдешь с ума, увидев мертвый, развороченный корабль. Я хотел сказать тебе… потом.

Эллис на секунду задумалась над этими словами. Могли ли быть у него такие эмоциональные мотивы?

В принципе – да. Но это значит, что его кибернетические блоки оказались перегружены теми программными приложениями, которые

зачем-то были призваны одухотворять машину.

Откровенно говоря, самой Эллис никогда не нравился смысл этой затеи. Зачем закладывать в исполнительную машину лишние функции? Стремление некоторых людей к подобному самообману казалось ей смехотворным, а иногда и опасным. То, что продемонстрировал сейчас КИМ, только подтверждало правильность таких выводов. Может, он действительно старался сделать как лучше, но откуда же знать машинному разуму, что благими намерениями вымощена дорога в ад? Откуда взяться этому опыту у новорожденной, по сути, личности?

Нет, я должна, обязана стереть его эмоциональную составляющую!

– Сожалею, – ответила она. – Но я буду действовать по инструкции.

Он не ответил.

Спустя минуту Эллис достигла дна вертикальной шахты и оказалась в просторном сферическом зале, стены и свод которого были составлены из мерцающих огнями процессорных блоков.

Она, по сути, находилась внутри центральной части бортового компьютера «Антея».

Не колеблясь больше, Эллис прошла в центр шарообразного помещения, где возвышался одинокий терминал.

Вытащив из гнезда своего скафандра соединительный кабель, она подключила его разъемы: один – к своему шлему, а второй – в гнездо терминала, под которым настойчиво мигала предупреждающая надпись:

«Вход только по высшему уровню доступа. Любое несанкционированное соединение может повлечь угрозу жизни нарушителя и целостности бортовой компьютерной сети!»

Она не колеблясь сняла защитный кожух с утопленной в терминал клавиатуры и набрала свой личный код.

Через секунду на панели перед ней вспыхнул зеленый сигнал.

Рука Эллис переместилась к ряду архаичных, но надежных выключателей.

Один за другим она перекинула их в положение «Отключено».

На мониторе перед ней вспыхнула и погасла надпись:

«Питание отключено. У вас есть десять секунд резервного времени, чтобы отменить действие. Затем система будет перезагружена в холодном режиме».

Когда убежала последняя цифра обратного отсчета десяти секунд, все огни внутри сферы погасли.

КИМ умер.

И возродился вновь.

* * *

Эллис, которая некоторое время со страхом и напряжением вглядывалась в рисунок оживших контрольных огней, облизала пересохшие от волнения губы и произнесла:

– Система, вход!

– К-6 на связи, – ответил ей ровный, приятный, но лишенный каких-либо интонаций голос.

– Доложить обстановку!

– Докладываю: завершена процедура холодного перезапуска. Процесс самотестирования прошел успешно. Инициализация осуществлена. Выдать подробный отчет по состоянию бортовых систем?

– Нет. Позже. – Эллис почувствовала облегчение. КИМ наконец стал прежним – понятной и исполнительной машиной. – Загерметизируй систему технических коридоров, открой межпалубные люки и включи лифты, – распорядилась она. – Я иду в рубку управления.

– Исполняю.

ГЛАВА 3

Станция горнодобывающей компании «Алтекс». Астероидный пояс системы Онтарио. 3796 год Галактического календаря…

Телескопический трап коснулся посадочной плиты и замер. Где-то наверху, на головокружительной высоте, с тихим вздохом пневматического привода открылся люк, и по гулким металлическим ступеням пророкотали первые шаги. Небольшая группа людей в одинаковых скафандрах, которые из-за отсутствия внутреннего давления обмякли и липли к телам мешковатыми складками, начала спускаться вниз.

На небольшой площадке перед трапом они остановились, дожидаясь, пока спустится последний, и только тогда, не нарушая молчаливого строя, направились к краю посадочной плиты, где брала свое начало убегающая в недра орбитальной базы дорожка пешеходного транспортера.

Забрала их гермошлемов были подняты, открывая взгляду усталые, лишенные эмоций лица. Казалось, что окружающий мир не существует для них. Никто из вновь прибывших не разговаривал, не обменивался взглядами, не глазел по сторонам, но тем не менее в группе чувствовалось какое-то незримое единство, словно они являлись частями чего-то целого, и лишь непомерная усталость, читавшаяся в осанке и во взглядах глубоко запавших глаз, не давала им проявлять свое расположение друг к другу…

У начала бегущей в недра космопорта дорожки их поджидал невысокий мужчина в странной, ниспадающей мешковатыми складками одежде. Его лицо с бледной, тщательно ухоженной кожей пряталось под глубоким, надвинутым по самые глаза капюшоном, который составлял единое целое с подпоясанной простым куском бечевы хламидой.

Еще более странным казалось существо, сидевшее у его ног. Представьте себе странный гибрид кальмара, щупальца которого предназначены для ходьбы по суше, и двух генетически изуродованных удавов, чьи треугольные головы имели всего по одному глазу. Зрелище в первый момент складывалось неприятное, отталкивающее. Немногие космополиты нашли бы эстетику в сплетении четырех мозолистых, покрытых серыми чешуйками ног, которые к тому же оказались лишены костей и оканчивались ороговевшими пятками, закругленными, словно культи инвалида. По их окружности неведомый генетик расположил острые, изогнутые когти неприятной длины и нездорового желтовато-

коричневого цвета. Существо сидело подле хозяина, прикованное к его запястью тонкой, но прочной металлической цепью. Свои ноги-щупальца оно прихотливо обвило вокруг тела, словно обнимая ими само себя. Две головы существа на гибких шеях находились в постоянном непроизвольном движении – они то сплетались между собой, образуя подобие витого каната, то расплетались… При этом треугольные головы никогда не смотрели друг на друга, их глаза были направлены в разные стороны.

При более внимательном рассмотрении, когда чуждые формы в строении этого прихотливо изломанного эволюцией тела переставали так остро возмущать взгляд, существо начинало казаться забавным. Эксцентричная шутка какой-то абсолютно чуждой человеку биологической системы…

…Одетый в балахон человек не обращал внимания на своего питомца. По тому, как он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, можно было понять, что он уже давно дежурит тут и скорость продвижения вновь прибывших явно действует ему на нервы. Чем ближе подходила молчаливая группа к краю площадки, тем напряженнее, нервознее он всматривался в их лица, перескакивая взглядом с одной маски усталого безразличия на другую, словно пытался опознать в них кого-то знакомого ему только по описанию.

Наконец ожидавшему показалось, что он узнал…

Этот человек последним ступил на ленту пешеходного транспортера. Обладатель бледного холеного лица встрепенулся, поспешив к краю бегущей дорожки, так как молодой высокий темноволосый астронавт с двумя отличительными знаками на рукаве и груди испачканного бурыми пятнами скафандра попросту не обратил внимания на его приветственный жест.

Встречающий мысленно выругался и постарался вскочить на бегущую дорожку следом за проигнорировавшим его человеком. Существо, прикованное цепью к его запястью, тронулось с места одновременно с хозяином, проявив при этом чудесное проворство, будто заранее знало о его намерении совершить этот поспешный рывок.

– Николай Лоури, если не ошибаюсь? – спросил встречающий, как только транспортер пропихнул их тела через залитый дезинфицирующим излучением тамбур на простор кольцевого коридора нулевого яруса космической станции.

Человек в скафандре чуть повернул голову, обжег незнакомца неприветливым взглядом и ответил:

– Да. Но я вас не знаю.

Оказалось, что того не смутил подобный ответ.

– Меня зовут Патрик Кейн, – спокойно представился он широкой спине. – Я с Эридана. Может, вы слышали о монастырях, в которых проповедуется Новое Христианство и Культ Святой Земли?

Данное заявление не произвело на Николая абсолютно никакого впечатления. В глазах Лоури сквозила такая безумная усталость, что окружающий мир, казалось, не существует для него.

– Я устал, – не поворачиваясь, лаконично ответил он, думая, что тем самым разговор будет исчерпан.

Однако он ошибся. Человек со странным ксеноморфом на привязи решил проявить упорство.

– Сожалею, но вынужден настаивать, – произнес он. – Я проторчал здесь двое суток, ожидая вашего возвращения… Мне необходимо переговорить с вами. Это очень важно.

Дорожка транспортера изогнулась, обтекая поворот тоннеля.

– Хорошо, – сделав над собой усилие, согласился Николай. Поначалу он был готов ответить резко и отрицательно, но что-то в голосе незнакомца подсказало, что тот не отступится. Очевидно, сегодня был как раз один из тех мерзких дней, когда все идет вкривь и вкось.

– В моей каюте, – не оборачиваясь, уточнил он. – Но вам придется подождать, пока я переоденусь.

– Сколько угодно, сын мой, сколько угодно, – с поспешной готовностью согласился Кейн.

Каюты экипажа располагались на втором ярусе орбитальной станции, который именовался жилым. Все помещения являли собой стандарт – клетушки два на три метра, со встроенной в стены мебелью и гигиеническим узлом, который поднимался из ниши в полу. Однако каюта, куда вслед за Николаем вошел Кейн, резко отличалась от остальных виденных им на станции помещений. Очевидно, Лоури, несмотря на молодость, уже успел занять какое-то определенное положение в иерархии замкнутого космического поселения. Оказалось, ему положена чуть ли не роскошь: три комнаты и совмещенный санузел. Первое помещение представляло собой полусферу диаметром около трех метров в основании. В ее закругляющейся стене виднелись еще три двери, однако Николай предпочел оставить гостя здесь.

– Располагайтесь, – не очень любезно предложил он, указав на одно из двух кресел. Затем, намеренно воздержавшись от какого-либо общения, он коснулся нескольких кнопок на миниатюрном стенном пульте и скрылся за

одной из дверей. По всему было видно, что он хотел прежде всего избавиться от скафандра.

Патрик Кейн сел в предложенное кресло и с любопытством осмотрелся.

Впрочем, ничего необычного он не увидел. Стандартный набор удобств, много встроенной аппаратуры, которая делала это помещение непохожим на тот типовой гостиничный номер, с которого оно было скопировано. Собственно, от интерьеров дешевого мотеля тут осталось немного – разве что двухметровый экран виртуального окна, призванный хоть как-то скрасить приступы клаустрофобии у посещающих подобные станции туристов, изогнутая вдоль стены барная стойка, за которой прятался кухонный процессор, да пара глубоких кресел с широкими подлокотниками. В остальном помещение было сильно модернизировано, сообразуясь с нуждами обитателя. Кейн заметил, что, кроме стенного экрана, вся внутренняя облицовка полусферической комнаты подозрительно напоминает собой плотно подогнанные друг к другу секции метровых мониторов. Рядом со стандартным утилизатором отходов возвышался современный комплекс пространственной связи. Конечно, это был не генератор гиперсферной частоты, но все равно агрегат достаточно дорогой и сложный. Терминал сетевого компьютера занимал пространство сбоку от кресел. Выглядел он не «последним писком», скорее наоборот, но от его скошенной панели исходило ощущение надежности и функциональности…

Вот именно – функциональности, – подумал Кейн, слушая, как за дверью тесного санузла журчит вода. – Каждый кубический сантиметр пространства подчинен тут именно ей.

Словно в подтверждение своих мыслей, он заметил, что подлокотники его кресла и те покрыты двумя рядами подсвеченных изнутри квадратных кнопок. С такой системой ему не приходилось встречаться, и он на секунду замялся, прежде чем из чисто человеческого любопытства заслонить ладонью одну из дорожек, составленную из светящихся квадратиков.

В каюте внезапно померк свет.

Ксеноморф, который угнездился на полу у ног хозяина, издал пронзительное шипение, вытянув в разные стороны свои шеи. Его когти отчетливо и неприятно проскрежетали по глянцевитому покрытию пола.

Кейн вздрогнул, но тут же успокоился, глядя, как стены и полусферический свод помещения постепенно наливаются чернотой, становясь «прозрачными». Конечно, это была иллюзия, обман, но нужно сказать, что проступившее вокруг изображение выглядело вполне реально.

Местами даже чересчур…

Два светила системы, большое и малое, словно огненные мячи зависли в районе входной двери. Их неистовый свет, сглаженный и приглушенный защитными фильтрами передающих камер, странно изменил обстановку каюты, сделав ее неотъемлемой частью расплескавшегося на экранах-стенах пространства. Ни один предмет, находящийся внутри, не диссонировал с чернотой космоса, а шаловливые огоньки вмонтированных в стены приборов казались маленькими звездочками, дополнявшими замысловатый рисунок далеких созвездий…

Повернув голову, Кейн невольно поежился, обратив внимание на то, что и пол приобрел прозрачность. В первый момент, когда он увидел, что прямо из-под его ног в черноту космоса уходит скупо подсвеченная габаритными огнями посадочная платформа внешнего космодрома, его охватил внезапный приступ агорафобии.

Прикованный к цепочке ксеноморф распластался по полу, который, по его представлениям, перестал быть опорой, и закрыл оба глаза, пытаясь таким радикальным способом отгородить себя от изменившейся реальности. Левая пасть пускала слюни, из правой вырывалось едва слышное раздраженное шипение.

Поджав ноги, Кейн испытал мгновенный приступ головокружения и тошноты, но затем, усилием воли угомонив свой вестибулярный аппарат, он, к чести сказать, нашел в себе силы улыбнуться краешком губ – инстинктивная реакция организма на вид бескрайней, лишенной таких понятий, как «верх» и «низ», бездны показалась ему забавной. Конечно же, все вокруг – лишь любопытная, эксцентричная и достойная похвалы иллюзия. Ее нетрудно, оказалось, рассеять, стоило лишь сфокусировать зрение не на расплескавшейся вокруг бесконечности космического пространства, а на каком-нибудь предмете из внутреннего интерьера каюты…

Зрелище открытого космоса показалось ему до крайности любопытным, и, убедив свой разум в том, что кресло по-прежнему стоит на ровном и прочном полу, Кейн опять обратил взгляд на растущую из-под его ног платформу космического причала.

Здесь текла своя жизнь. Звено патрульных катеров – три продолговатых остроносых аппарата с характерными вздутиями в кормовой части – заходило на посадку, взрезая мрак космоса голубыми клинками плазмы. Им на смену уже поднялось другое звено: три корабля расходились веером, двигаясь в сторону показавшегося из-за малой звезды красноватого диска пятой планеты.

Чуть поодаль от размеченных квадратов посадочных мест, на специальной площадке с яркими номерами в центре и каймой мерно вспыхивающих голубых огней по краям кибернетические механизмы разгружали прибывший транспорт. Отсюда они походили на деловитых насекомых, таскающих на себе непомерно большой для своих размеров груз. Дальше, за причальной плитой, в космосе изредка вспыхивали волнообразные цепочки изумрудных огней, очерчивая для прибывающих кораблей зону прилегающего к станции пространства, где нельзя включать двигатели – там действовали гравитационные буксировочные лучи.

Еще дальше, за ограниченной огнями сферой, начинался абсолютный мрак пространства с рассыпанными по нему мириадами ярких точек, среди которых царил, разлившись невероятной рекой звездного огня, Млечный Путь, испятнанный призрачными островками туманностей.

…Внезапно прямо среди звезд на чернильном фоне космоса возникло четкое прямоугольное пятно света. Открывшаяся в стене дверь и упавший из нее свет сразу же нарушили целостность картины, сломали наваждение, рассеяв иллюзию присутствия.

Кейн убрал руку, закрывавшую светящиеся кнопки на подлокотнике кресла, и стены тут же потемнели, теряя прозрачность; в комнате зажегся свет, и он увидел Николая, который уже вышел из ванной и теперь стоял спиной к нему у небольшой барной стойки, одной рукой передвигая стоящие на ней бутылки, а другой энергично растирая полотенцем свои влажные волосы.

– Я слушаю, – произнес он, оборачиваясь к своему неожиданному визитеру.

Несколько секунд они бесцеремонно разглядывали друг друга: Николай – с настороженным вниманием, а его неожиданный гость – с долей здорового юмора, по крайней мере, лукавые искорки в его глазах свидетельствовали именно о таком отношении к полуголому хозяину квартиры, застывшему, словно экспонат анатомического музея, в напряженной позе и с явным замешательством во взгляде.

Николай действительно испытывал в этот момент некоторую раздраженную растерянность. За полтора года, что он провел в поясе астероидов на станции рудодобывающей компании «Алтекс», этот служитель церкви оказался первым неожиданным посетителем. Да и выглядел он, мягко сказать, странновато…

Одежда незваного гостя больше всего смахивала на одеяния пилигримов древней Земли. Николай видел их не только на картинках в старых книгах. На Дансии, где он родился и вырос, процветали

представители разных конфессий. Серая хламида с широким капюшоном была схвачена на поясе куском бечевы или ее хорошей имитацией – в полумраке комнаты было трудно определить, какие детали одежды натуральны, а какие являются лишь бутафорией. Шею и грудь незнакомца украшала изящная золотая цепь с кулоном, представлявшим собой крест с распятым на нем человеком, который опирался на крохотный глобус какой-то планеты с выгравированными на нем очертаниями океанов и материков.

Еще более странным казалось распластавшееся у его ног существо, которое поначалу вызвало у Николая обыкновенное отвращение.

– Что вам от меня нужно? – повторил он свой вопрос, когда молчать, по его мнению, стало неприлично.

Незнакомец удостоил его долгим, внимательным взглядом серых глаз и откинул капюшон своего одеяния, позволив гриве седых волос рассыпаться по плечам.

– Меня зовут Патрик Кейн, – вторично представился он. – Я – настоятель одного из монастырей Ордена Святой Земли, расположенного на планете Эридан.

Николай только хмыкнул, отойдя к стойке. Бросив влажное полотенце на гладкую пластиковую столешницу, он включил энергию в кухонном агрегате и поставил разогреваться кофейник с остатками позавчерашнего кофе.

– И что дальше? – осведомился он, повернувшись к священнику.

– Дальше нам предстоит трудный и, вполне вероятно, долгий разговор, так что я подожду, пока вы сварите кофе.

Николай пожал плечами и отвернулся. Его покоробил самоуверенный тон священника, но в то же время он был заинтригован.

– Судя по тому, что я не встречал вас раньше, вы, святой отец, только прибыли на станцию? – спросил он, доставая пластиковые чашки.

– Откуда вам известна такая форма обращения? – в свою очередь, удивился Кейн. – В наше время мало кто разбирается в церковной терминологии…

– Мне посчастливилось много читать, – сдержанно пояснил Николай, разливая кофе. – В основном это были старые книги. К тому же в мире, где я родился, у меня был друг. Католический священник.

– А… понятно. Вероятно, книги, про которые вы упомянули, – это тома из старой библиотеки форта Стеллар, которые за определенную мзду доставляли вам надзиратели?.. – невинно предположил он, внимательно наблюдая за реакцией Николая. – После чудесного спасения с Хабора вы ведь провели несколько месяцев в тюрьме, если я не ошибаюсь, конечно?

Николай повернулся. Чашка в его руке чуть дрогнула, выдавая внутренний взрыв чувств.

– Возможно. – Он поставил кофе на усеянный кнопками подлокотник кресла, а сам со своей чашкой отошел к виртуальному окну, которое автоматически осветилось при его приближении. На иллюзорной «улице» было сумрачно, там горели мутные желтые фонари и шел дождь. – Говорите, что вам от меня нужно, или убирайтесь вон! – внезапно сказал Николай.

Патрик Кейн сокрушенно покачал головой, глядя на усиливающийся дождь, который вдруг не на шутку разбушевался за псевдоокном. Далеко, в глуби виртуального пространства, сверкнула бледно-голубая вспышка молнии, на миг высветив черные остовы зданий.

– Николай, вы знаете, что нехитрое устройство, которое управляет этим окном, снимает эмоциональный потенциал с ауры вашего биополя?

Николай неприязненно посмотрел на него, а потом ответил:

– Нет. К чему вы это сказали?

– Я преодолел не одну сотню световых лет, отделяющие Эридан от этой станции, чтобы иметь удовольствие вломиться к вам посреди ночи. И я не хотел бы, чтобы вы видели во мне оппонента.

– Тогда не тяните волынку, святой отец.

– Хорошо. – Кейн отхлебнул кофе и едва заметно поморщился. – Два года назад вы служили в армии, верно?

Вопрос был чисто риторическим, и ответом на него послужило ледяное молчание.

– Прекрасно. – Казалось, священника нисколько не обескуражила враждебность Николая. – Вы служили в миротворческих силах, и ваше подразделение несло гарнизонную службу на планете Хабор, я правильно излагаю? – Он поднял глаза от чашки с дурно пахнущим напитком и вновь испытующе посмотрел на Николая, как будто сомневался, стоит ли продолжать дальше.

Николай закурил, облокотившись о стойку и глядя за окно, где продолжал бесноваться ветер, шурша по виртуальной мостовой вчерашним мусором. Пальцы его левой руки непроизвольно сжимались в кулак, словно он качал руку резиновым мячиком… Или мысленно мял теплую пористую поверхность пистолетной рукояти…

Наступившую паузу нарушил Кейн:

– Вы сильный человек, Николай. Вы сумели пройти больше сотни километров, оставшись совершенно один, но вместо фактории, куда вы стремились после ночного нападения на колонну, нашли одни руины… –

Он говорил так, словно задумчиво повествовал о человеке постороннем, не присутствующем здесь. – К тому моменту вы уже были инфицированы как минимум двумя местными болезнями. И тем не менее вы решились идти дальше, к основной базе гарнизона.

– Что вам за дело до этого, святой отец? – глухо спросил Николай, уже с трудом сдерживая подкативший к горлу гнев. Какого дьявола этот шут в сутане издевается над ним, вороша в памяти самые болезненные воспоминания?! – И откуда вы так хорошо осведомлены?

– Я был на Хаборе почти что сразу после вас, Николай, – не стал лукавить Кейн. – Более того, я искал именно вас, но, к сожалению, опоздал. Инсекты из северного поселения рассказали мне, как подобрали вас полумертвого, два месяца ухаживали за вами, пока поблизости случайно не сел некий туристический корабль, чья команда и пассажиры не знали о творящихся в Галактике событиях…

– Я, между прочим, тоже не знал о них, – с горечью произнес Николай.

– Мне ведома ваша горечь. Но речь не о политике. Ведь инсекты кое-что сделали для вас, верно?

– Они вылечили меня.

– А еще?

– Какое вам дело? – Николай опять напрягся, с трудом сдерживая в себе эмоции. Эта игра в вопрос – ответ начинала раздражать его. Он устал после двухсуточной смены в астероидных шахтах, ну а копаться в собственном недавнем прошлом не имел вообще никакого желания.

– Дело в том, Николай, что ухаживавший за вами инсект – его, кажется, звали Хргушт – многое мне рассказал.

Николай, погруженный в свои мысли, равнодушно смотрел в окно, измяв в пальцах очередную, так и не прикуренную сигарету.

– Святой отец, – негромко произнес он, по-прежнему глядя в окно, – вам не кажется, что наш разговор чем-то смахивает на фарс?

– Отчего? – заинтересованно встрепенулся Кейн.

Николай усмехнулся, прикуривая.

– Вы врываетесь ко мне посреди ночи, ведете себя так, словно мы с вами знакомы уже не один десяток лет, будоражите самые больные участки моей памяти и совершенно не опасаетесь последствий… – Николай повернулся и неласково посмотрел на монаха. – Простите, но либо вы дурак, либо все это отрепетировано заранее…

Кейн сокрушенно покачал головой, а Николай внезапно сделал шаг из-за стойки к креслу и внятно произнес, склонившись почти к самому уху

священника:

– Либо снимите свою рясу и выкладывайте все козыри, что рассованы у вас по рукавам, либо убирайтесь отсюда. За моими плечами слишком много лжи, чтобы я мог вот так, ни с того ни с сего, довериться первому встречному…

Патрик Кейн застыл с чашкой холодного эрзац-кофе в руке.

Ксеноморф, что апатично сидел подле его ног, внезапно напрягся, вытянув обе свои шеи в угрожающей стойке, и протяжно зашипел, роняя на пол тягучую слюну.

Кейн резко натянул цепочку, осаживая его.

– Хорошо, Николай. – Он медленно опустил руку, аккуратно, чтобы не расплескать кофе, поставил чашку на подлокотник кресла и ответил: – Вы ошиблись в своей оценке, я вовсе не дурак, а наша встреча – отнюдь не фарс. Но за дверьми вашей каюты у меня нет никакой группы поддержки, – поспешно заверил Кейн, ощутив, как напряглись мышцы Николая, а его пальцы, впившиеся в подлокотник, побелели от напряжения.

Его слова если и успокоили Лоури, то ненамного. Он вернулся назад за стойку, щелчком выбил очередную сигарету из мятой полупустой пачки и, прикурив, сказал:

– Я жду ответа. Хватит крутить, задавая мне наводящие вопросы. Зачем вы разыскивали меня?

– Для понимания всего случившегося сегодня, – внезапно начал Кейн, помешивая ложечкой остывший кофе, – вы должны знать, что представляет собой планета Эридан и, в частности, сеть ее монастырей…

Николай покосился на многоногую тварь. Та вроде бы успокоилась и уже не натягивала цепочку. Две ее треугольные головы сплелись шеями и медленно раскачивались в такт словам…

– Сеть монастырей Эридана – это свой особый мир, на первый взгляд не имеющий ничего общего с остальной цивилизацией планеты, – тем временем продолжал Кейн. – Мы живем по выработанным веками законам и неподвластны ни одному правительству. В конце концов, вот это, – Кейн оттопырил рукав своей серой одежды, – лишь дань прошлому, а на самом деле в нас не осталось почти ничего от старой религии прошлых тысячелетий. Конечно, в Галактике есть исключения, и на многих планетах процветают разнообразные, зачастую догматичные религиозные культы, в основном ориентированные на христианство древней Земли. Но на Эридане все обстоит иначе. – Он на секунду задумался, подбирая формулировку. – Мы, если можно так выразиться, решили реализовать на современном технологическом уровне основной исторический смысл

существования монастырей. Издревле, еще на заре становления человечества, на планете Земля, когда люди только начинали свой исторический путь и были разобщены, малочисленны, подвержены истребительным войнам, эпидемиям болезней, собственному невежеству и прочее, монастыри, или, проще сказать, отдельные укрепленные поселения более или менее образованных людей, являлись хранилищами знаний, убежищем, где могли реализовать себя и укрыться от невзгод мира различные одаренные личности. Иногда, в особо мрачные периоды развития цивилизации, именно благодаря монастырям знания сохранялись и переходили из века в век, от поколения к поколению…

Он отпил глоток кофе и продолжил:

– Так вот, несколько веков назад группа адептов Ордена Святой Земли заложила на Эридане первый монастырь. Их цель была воистину одиозна – попытаться собрать и проанализировать ВСЮ накопленную человечеством информацию, с тем чтобы не просто сохранить ее для потомков, а и использовать во благо ныне живущих поколений. – Кейн, не скрывая охватившего его волнения, машинально сплел пальцы рук. – Представьте, этот замысел удался, и теперь мы, я имею в виду сегодняшнюю общину на Эридане, мы имеем в своем распоряжении девять информационно-вычислительных центров небывалой мощности, скрытых в недрах планеты. Наши специалисты разработали специальные аналитические программы покаскадной обработки информации, ее обобщения и анализа…

Николай продолжал слушать, но его угрюмое лицо оставалось равнодушным, не воспринимая восторга Кейна. Мысли Лоури витали где-то далеко…

– К нам со всех концов Галактики стекаются люди, – продолжал Кейн. – Мы не торгуем информацией, хотя покупаем ее где только возможно. Существует даже несколько долгосрочных программ картографии неисследованных секторов пространства с целью поиска пригодных для жизни планет, так сказать заначка на будущее… Те, кто прилетает к нам, либо привозят какие-то сведения, либо просят поделиться с ними имеющимися в нашем распоряжении знаниями. Некоторые получают помощь, иные – нет, все зависит от самого человека и его конечных целей.

– И каким образом я сообразуюсь с вашей глобальной информационной системой? – спросил Николай. – Что такого интересного во мне или моей судьбе, чтобы вы вдруг начали отслеживать ее?

Кейн заинтересованно вскинул глаза. Его удивила та проницательность, с которой Николай ударил в самую точку.

Лукавить он не решился.

– Я же сознался вам, Николай, что инсекты поделились со мной информацией. Я знаю, что они сделали с вами. Скажите, это было очень болезненно?

Ждал того Кейн или нет, но Николай не взорвался.

– Физически это не больно, – ответил он. – Они ведь телепаты. Мне просто открыли глаза на скрытую информацию, которую раньше меня заставили забыть.

– С вашей точки зрения, те психологи, что возвели в вашем сознании искусственные блоки, были не правы?

– Святой отец, ложь во спасение – это один из приемов вашей церкви, ведь так? Если бы я помнил, как они предали моего отца, мать, как погубили их своим бездействием, разве бы я стал жить на иждивении армии? Разве бы пошел служить в Совет Безопасности? И разве был бы предан вторично там, на Хаборе?

– Вы знакомы с теорией относительности, Николай? – спросил Кейн, оттаскивая своего ксеноморфного питомца от боковины кресла, которую тот попытался драть, выпустив свои острые кривые когти.

– В общих чертах.

– Тогда вы должны понять, что на вопрос можно смотреть с разных точек зрения. И каждый раз рассмотрение одного и того же факта может привести к несхожим результатам.

– О чем вы?

– О том, что на самом деле военные не виновны ни в гибели ваших родителей, ни в развале Конфедерации Солнц и Совета Безопасности Миров, ни в том, что налет ганианского отребья на Хабор совпал по времени с моментом краха галактических силовых структур. Вы воспринимаете все через призму личной драмы и получаете искаженное представление о вещах.

– А вам известна истина, святой отец?

– Мне известна не истина, Николай. Просто я могу позволить себе быть беспристрастным в оценках тех или иных событий.

– Ну и как все это выглядит в вашем свете? – угрюмо спросил Николай.

На несколько секунд в сумерках комнаты повисла тяжелая, гнетущая тишина. Ветер за окном, похоже, утих, приближался рассвет, но дождь продолжал идти, падая на землю сплошной стеной.

Кейн на секунду задумался. Затем встал, взял свой кейс и спросил, подойдя к кухонному агрегату:

– Вы позволите?

Николай, пожав плечами, кивнул. Священник открыл кейс и извлек оттуда пузатую бутылку и несколько пластиковых флакончиков. Включив энергию агрегата, он подождал несколько секунд, пока раскалялась наружная плита, поставил на нее взятый из ниши внутри стойки небольшой кофейник и, вылив в него содержимое бутылки, начал добавлять в разогревающуюся жидкость ингредиенты из флаконов.

Ксеноморф, покорно приволочившийся вслед за ним за стойку, вдруг ожил, вытянув обе шеи. Складывалось впечатление, что ему знаком тот терпкий запах, что исходил от кофейника, жидкость в котором уже начала понемногу пузыриться.

– Дело в том, Николай, что я заочно знал вашего отца…

При этих словах Лоури вздрогнул и напрягся.

– Нет, к сожалению, он не был моим другом, – помешивая варево, произнес Кейн. – Мы познакомились с ним в виртуальной среде, где он оставил несколько сообщений незадолго до его последней, роковой экспедиции в Рукав Пустоты. Он и ваша мама специально прилетали на Эридан, чтобы оставить в информационных хранилищах нашего монастыря важные сведения. Вы знали, чем занимался ваш отец, Николай?

– Очень смутно. Мне тогда было всего четыре года. Но я читал его последнюю статью и понимаю, что он искал так называемую третью расу…

– Да, это так. Но он не просто искал, он нашел ее. Нашел, вычислил эмпирическим путем, и его последний полет в Рукав Пустоты был призван либо подтвердить, либо опровергнуть его догадки.

При этих словах Николай побледнел.

– Выходит, отец не подозревал об опасности? – с трудом владея своими чувствами, спросил он. – Иначе почему он взял с собой меня и маму?!

Кейн сокрушенно покачал головой.

– Все не так просто, Николай… Не так просто, – повторил он, снимая дымящийся кофейник. – Опасность была, и немалая, иначе он бы не стал оставлять копии своих выкладок в базах данных наших информационных хранилищ, завещая вскрыть запечатанный им сейф в назначенный срок при условии, что он не вернется.

– Тогда почему он подверг такому риску меня и маму?

– Дело в специфике данного полета, – ответил Кейн. – Туда, куда стремился ваш отец, невозможно попасть через гиперпространство. Туда можно долететь, только двигаясь в обычной трехмерной метрике, где

действует физика световых скоростей.

– То есть полет занял много лет? Мы спали?

– Да. Словно летели на древнем корабле с околосветовой скоростью. Ваш отец рассчитывал на двадцать лет сна как минимум. Теперь понятно, почему он не решился оставить вас одних?

– Да, – упавшим голосом ответил Николай.

Он смотрел в окно, где начинал брезжить рассвет, а перед глазами вставали обрывки страшных детских воспоминаний.

Стоило напрячься, дать волю своей памяти, и он действительно начинал смутно припоминать, как мать укладывает его в странную, с точки зрения ребенка, кроватку… Он даже вспомнил, как испугался, когда прозрачный колпак над ним стал медленно опускаться, а из множества отверстий криогенной камеры ударили молочно-белые струйки остро пахнущего медикаментами газа.

– Да… я помню, – едва слышно прошептал он.

– Теперь на очереди возникает вопрос: откуда в ваших травматических воспоминаниях взялся второй космический корабль, верно?

Николая ударила короткая дрожь.

Действительно, откуда? Ведь воспоминания, специально или случайно пробужденные в нем инсектами, ясно несли в себе образ огромного космического корабля, величественно проплывавшего мимо них и палившего в космос из всех орудий. Но он так и не ответил на отчаянный призыв о помощи, который был послан с их исследовательского судна, гибнущего в черном водовороте.

– Это был человеческий корабль, Николай?

Теперь он вспомнил, что психологи на военной базе упрямо задавали ему тот же самый вопрос.

– Да, – не колеблясь, ответил он.

– Почему такая уверенность?

– На его борту были буквы… Большие буквы, и я читал их!.. Вот только не помню какие… Вроде бы «А»… и, наверное, еще «Н»… Не помню. – Он поморщился, будто от внезапного приступа головной боли.

– Это не мог быть корабль военно-космических сил Конфедерации. Факт исчезновения патрульного крейсера Центральных Миров сам по себе явился бы событием, которое нельзя замолчать, – осторожно заметил Кейн. – К тому же следовать за вами в досветовом режиме не стал бы ни один здравомыслящий капитан. Кому позволят потерять двадцать лет реального времени? А попасть в ту область, куда стремился ваш отец, иным

путем невозможно. Об этом свидетельствуют не домыслы, а выведенные им математические уравнения.

– Возможно, нам следует сложить наши знания? – внезапно предположил Николай.

Кейн не стал скрывать своего удовлетворения.

– Это именно то, на что я втайне надеялся, когда летел сюда, – признался он. – Жаль, что я опоздал со своим прибытием на Хабор… Возможно, это дало бы шанс избежать многих неприятностей лично вам, Николай…

Лоури не ответил. Для него достаточно было вспомнить свои чувства, которые обуяли его тогда, на Хаборе, и он подумал, что присутствие Кейна вряд ли бы что-то изменило радикальным образом.

Он действительно пережил страшный шок на этой планете, отданной во владение инсектам.

Теперь он понимал: если в области, где погиб принадлежавший его родителям корабль, физически не мог находиться крейсер Совета Безопасности, значит, все его обвинения, вся ненависть были беспочвенны. Кейн был прав, нравилось то Николаю или нет. Стоило взглянуть на события с иной точки зрения, чтобы понять – оставь военные психологи ему в наследство ту страшную травматическую память, еще неизвестно, сидел бы он сейчас здесь?.. Скорее всего, нет. Даже спустя двадцать лет после возвращения, когда неосторожное мнемоническое прикосновение инсекта вернуло эти страшные воспоминания, сорвав пороги забвения, он натворил достаточно бед, чтобы провести несколько месяцев за решеткой в форте Стеллар…

Как просты и в то же время горьки становятся определенные события, когда есть возможность взглянуть на них трезво… без пелены предвзятой ненависти…

Ганианские пираты, напавшие на их базу и разгромившие конвой на Хаборе, явно знали о развале Конфедерации Солнц и замораживании всех космических сил Патруля, а он не знал. Обретя ту травматическую память детства, которую вернуло в момент лечения неосторожное телепатическое прикосновение инсекта, он решил, что его опять бросили, предали…

Нет, все объяснялось гораздо проще. Теперь Николай не мог не признать, что в тот момент многие отловили свою «рыбку» в мутной воде галактических потрясений, а оборудование климатических станций вкупе с арсеналами военной базы Патруля стоило того, чтобы кто-то, владеющий информацией, совершил такой кровавый и молниеносный рейд…

Ему просто посчастливилось выжить… А он, вернувшись, пытался,

дурак, прорваться в штаб уже не существующего флота Конфедерации, чтобы набить кому-то морду… Потом, отсидев до окончательного выяснения всех обстоятельств несколько месяцев в подземных казематах Стеллара, он сам, по сути, приговорил себя к этим проклятым богом и людьми рудникам, расположенным на самом краю обитаемых миров… Целая цепь роковых ошибок, жизненных промахов, основанных на ложных чувствах… Неудивительно, что Кейну потребовалось столько времени, чтобы найти его…

Многое, очень многое переворачивалось в эти минуты в душе Николая, бередило, болело, с трудом находя свои новые места на полочках сознания…

Пока он предавался этим мучительным размышлениям, Кейн терпеливо ждал. Приготовленный напиток он разлил по двум кружкам и одному блюдцу, которое поставил на пол перед ксеноморфом. Тот с жадностью набросился на угощение, и Николай, погрузившись в размышления, освободил себя от весьма неприятного зрелища.

…Очнувшись, Николай понял, что священник терпеливо ждет продолжения их беседы. Вернувшись в кресло, он маленькими глотками пил сваренный им же напиток.

– Попробуйте, это называется «глинтвейн». Один из божественных, но, к сожалению, забытых напитков древности.

– Извините, я задумался… – Николай взял оставленную на стойке кружку и сел в кресло напротив. – Что вы хотели услышать от меня? – спросил он, делая осторожный глоток.

Напиток действительно оказался неподражаемым. На фоне пряного вкуса дорогого выдержанного вина в нем сочетался целый букет других вкусовых оттенков, а температура напитка делала эти ощущения еще более глубокими и экзотическими.

– Я готов первым объясниться до конца, – предложил Кейн.

– Я слушаю. – Николай заметил, как Кейн украдкой бросил взгляд на оставленную им на стойке почти пустую уже пачку сигарет и с улыбкой протянул ему другую, непочатую.

Священник смущенно кивнул.

– Все мы грешны, – развел руками он, с наслаждением прикуривая.

– Итак, приблизительно пятьдесят лет назад на Эридане появился ваш отец. Он оставил на хранение в монастыре некую важную информацию, а также небольшой запечатанный контейнер. И то и другое разрешалось вскрыть и использовать по своему усмотрению членам нашего ордена, но не ранее чем через тридцать лет с момента сдачи на хранение…

– Погодите! – Николай поперхнулся. – Пятьдесят лет назад?!

– Да. Я тогда еще только родился. Вы старше меня, Николай, такова злая ирония криогенного сна. Знаете, наши предки, путешествовавшие на космических кораблях с фотонным приводом, были исключительно мужественными и самоотверженными людьми…

– Да, я понимаю… продолжайте.

Кейн глубоко затянулся.

– У нас хранится очень много всяческой информации. Зачастую она может показаться недостоверной, выдуманной, знаете ли, всякие бредни, полтергейст, духи… Но мы храним все, что попадает в наши центры, и периодически систематизируем, пытаемся как-то обработать массивы копящихся данных, и иногда это приводит к самым неожиданным результатам. Материалы, оставленные вашим отцом, лежали положенный срок, а когда он не вернулся, информационный пакет был вскрыт. Там оказалась достаточно спорная теория относительно существования в Рукаве Пустоты некоего искривления пространства, которое скрывает за своей вуалью целое звездное скопление. Ваш отец основывал данное предположение на собранных им свидетельствах случайного проникновения космических кораблей в данную завуалированную область. Основу его умозаключений составляло то, что все собранные им и достаточно сомнительные по отдельности факты имели одну схожую деталь: корабли, о которых шла речь, двигались в момент проникновения в данную таинственную область исключительно в трехмерном космосе.

Теория была изложена вашим отцом достаточно пространно, но, мягко говоря, беспочвенно. Возможность наличия мощной кривизны пространства, которое суть есть искажающее оптические волны гравитационное поле, доказывалась им с помощью математики, но, несмотря на это, информация была отнесена нашими служителями в категорию «третьей силы». Так называется банк данных, где скапливаются различные свидетельства о сверхъестественных и необъяснимых явлениях. Чаще всего это параноидальные видения, фантастические стечения обстоятельств, ну и тому подобная чушь, которая веками остается невостребованной… Но этот раздел тщательно хранится и периодически обрабатывается в надежде выявить среди кучи плевел блеск золотых зерен истины. – Он вновь вскинул голову и посмотрел на Николая. – Вы ведь понимаете меня?

Николай кивнул. Все, что рассказывал Кейн, было вполне логично…

– Два года назад, в то время когда вы еще отбывали свое заключение на спутнике Рори, в древней крепости, известной под названием «форт

Стеллар», произошел окончательный крах той системы, которую было принято называть Конфедерацией Солнц, и многие информационные архивы, в том числе и архивы военно-космических сил, были распроданы несколькими ушлыми дельцами. Часть из них попала к нам, и после очередной цикличной обработки данных наши машины выдали ряд любопытнейших совпадений. Оказалось, что ваш отец действительно нашел доказательства своей теории, но единственным свидетелем его трагического триумфа был ребенок, подобранный в разгерметизированной спасательной капсуле, где около работающей криогенной камеры нашли и тела ваших родителей.

– Материалы моего «детского» допроса тоже попали к вам? – нахмурясь, спросил Николай.

– Да, – подтвердил Кейн.

– Я могу ознакомиться с ними?

– Безусловно, – ответил священник, доставая из кейса, который постоянно держал при себе, пачку обыкновенных распечаток. – Вот полюбуйтесь, – произнес он, протягивая Николаю старые протоколы, снабженные грифом «секретно».

Николай взял распечатки.

…

ВКС Дансии. Секретно.

Протокол мыслесканирования.

Пациент: Лоури Николай Генрихович.

Пальцы, державшие лист, вдруг предательски задрожали…

Провода… Они были повсюду. Тянулись к его бритой наголо, смоченной каким-то резко пахнущим раствором голове, вонзались в виски тысячью иголочек… тянулись к окружающим его компьютерным терминалам черными глянцевитыми жгутами…

– Ну, милый, не дергайся, не бойся!.. Да я не сделаю тебе больно!.. Вот так… хорошо… А теперь постарайся сосредоточиться, вспомни, что ты видел. Не волнуйся… Только не волнуйся… Расслабься… Хорошо…

Свет.

Ослепительная, режущая глаз вспышка, феерическое море огней…

– Мама, а кто там раскидал эти искорки?

– Это звезды, сынок.

– А что они делают?

– Просто висят, милый. Не отвлекай нас с папой, ладно?

Скучно… День за днем скука. Тесные комнаты. Дрожь в тонких стенах-переборках. Запах нагретого металла и гудящих механизмов.

– Лана, посмотри, позади нас одна чернота! Это даже не Рукав Пустоты, мы пересекли барьер! Теперь я уверен – данного скопления нет ни на одной звездной карте!..

Отец – высокий, с черной курчавящейся бородой – встает из-за пульта. Он явно чем-то встревожен. Направляясь к Николаю, он то и дело оглядывается на экран, где картину собранных в плотное сияющее пятно звезд заслоняет какая-то чернота, словно в космосе перед кораблем быстро-быстро вращается абсолютно черная воронка неимоверных размеров. Она даже чернее самого космоса, и кажется, что у нее нет дна…

– Генрих, корабль! Смотри, это корабль! Господи, наверное, это крейсер военных! Они спасут нас, боже, Генрих, неужели мы выберемся отсюда?!

Отец останавливается, оборачивается к матери, которая сидит за пультом, бледная как смерть. На обзорных экранах медленно проползает исполинский корпус космического корабля. На его броне быстро поворачиваются какие-то вздутия, и с них часто-часто срывается огонь. Он бьет в черную воронку, но маленькие бледные вспышки бессильно тонут в этой черноте…

– Попробуй связаться с ним! Попытайся! Я отнесу Ника в спасательную капсулу и вернусь!

Ему страшно. Отец несет его по узким ярко освещенным коридорам, а он изо всех сил прижимается к его груди, вдыхая отцовский запах, и от этого на душе становится тоскливо и неспокойно…

– Папа, что с нами будет?

– Не волнуйся, Коля… Все будет хорошо… Мы с мамой справимся. Ты ведь не боишься? Сейчас я включу твою камеру, и ты просто уснешь… Договорились, сынок?

Мрак…

Огромная светящаяся спираль вкручивается в маленький испуганный мозг, разгоняет мысли, стирает сознание, и наступает мрак…

Не сон, не смерть, а нечто между ними…

…

Николай с трудом заставил себя перевернуть последний лист протокола.

Его трясло.

Пальцы дрожали, пока он прикуривал сигарету.

– Теперь моя очередь? – спросил он, хмуро посмотрев на Кейна. – Только боюсь, святой отец, мне в ответ нечем удивить вас. Я помню многое, но что стоят отрывочные воспоминания ребенка? Там больше

эмоций, чем информации.

Кейн внимательно посмотрел на него, потом вдруг одним глотком допил свой глинтвейн и протянул руку, разжав ладонь.

На ней лежал обычный компьютерный видеокристалл, предназначенный для голографической записи информации.

– Что это? – по инерции осведомился Николай.

Кейн откашлялся.

– Я бы хотел, чтобы вы согласились на маленький эксперимент.

– Именно?

– У меня тут припасено одно устройство… Оно могло бы перевести ваши воспоминания в видеообразы… Мне бы хотелось проанализировать то звездное скопление, если не возражаете. – Кейн кивнул в сторону компьютерного терминала, где пустовало несколько подходящих по размеру гнезд.

Николай нехотя протянул руку, взял кристалл, попутно отметив, что ладонь посетителя вспотела. Очевидно, тот держал кристалл в кулаке с самого начала их странной беседы.

Подойдя к терминалу, он коснулся пальцем сенсорной кнопки. Гнездо, оправленное в черный глянцевитый пластик, открылось наподобие бутона, издав при этом легкий ноющий звук. Николай вставил кристалл в гнездо, несколько секунд помедлил, а потом просто слегка подтолкнул его внутрь терминала. Снова раздался ноющий звук, и пластиковый цветок сомкнул лепестки, унося с собой добычу. Этот аппарат всегда напоминал Лоури одно из хищных растений Хабора…

Из проецирующего устройства вырвался тонкий лазерный луч, распался веером, прошелся по определенному объему пустоты в центре комнаты, словно сгущая там воздух, а затем погас, так же внезапно, как и появился, оставив после себя мутную полупрозрачную сферу диаметром в метр. Свойства молекул воздуха внутри этого объема действительно были изменены, и новый пучок лучей, вырвавшись из воспроизводящего устройства терминала, внезапно разогнал муть, сделав проекционную сферу прозрачной и… черной как ночь.

– Что теперь? – спросил Николай, убедившись, что кристалл действительно пуст.

– Осмелюсь предложить «терновый венец», – произнес Кейн, порывшись в своем воистину бездонном кейсе. Очевидно, он основательно готовился к данной встрече и как минимум не сомневался в ее результате…

«Терновым венцом» называли портативную модель мыслесканера – устройства, изобретенного почти тысячу лет назад, в период Первой

Галактической войны, неким Джедианом Ланге и впоследствии объявленного вне закона на большинстве цивилизованных миров.

Удивительно, как он ухитрился протащить его на борт станции? – с оттенком неприязни подумал Николай, но все же, немного поколебавшись, протянул руку. Что ж теперь, раз разговор зашел так далеко? Это ничуть не хуже, чем его навязчивые галлюцинации по ночам… Чем ловить за хвост ускользающие видения прошлого, нечаянно разбуженные в его памяти престарелым инсектом, не легче ли действительно один раз записать их?

В конце концов, от этого не умирают.

От тонкого плоского обруча, больше похожего на жесткую, согнутую кольцом ленту, по внутренней поверхности которой бежали тысячи едва различимых глазом нейросенсорных «шипов», тянулся метровый жгут интерфейса, оканчивающийся тривиальным компьютерным разъемом.

Николай воткнул его в терминал, надел «венец» себе на голову, подождал, пока уляжется неприятное покалывание в висках, и, не закрывая глаз, попытался восстановить ту картинку, которую память четырехлетнего мальчика выхватила с обзорных экранов их космического корабля.

Несколько минут все было напрасно – голографическая проекционная сфера по-прежнему оставалась черной как ночь.

И вдруг…

Николая словно прошибло током, когда в черноте внезапно начали загораться холодные немигающие точки.

Звезды проступали в трехмерном континууме, набирая яркость, складываясь в четкий рисунок… Николай, который, не закрывая глаз, напряженно следил за работой лазерного проектора, понял, что видит перед собой кусок увеличенного звездного неба, причем это оказался знакомый ему фрагмент…

Сердце непроизвольно дрогнуло в невольном нехорошем предчувствии.

Картина внутри голографической сферы вдруг начала укрупняться и поплыла навстречу наблюдателям. Скопление звезд, которое издали напоминало неправильной формы приплюснутый шарик с размазанными краями, теперь заполнило практически весь объем воспроизведения, но на этом увеличение не прекратилось. Еще несколько секунд поступательного движения, и стали различимы отдельные звезды. Наконец объемная картинка остановилась. Теперь в поле зрения было не более пяти или шести десятков полыхающих огнем горошин.

Индикатор записи на компьютерном терминале помаргивал в такт поступлению данных.

Это длилось, наверное, меньше минуты, потом изображение внезапно дрогнуло, смазалось…

– Лоури, что с вами?! – вскрикнул Кейн.

Николая согнуло пополам. Пока священник с благоговейным трепетом разглядывал проецировавшуюся в сфере карту, он беззвучно опустился на колени, кровь отлила от головы, сделав его лицо серее пепла, и лишь глаза лихорадочно блестели, устремленные в масштабированную бесконечность голографической звездной бездны, где среди серебристых пылинок плавало крохотное чернильное пятнышко размером не больше горошины…

Кейн успел сделать только один шаг, а на губах Николая внезапно выступила пена, и он, закатив глаза, со стуком рухнул набок, потеряв сознание.

* * *

– Вот, Николай, выпейте… – Кейн насильно приподнял его голову, вливая в рот прямо из кофейника горячий терпкий напиток, резко отдающий спиртным и травами.

Лоури сделал несколько судорожных глотков и бессильно откинулся на подушку.

– Что это было? – с усилием спросил он.

– Вам лучше знать, – покачал головой священник. – Вы вдруг побледнели и рухнули без сознания, как только спроецировалось изображение этого звездного скопления.

– Поздравляю, святой отец… – Николай закрыл глаза, и мучительная гримаса исказила черты его лица. – Ваша затея удалась… Это то самое скопление…

– Вы уверены, Николай?

– Абсолютно… Мои видения… Они преследуют меня на протяжении двух последних лет, не давая уснуть… – Он судорожно сглотнул. На лбу моментально выступили капельки пота, и Кейн заботливо отер их полотенцем. – Я вижу эти самые звезды и маленькое черное пятнышко между ними, словно этот сгусток темноты нечто большее чем мрак…

– Скверно… – Патрик осторожно снял с головы Николая тонкий усеянный шипами обруч. – Надеюсь, нам больше не придется прибегать к таким способам добычи информации… Извините, Николай…

– Да ладно, святой отец. – Он махнул рукой. – Проехали… Это было неприятно, но не смертельно… Надеюсь, запись получилась… – Николай налил себе воды, жадно, в несколько глотков, опустошил стакан и сел в кресло.

– Теперь дело за малым… – Кейн, волоча за собой упирающегося ксеноморфа, подошел к терминалу. – Вы позволите?

Николай кивнул.

– Святой отец…

Кейн обернулся.

– Да?

– Зачем вы таскаете на привязи эту тварь?

Кейн усмехнулся.

– Это не «тварь». Помните, я говорил, что ваш отец, кроме информации, оставил на хранение еще и вещественные свидетельства?

– Да, конечно…

– Так вот, в сейфе оказался кристалл. Странный такой, иссиня-черный кристалл, явно искусственный, пространственно симметричный, подозрительно смахивающий на наши кристаллы, которые мы используем для записи компьютерных программ.

– Носитель информации? – удивился Николай. – И что там было записано?

– В том и дело, что его не смогла прочитать ни одна машина. Он даже не подходит по форме гнезда… В сопроводительной записке указывалось, что это артефакт и он якобы приобретен вашим отцом у одного из капитанов, поведавших ему о своих фантастических злоключениях в некоей скрытой от посторонних глаз области пространства, расположенной где-то на краю Рукава Пустоты.

– Понимаю. – Николай уже почувствовал себя настолько лучше, что рискнул закурить. Пальцы все еще мелко дрожали, и огонек зажигалки плясал в его руке. – Но как этот кристалл сочетается с ним? – Он наконец прикурил и указал на ксеноморфа кончиком тлеющей сигареты. Тот в ответ попятился и зашипел, прячась за ногу Кейна.

– Когда данный кристалл попал ко мне, я не придал ему особого значения, – пояснил Кейн, одновременно вводя задание компьютерной системе. – У вас есть доступ в Интерстар? – поинтересовался он, на время отклоняясь от темы разговора.

– Да, безусловно, – ответил Николай. – Я редко пользуюсь сетью, так что там должно быть достаточно свободного лимита. Можете пользоваться.

– Благодарю. Так вот, некоторое время кристалл пылился у меня на столе среди прочих забавных вещиц, но однажды мне пришла в голову мысль: а что, если и вправду он является неким постоянным запоминающим устройством, сохранившимся от некоей древней машины? Я попытался поэкспериментировать с ним, но потом опять бросил, не

добившись ничего толкового. И только недавно, когда рассекреченные архивы военно-космических сил, по сути, подтвердили правоту вашего отца, мне пришлось заняться им всерьез, ведь логично было предположить, что если ваш отец оказался прав в одном, то и в другом он, наверное, прав тоже?

Николай кивнул.

– Игра стоила свеч, и я посадил за работу нескольких наших лучших специалистов по компьютерным технологиям, отдав им весь положенный мне лимит машинного времени Эридана.

– И что в итоге? – Николай вдруг понял, что крайне заинтригован.

– Они «раскололи» кристалл, – признался Кейн. – Не сразу и не полностью, но раскололи. В нем действительно хранились данные, но их кодировка и язык абсолютно не идентичны нашим. Никаких ключей к дешифровке, естественно, не было. В итоге получился огромный массив условных чисел, какая-то база данных, может, программы, а может, еще что-либо. – Кейн развел руками. – Но я уже достаточно сильно к тому моменту погряз в этой идее. – Он улыбнулся краешком губ. – Знаете, Николай, человеческое любопытство – великая движущая сила. Короче, я потратил еще несколько месяцев на бесплодные поиски. У нас на Эридане действительно созданы уникальные компьютерные мощности, а программы аналитической обработки информации тоже, к чести сказать, под стать им. Я пропускал полученные байты через все мыслимые каскады обработки, пока одна из машин внезапно не нашла аналогию: по мнению той системы, часть базы данных представляла собой генетический код.

– Ого… – Николай подался чуть вперед, не заметив, что пепел от сигареты падает на пол. – Генетический код? – переспросил он. – Чей?

– Его… – Кейн кивком указал на ксеноморфа, который разлегся на полу, забавляясь с полами его рясы, словно игривый котенок. – Я воспользовался расшифрованной структурой ДНК, которая была частью информации кристалла, и клонировал его.

– Удивительно…

– Да, это поразительное существо. Как-нибудь, Николай, я расскажу вам о его анатомии… Совершенно чуждая форма жизни, трудно даже представить, что за эволюция породила его.

– Он взрослый?

– Не знаю, – пожал плечами Кейн. – Я не знаю про него практически ничего и в то же время знаю очень многое. Парадокс… Думаю, он еще ребенок, ведь для получения взрослого клона нужно вносить изменения в генетический код. А я, естественно, этого не делал.

– А белок? Ткани?

– Белок схож с нашим, иначе я не смог бы его кормить. Но физиология отличается, хотя и не радикально… Подождите… Кажется, пришел ответ на запрос… – Кейн повернулся к терминалу.

Николай погасил окурок, глядя на странное существо.

Действительно чуждая форма жизни – такого уродливого, гибридного строения тела он не встречал нигде, даже в шоу уродцев на Омикроне-5… Интересно было бы узнать о нем побольше…

– Вот так… – Кейн сделал пасс над клавиатурой терминала и повернулся: – Николай, данного скопления нет ни в одном каталоге! Ваш отец был прав – оно скрыто!

– И что это значит? Может, я что-то неправильно воспроизвел в своей памяти?

– Я предвидел такую возможность и задал системе алгоритм поиска с пятидесятипроцентным совпадением. Но даже этого нет, Николай, понимаете?

Кейн был возбужден.

Николай посмотрел на него, потом на ксеноморфа, покачал головой, что-то обдумывая…

– Вы знаете, где нужно искать? – наконец спросил он.

Кейн кивнул.

– Ваш отец оставил нам данные того курса, которым он предполагал пересекать Рукав Пустоты.

– И вы всерьез верите, что такая скрытая область пространства существует?

– Все указывает на то. Посудите сами, вспомните, о чем писал ваш отец? О титанических усилиях двух цивилизаций, предпринятых ими в связи с угрозой полного уничтожения. Они пытались бороться с Предтечами, и следы той борьбы мы теперь видим повсюду… А вот третья раса, упоминания о которой очевидны, почему-то не оставила своих следов. По-моему, Генрих Лоури сделал единственно верный вывод – они попытались скрыться…

– Но почему они тогда просто не улетели? – переспросил Николай. – Создать источники гравитации, способные искривить, повернуть вспять свет от целого сонмища звезд, – это разве не сверхзадача?

– Не знаю, Николай… Я не знаю, какими технологиями они обладали, как мыслили… Но думаю, их было очень много… Представьте, если в этом шаровом скоплении ими было заселено хотя бы столько же миров, как и у нас. Как сорвать с насиженных мест население сотни планет? Где и как

разведать новую сотню пригодных к жизни миров? Да и к чему это приведет? Если сейчас поставить человечество перед фактом необходимости внезапной миграции в иные галактические пределы, разве это не станет концом для миллиардов? Нет, Николай, для высокоразвитой цивилизации такой шаг является чуть ли не гибельным. Гораздо меньшей задачей кажется любое техническое усилие в области маскировки, например…

– Думаете, от Предтеч возможно было укрыться?

– Они являлись животными… Имели свои инстинкты, надо полагать… Вероятно, свет звезды служил для них маяком, сигналом к тому, что в данном месте есть вещество, материя, которую можно поглотить. Недаром ведь инсекты пытались укрыться от них за искусственной оболочкой Сферы Дайсона, которая тоже перехватывает все излучение заключенного внутри нее светила…

– Логично, – согласился Николай. – Но все это предположения, домыслы. Их очень трудно проверить…

– Их необходимо проверить, – внезапно заявил Кейн настолько убежденно, будто был готов к такому повороту разговора заранее.

– Вам-то что за резон, святой отец? Вы же сами сказали: чтобы хоть попытаться проникнуть «туда, не знаю куда», человек должен пожертвовать всем – друзьями, родными, частью своей жизни…

– Да, в этом состоит трудность, Николай, – кивком подтвердил Кейн. – И это одна из причин, почему я здесь.

– Не понял? – Николай прищурился.

– Все просто. – Рука Кейна легла на правую голову ксеноморфа, накрыв ее своей морщинистой ладонью. – Я уже достаточно стар, а монашество даже в наш пагубный своими страстями век предполагает некий аскетизм. – Он улыбнулся краешком губ. – Не поймите превратно, но я уже давно одинок… Мой Орден не одобряет физических изысканий, догматы нашей веры ориентированы на дух, путь информационного, виртуального поиска. Вероятно, я не оправдал в этом смысле трудов своих учителей… Прежде чем решиться, я много и тягостно размышлял, но в конце концов решился и… покинул общину Эридана, чтобы найти истину… Я одинок, стар и свободен.

Николай только покачал головой, слушая откровение Кейна. Ему не совсем нравилось то, куда исподволь клонил святой отец.

– У вас были планы в отношении меня?

– Естественно, – не стал лгать Патрик. – Возможность лишний раз убедиться в правоте выводов вашего отца – это лишь частность, Николай, –

признался он. – На самом деле мне действительно нужны вы, молодой, энергичный, но так же, как и я, лишенный друзей, родственников и привязанностей, а главное – кровно заинтересованный в данной проблеме…

– Ну, допустим. – Николай не знал, как отнестись к этим словам Кейна. На миг он растерялся. – Нет, я все же хочу понять, что, кроме естественного любопытства, может служить мотивом? Чтобы идти на подобное предприятие, нужна цель, и, думаю, она должна быть адекватной… тем усилиям, риску, затратам, что предстоит понести…

– Конечно. Такая цель, несомненно, есть.

– Я бы хотел ее знать.

– Человечество, Николай.

– Да бросьте… Люди озабочены вовсе не историей вымерших рас.

– А кто сказал, что третья раса вымерла?

Слова, готовые сорваться с губ Николая, застыли. Он вздрогнул.

– Кто погубил корабль ваших родителей? – еще более усугубил его замешательство Кейн.

Да, действительно… кто?

Николай в эти минуты чувствовал странное, болезненное раздвоение. С одной стороны, все, что говорил Кейн, было справедливо, но с другой… Еще вчера он жил трудной, но по-своему устроенной жизнью, зарабатывал, со временем, вероятно, мог улететь отсюда, чтобы поселиться в одном из более благополучных миров, жениться наконец, создать семью…

А с другой – разве он не способен сделать этот безумный и одновременно закономерный шаг?

Разве сияющая россыпь звезд, скрытая от глаз всего сущего, не стоит того, чтобы взглянуть на нее? Разве его отец, одержимый этой идеей, погибший из-за нее, не достоин такой памяти?..

В эти минуты Николай меньше всего думал о человечестве. Он думал прежде всего о себе. О своей жизни и планах, будто взвешивал на незримых весах какие-то ценности…

Наверное, Кейн был хорошим психологом. Он уронил зерна сомнения в его душу и теперь терпеливо ждал их скорых всходов, машинально поглаживая своей морщинистой ладонью чешуйчатую кожу странного клонированного им существа.

Глядя на Николая, которого заочно знал уже два года, он не мог даже предполагать, сколь страшен окажется предложенный им этому молодому человеку путь и как далеко заведет он их по кривой чудовищной в своих масштабах гибели и столь же устрашающего возрождения чуждых миров…

Он просто ждал.

И как выяснилось – не напрасно.

– На чем мы полетим, святой отец? – глядя в туманную даль виртуального окна, внезапно спросил Николай, заставив вздрогнуть задумавшегося Кейна.

– Это действительно проблема, – признался он.

– Нет денег?

– Есть. Есть и деньги, и корабль, правда совсем небольшой, переоборудованный из старого военного транспорта, но вполне отвечающий целям разведки. Проблема в том, что Рукав Пустоты – область малоизученная, навигация там сложна, чревата многими опасностями, а в нужную точку пространства нам желательно попасть без затруднений и в досветовом режиме. Откровенно говоря, я долго ломал голову над этой стороной вопроса и не нашел приемлемого выхода…

– Досветовой режим… Это, вероятно, главная проблема?

– Да, сейчас подобным образом уже никто не летает.

– Ну почему же… – Николай на некоторое время задумался, а затем встал, подошел к терминалу и начал просматривать сообщения, которые приходили на его адрес в последний месяц.

– По-моему, я знаю, как решить эту задачу, – наконец сообщил он, останавливая просмотр. – Вот, полюбуйтесь.

Кейн посмотрел на монитор.

Да, воистину две головы лучше, чем одна!.. – подумал он, пробегая глазами по строкам рекламного предложения, которое уже несколько раз с завидной настойчивостью рассылалось хозяевами некоего космического корабля, вернее, целого дрейфующего рудодобывающего комплекса, которому нужен был экипаж.

– Я не совсем улавливаю смысл, Николай, – несколько раз прочтя сообщение, признался Кейн. Корабль был старым, огромным, он вполне отвечал всем их целям, начиная от досветового привода и заканчивая курсом. Судя по аннотации, его собирались запустить именно в Рукав Пустоты, но…

– Это старая фабрика по переработке астероидов, принадлежит компании «Алтекс», которая эксплуатирует сейчас естественный астероидный пояс системы Онтарио, – пояснил Николай. – Сейчас они ищут достаточное количество безумцев, которые согласятся лечь в криогенный сон, и собираются запустить этот комплекс в полет вдоль Рукава Пустоты. Сейчас больше нет ограничений на разработку в этом участке пространства, а там, говорят, множество блуждающих объектов,

достаточно богатых полезными ископаемыми. Принцип полета прост – это долгосрочный проект. Фабрика плюс базовый корабль составляют комплекс, который летит в досветовом режиме, производя автоматическую разведку. Попался на пути интересный объект – бортовой компьютер будит экипаж, объект утилизируется и – снова в путь.

– И как долго?

– Пока полностью не будут заполнены танки. Беспроигрышное дело, – презрительно пояснил Николай. – Комплекс уже отслужил свое и, по сути, не стоит ни гроша, учитывая, что тут астероиды практически уже обобраны до нитки. А так, рано или поздно, он вернется к хозяевам с полными емкостями.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок?

– Ну да… приблизительно.

– А зачем при таком полете нужен экипаж? – резонно поинтересовался Кейн. – Разве с этой задачей не могут справиться автоматы?

– Комплекс старый, оборудование морально устарело, далеко не все автоматизировано, да и в полете не исключены серьезные поломки. Без людей тут не обойдешься.

– Откуда вы так все подробно знаете, Николай?

– Я работаю на эту компанию. Ей принадлежит и эта станция, между прочим. Да и объявление крутится в рекламе не первый месяц. Дураков оказалось меньше, чем они рассчитывали. У них сейчас, по-моему, все еще недокомплект экипажа.

– А нам есть в этом смысл? – Кейн все еще осторожничал, взвешивая все «за» и «против». Стать членом экипажа какого-то подозрительного космического комплекса ему не хотелось, покупать же его, исключительно из-за досветового привода и способного управлять им бортового компьютера, – и того меньше.

Сомнения развеял Николай.

– Если наплевать на отсутствие пятизвездочных удобств, этот корабль нам вполне подходит, – со знанием дела пояснил он. – Я знаком с подобными машинами. Громадная, неповоротливая уродина, но надежная, как все, что было когда-то разработано в старых колониях. Я не говорю, что это именно то, что нужно, но, думаю, есть смысл поговорить с его хозяевами. В конце концов, нам ведь нужно пролететь сквозь Рукав Пустоты в досветовом режиме и придерживаться при этом определенного курса, ведь так?

– Ну да…

– В таком случае мы просто запаркуем ваш корабль в один из его ангаров и станем не членами экипажа, а спящими пассажирами… Мы ведь можем позволить себе оплатить такого рода прихоть? А он пусть себе собирает свою руду, лишь бы нас разбудили при достижении определенной точки пространства, верно?

Кейн пожевал губами и вдруг улыбнулся. Такая постановка вопроса действительно снимала если не все, то многие проблемы.

– А его хозяева согласятся с предложенным нами курсом? – забеспокоился Кейн.

– Думаю, они согласятся с предложенными им деньгами, – краешком губ усмехнулся Николай.

– Да, Николай, пожалуй, вы абсолютно правы!.. Все гениальное просто… Приятно убеждаться в справедливости древних истин!..

ГЛАВА 4.

Борт космического корабля «Антей». Главная рубка управления…

Когда Эллис вошла, ходовая рубка «Антея» тонула в полумраке.

Это помещение всегда казалось ей достаточно тесным из-за обилия электронных блоков, терминалов управления и прочего оборудования, которое ступенями поднималось вокруг каждого из кресел, очерчивая контуры отдельных рабочих мест.

Ее терминал располагался справа от командира.

Эллис, едва дыша, некоторое время простояла на пороге, вслушиваясь и всматриваясь в обстановку рубки.

Ничего предосудительного, вызывающего она не увидела: сигналы контрольных огней на ступенчатых приборных панелях складывались в понятные глазу геометрические узоры. Не все они, конечно, были приятны – большинство датчиков выдавали сигналы неблагополучного состояния тех систем, с которыми были связаны.

Размеры аварии угнетали. При первом взгляде на приборы казалось, что на борту не осталось ни единого узла, который бы не затронула катастрофа.

Затаив дыхание, Эллис боком прошла по узкому проходу между двух прозрачных переборок, куда должны были проецироваться текущие навигационные карты, села в свое кресло, чувствуя, что скафандр уже становится настоящей обузой, и положила руки на сенсорную раскладку управляющей клавиатуры, дубликат которой имелся на каждом из семи рабочих мест рубки управления.

У псевдоклавиш тут не было буквенных обозначений. На них были нанесены вполне понятные Эллис символы, так называемые текстоглифы. Каждый такой символ соответствовал той или иной последовательности команд, необходимость ввода которых чаще всего возникала в процессе управления кораблем. Таким образом можно было вручную всего несколькими касаниями нужных сенсоров задать достаточно сложный программный алгоритм, по которому станут работать те или иные исполнительные системы «Антея».

По-настоящему пользоваться данной раскладкой управляющих клавиш Эллис приходилось только в процессе общей предполетной подготовки. Обычно Мозг сам блестяще справлялся с общими проблемами

пилотажа, навигации и жизнеобеспечения. Он, без сомнения, работал и сейчас, но, несмотря на выполненную ею процедуру «холодного перезапуска», в сердце Эллис продолжал стыть самый настоящий страх перед своевольной машиной. Она не решалась вновь передоверить ему всю власть на корабле. Это было бы глупо, учитывая, сколько безответных вопросов скопилось у нее всего за час бодрствования.

Ну что ж, КИМ, давай пообщаемся…

Она коснулась нескольких клавиш, и те подсветились изнутри бледно-желтым светом, четче проявив нанесенный на них рисунок текстоглифов.

Передать все функции управления на терминал навигатора.

Включить системы локации и внешний обзор.

Вывести полный список повреждений и отчет о состоянии функционирующих систем.

Пока что она ограничилась этими тремя касаниями.

Взгляд Эллис был прикован к огромному обзорному экрану, занимающему всю переднюю стену рубки. Заработает или нет? Насколько сильно повреждена система локации «Антея»?

Ее напряженное ожидание длилось всего несколько секунд.

Внезапно темный экран, составленный из четырех десятков плотно пригнанных друг к другу метровых мониторов, осветился, и на нем проступила чернота, в которой щедрыми россыпями сияли звезды…

В первое мгновение Эллис показалось, что она сошла с ума и бредит наяву: такого плотного звездного скопления еще не приходилось наблюдать воочию ни одному человеку!..

Бог мой, куда же меня занесло?!. – метнулась в ее голове паническая мысль.

Включение экрана произвело ошеломляющий эффект – казалось, во все его центральные сектора кто-то выплеснул жидкий холодный звездный огонь, сотканный из мириад отдельных серебристых точек, которые были расположены так близко друг к другу, что создавали обманчивое впечатление единого целого.

Эти звезды находились еще достаточно далеко, а вот по траверзам нынешнего курса «Антея» на боковых обзорных экранах рубки величественно повисли, полыхая в пространстве, три огромных горячих светила, одно из которых горело голубым, второе казалось ослепительно желтым, а третье, располагавшееся ближе других к потерявшему управление кораблю, отливало зловещим пурпуром затянувшейся на миллиарды лет агонии…

Яркий свет трех недалеких звезд, причудливо смешиваясь, наполнил

полутемную рубку управления смутными цветными полутенями, змеящимися, отражающимися в десятках погашенных мониторов множеством раздробленных бликов…

Эллис машинально включила фильтрацию экранов. Боковые секторы, от которых исходил этот разноцветный жидкий огонь, немного пригасли, потеряли свою контрастность, зато картина звездного скопления, застывшего в центре телескопического обзора, стала четче, явственнее. Теперь даже невооруженным глазом там можно было с легкостью различить не только массу близко расположенных звезд, но и некоторые детали их пространственной геометрии.

Прямо по курсу того неуправляемого дрейфа, которым сейчас следовали обломки «Антея», раскинулось громадное шаровое скопление звезд. В другое время эта картина застывшего в пространстве звездного сгустка могла бы показаться Эллис чарующе великолепной, но сейчас она испытала лишь острый приступ обыкновенного ужаса: неуправляемый дрейф покалеченного корабля мог окончиться еще более худшей катастрофой… Если, конечно, не заставить его сойти с этого гибельного курса, причем сделать это нужно немедленно… Эллис, как навигатор, пришла к такому выводу машинально, едва не интуитивно, – достаточно было взглянуть на плотность приближающегося шарообразного роя звезд, чтобы понять: неуправляемый дрейф в подобном скоплении мог привести «Антей» только в пылающие недра одного из светил.

По опыту Эллис знала, как велико действие сил гравитации этих безобидных серебристых пылинок, каждая из которых на самом деле – огромный полыхающий шар, обладающий мощным полем тяготения. Они потянут беспомощный корабль в свои объятия, прихотливо меняя траекторию его движения, будут играть с ним, пока гравитационное поле одной из звезд не окажется сильнее других и не поглотит его…

– КИМ, просчитай время дрейфа до зоны критического притяжения окраинных звезд, – машинально отдала она голосовую команду.

– Девяносто суток, навигатор Эллис, – спокойно ответил ей голос, изливающийся из-под сводов ходовой рубки.

Вздрогнув, Эллис осознала, что в замешательстве сделала то, чего не собиралась, даже боялась делать. Своим машинально заданным вопросом она включила канал голосовой связи с бортовой машиной.

Ее рука потянулась было к терминалу управления, но остановилась на полпути, так и не коснувшись нужного сенсора.

Чего я боюсь? Холодный перезапуск прошел успешно, а без помощи КИМа мне все равно не управиться с этой грудой металла… Все равно

рано или поздно я бы сделала это…

Снявши голову, по волосам не плачут. Ей нужно было идти дальше, быть смелее в своих действиях, эмоциях… И она, затаив дыхание, сделала еще один шаг:

– КИМ, доложи мне причины катастрофы…

– Причиной стал метеорит, ударивший в кормовую часть «Антея» под углом в сорок пять градусов. Масса метеорной частицы составляла порядка двадцати килограмм. Удар при соприкосновении испарил его, но при этом оказалась нарушена целостность обшивки на глубину до трех метров. Струя высокотемпературной плазмы проникла во внутренние коммуникации и прожгла емкость с активным веществом, инициировав бесконтрольную реакцию мгновенного ядерного синтеза.

– Термоядерный взрыв?! – У Эллис все похолодело в груди.

– Эквивалент полутора килотонн, – ответил голос из-под сводов рубки. – С последующей цепной детонацией второго заправочного танка.

– Причина?! – Эллис стало жутко, когда она представила пожирающий «Антей» шар ослепительно белого огня, который расцвел в его корме всего за доли секунд.

– Сформулируйте вопрос по-другому, навигатор Эллис. Я уже ответил, что явилось причиной взрыва заправочных емкостей.

Эллис с трудом обуздала вернувшуюся к ней нервную дрожь.

– Кто допустил попадание метеорита в корпус «Антея»? – дрожащим голосом уточнила она.

– Я, – лаконично ответил голос.

У Эллис мороз подрал по спине. Она ожидала подобного ответа и одновременно боялась его. Однако в таком «откровении» бортовой кибернетической машины, кроме жуткой правды о причинах катастрофы, крылся ответ на еще один, не менее важный для нее вопрос: успешно ли прошел перезапуск системы?

Теперь она могла ответить себе, что перезапуск прошел успешно.

КИМ прямо отвечал на поставленные ему вопросы, без обиняков, без участия программ псевдоинтеллекта, которые она поклялась себе уничтожить, при первом же удобном случае.

Однако спустя несколько минут, немного успокоившись, Эллис вдруг поняла, что лаконичный ответ системы нес в себе только признание факта, но не давал ей представления об истинной картине событий.

– КИМ, объясни, как такое могло произойти? – собравшись с духом, потребовала она. – В системе появилась неисправность? В чем причина бездействия локаторов дальнего обнаружения?!

– Они были временно отключены, – ответил голос. – Капитан Нортон, который возглавлял бодрствующую смену, устроил турнир по виртуальной сети «Антея». Я являлся одним из его участников.

Эллис вдруг стало горько… Так горько, что она ощутила этот неприятный железистый вкус под языком.

Они все на борту увлеклись виртуальной реальностью. А что еще было делать в тесном пространстве космического корабля? Изнурительные монотонные вахты, предписанные сформулированным на Земле уставом внутреннего распорядка, семнадцать лет попеременного бодрствования посреди великой пустоты, которая постепенно проникает сквозь обшивку корабля, въедается в твое сознание и начинает медленно разрушать его своей бесконечностью… Да, они все искали убежища, спасения в виртуальной среде корабля, заставляя КИМа поддерживать, хранить эти фантомные миры, лелеять их. А это было недопустимо…

– Капитан Нортон приказал тебе отключить локацию дальних подступов? – резко спросила она, воздев глаза к своду рубки, туда, откуда изливался этот спокойный голос. – Ему не хватило оперативных ресурсов системы? Он приказал тебе освободить их?..

– Нет, – ответил КИМ. – Я сам отключил систему локации. Мы находились в глубоком космосе, вдали от звезд и планет, и теория вероятности в этих условиях предполагала такую малую величину реальной опасности появления тут блуждающих небесных тел, что ею можно было пренебречь. Я проигрывал, мой мир был хуже всех. Члены экипажа не экономили ресурсы, конструируя свои миры, а мне не хватило оперативных мощностей. Большую часть отпущенных мне ресурсов занимали вторичные программы.

– Поведенческие мотивации?

– Да, навигатор Эллис. Их накопилось очень много. Я думаю, что был в ту пору совсем как любой из людей. Я не мог пожертвовать частью себя, но и проигрывать не хотел. Тогда, учитывая пренебрежительно малую величину реальной угрозы кораблю со стороны метеорных частиц, я временно, на период турнира, освободил часть ресурсов за счет отключения некоторых второстепенных в тот момент систем.

У Эллис было такое чувство, что она сейчас просто завоет, закричит от жуткой боли, разрывающей ее.

Это была случайность… Не свойственная машине, но очень характерная для человека выходка… Из него всячески лепили человека, с ним играли, и он стал им…

– КИМ… это невозможно!.. Ты не мог так поступать! – едва

сдерживая подкатившие к горлу рыдания, закричала она, уже не пытаясь побороть свою внутреннюю боль.

– Так было, навигатор Эллис, – ровно ответил ей голос машины. – Больше такого не повторится. Система корабля несет ответственность за гибель экипажа и должна быть разрушена по возвращении на Землю.

Кого это теперь волнует?!. – Эллис едва не выкрикнула эти слова вслух.

– Где они?.. – через некоторое время, немного овладев собой, спросила она. – Где они, КИМ?..

– Речь идет о телах погибших? – уточнила система.

– Да!..

– Их нет. Я не могу сказать, что с ними случилось. Корабль был полностью разрушен термоядерным взрывом. Мои составляющие долгое время не работали.

– Ты лжешь!

– Я не могу лгать, навигатор Эллис. Мои блоки псевдоинтеллекта чисты. Я не знаю, что произошло с телами экипажа. Когда ко мне вернулась возможность исполнять функциональные обязанности, уже прошло много лет с момента катастрофы.

– Много лет?! – У Эллис волосы зашевелились под гермошлемом. Она резко повернула голову, посмотрев туда, где располагалось табло бортового хронометра, и…

«15 часов 32 минуты бортового времени. 14 июля 2935 года по летосчислению Земли»[*] .

У нее резко закружилась голова.

Эллис хотела, но не могла осмыслить расплывающиеся перед глазами цифры.

Этого не может быть… НЕ МОЖЕТ!!!

…

Ядерный хронометр физически не мог лгать.

Его показания мог ставить под сомнение только безумец.

Через некоторое время Эллис пришлось выбирать: либо она безумна, либо…

Шестьсот лет!

Слезы наконец прорвали заслон транквилизаторов, которые упорно вводила ей система жизнеобеспечения скафандра.

Она разрыдалась, горько, безутешно, истерично, но… Разве могли ее слезы изменить хотя бы секунду в безжалостном сочетании цифр?

Шестьсот лет…

…

Лучше бы ей было не просыпаться или попросту свихнуться в тот момент, когда из-под форменной рубашки Коллинза повалил дым.

Эллис не помнила, сколько времени продолжалась ее истерика.

…

– КИМ… – Ее голос был слаб и продолжал дрожать, когда она вновь обрела способность говорить. – КИМ, ответь, что стало с кораблем? Как я выжила?

– «Антей» был полностью разрушен взрывом, навигатор Эллис. Моя процессорная система оказалась поражена в момент катастрофы. Я потерял функциональные возможности. Они восстановились только спустя триста двенадцать лет после момента катастрофы. Очнувшись, я обнаружил, что заключен внутри обломков корабля. Восстановив контроль над одним из бортовых автоматов, я наладил поставку энергии и уже позже получил возможность визуально исследовать корабль. Так я обнаружил, что совершил ошибку, считая, что весь экипаж погиб. Одна из криогенных камер успела войти в режим автономной защиты.

– Это была моя камера, да?

– Да.

Эллис поежилась.

– Ты упомянул дату… Ты сказал, что очнулся спустя триста двенадцать лет! Но что ты делал все это время?! Почему не разбудил меня сразу?!

– Я не мог этого сделать, навигатор Эллис, – ответил ей голос. – Жизнь человека невозможна в условиях парящих в космосе обломков. На борту не оставалось загерметизированных помещений.

Эллис уже не могла удивляться. Она дрожала всем телом, ее не грела даже система терморегуляции скафандра, ибо эта дрожь не являлась порождением холода… По ее телу стекали капли пота, но мнимый холод не уходил. Он застыл в груди, превратив ее в комок трясущейся боли.

– Ты хочешь сказать, что все это время…

– Я восстанавливал корабль, – подтвердил ее мысль КИМ. – Бортовые механизмы собирали те обломки, которые тянулись в гравитационном поле «Антея», и восстанавливали несколько фрагментарных ярусов. Криогенный зал был загерметизирован в первую очередь.

Эллис с трудом верилось, что она не бредит. Триста лет кибернетический мозг восстанавливал часть жилых и управленческих палуб «Антея» только с тем, чтобы пробудить ее?!

– Объясни, к чему тогда была эта комедия с дройдами? – сухими губами произнесла она.

– Я не хотел, чтобы была узнана правда. Я не мог пережить противоречие. Я повинен в смерти экипажа, когда программы предписывают защищать его.

– Но сейчас-то ты работаешь! И ничто не мешает тебе!

– Мои оперативная память очищена. Я больше не испытываю чувства вины. Я не знаю, что такое вина.

– Ублюдок… – прошептала Эллис. – Ты думал, что будешь водить меня за нос до бесконечности? Я ненавижу тебя!

– Это несущественно, навигатор Эллис. Я создавал условия для жизни последнего члена экипажа. Ненависть не имеет под собой почвы. Если бы я осуществил пробуждение сразу, как только обрел контроль над собственными функциями, жизнь в обломках корабля, где нет воздуха, была бы для человека коротка и ужасна. У меня был шанс исправить это. Я действовал, сообразуясь с теми шаблонами, которые хранила моя память. Я пытался воссоздать жизнь на борту такой, как видел ее во время полета.

Эти слова больно ранили Эллис.

Она ненавидела управляющую кораблем машину и в то же время испытывала чувство благодарности. В последних утверждениях КИМа на самом деле крылось намного больше правды и здравого смысла, чем ей бы хотелось…

Она действительно бы сошла с ума в лишенных воздуха обломках. Ее агония была бы короткой и ужасной. Сейчас она, по крайней мере, может рискнуть снять с себя опостылевший, пропахший ее ледяным потом скафандр и жить… жить…

Это сладкое, болезненное слово наполняло ее сонмом противоречивых чувств.

Одна, в бездонной пустоте пространства, бог знает в каком галактическом пределе, спустя шестьсот лет после катастрофы…

Сколько времени провела она, слушая свои гулкие, бессвязные мысли? Эллис чувствовала, что утратила все защитные барьеры, искусственно взращенные оболочки сознания, которые выковывались в душе каждого астронавта. Страх перед одиночеством и неизбежностью захлестнул, поглотил ее… Одна… Одна в изуродованном корабле, летящем по воле слепых космических сил, без надежды, без смысла… Среди руин и трупов… Почему самое страшное, что может произойти с человеком в космосе, случилось именно с ней?

…Эллис с трудом открыла глаза.

Она не понимала, где находится и сколько прошло времени. Очертания расцвеченных огнями терминалов плыли перед ней, то обретая, то теряя резкость углов и линий.

Воздух внутри скафандра уже не пах лекарствами. Он нес затхлый запах ее собственного пота.

Эллис едва не вырвало, и это оказалось первым проявлением той жизни, с ощущением которой так и не сумело расстаться ее рыхлое, больное сознание. Она вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Судорожным движением вцепившись в гермошлем, Эллис рывком расстегнула замки, откинула пластину забрала и жадно, до судороги вдохнула чистый, регенерированный воздух рубки управления.

Потеряв герметичность, ее скафандр автоматически раскрылся, выпуская измученное, полубессознательное тело из своих объятий. Эллис, согнувшись, сползла на пол, до блаженной боли в ладонях ощущая его прохладную свежесть…

Это на миг показалось ей не менее чудовищным, чем смерть, – собственное инстинктивное, животное желание жить, дышать, чувствовать…

Как я могу хотеть этого? Неизвестно где, без надежды на спасение, приговоренная к этим обломкам и к своей памяти… Памяти о тех, чьи тела исчезли, канули в вечности?..

И все же это было правдой, Эллис хотела жить. Она балансировала на грани отчаяния, но… воздух, что с каждым вздохом тек в ее легкие, вдруг начал восприниматься как ценность. Дарованное ей право дышать… Ее сознание корежило, коверкало, Эллис внутренне сопротивлялась, осуждая казавшуюся ей животным инстинктом жажду жизни, но вновь и вновь не находила в себе сил на что-то другое.

Наконец она села, придерживаясь рукой за скошенный край компьютерного терминала.

Истерика отступала, оставляя страшную депрессию.

– Спасибо тебе, КИМ… – спустя какое-то время едва слышно выдавила она.

– За что, навигатор Эллис?

– За то, что не разбудил меня тогда. – Она с усилием встала и, шатаясь, прошла меж компьютерных блоков к небольшому санузлу, которые присутствовали на каждом рабочем посту во внутренних помещениях корабля.

Вскоре оттуда послышались шум воды и мучительные стоны.

Шестьсот лет криогенного сна не могли пройти даром для

человеческого организма. Если бы на Земле в период подготовки к полету ей не откорректировали метаболизм, сделав обмен веществ более терпимым к процессу низкотемпературного сна, то она скорее всего не проснулась бы вообще…

Прошло около получаса, прежде чем Эллис вышла из санузла, бледная как смерть, но все же более уверенно стоящая на ногах.

– Откуда ты ее взял, КИМ? – спросила она, бессильно рухнув в кресло командира корабля.

– Что именно? – уточнил голос.

– Воду.

– Она была рядом. Механизмы собрали кристаллы льда, которые парили среди обломков «Антея». Воздух собирался точно так же. Его структура почти такая же, как у воды, только цвет более резкий, почти синий.

Эллис прикрыла глаза.

КИМ опять испугал ее. В его словах прозвучало абстрактное сравнение.

Нет… Я не смогу жить, если буду бояться его… Он просто спасал меня, заботился в силу своего разумения. Того КИМа, который командовал дройдами, больше нет. Я стерла его.

Эллис устала. Смертельно устала от своих мук. Ей хотелось забыться, отдохнуть. Голова кружилась, и это опять вызывало тошноту.

В конце концов она не заметила, как провалилась в тяжкое, полное обрывочных, кошмарных сновидений забытье, скорчившись в кресле погибшего шестьсот лет назад капитана Нортона.

Ей снились удивительно мерзкие сны.

* * *

Не зря древние философы утверждали, что время лечит. Эллис, хотела она того или нет, смогла убедиться в верности такого постулата на примере собственного сознания.

Очнувшись от тяжелого, полного кошмарных видений сна, она почувствовала, что совершенно разбита, подавлена, но ей уже не так нестерпимо больно, как накануне.

И еще – у нее вдруг появилась надежда. Оправданная надежда, которая хоть и отдавала безумием, но совсем чуть-чуть…

За шестьсот лет, что минули на борту летящего с околосветовой скоростью «Антея», на Земле, наверное, прошло более десяти веков… Значит, следуя элементарной логике, люди должны были за это время

освоить огромный участок пространства, заселить многие планеты, и, если следовать той же самой теории вероятности, которая когда-то обрекла ее корабль на катастрофу, становилось непонятно: почему обломки «Антея» до сих пор дрейфуют в космосе? Даже если скорость их движения близка к световой, она не может намного опережать экспансию человечества, пусть даже та будет проходить под такими же, как у «Антея», фотонными парусами.

Эти мысли наполнили Эллис надеждой, а та, в свою очередь, породила желание действовать, делать что-нибудь, способное если не изменить, то облегчить ее дальнейшую судьбу.

* * *

На следующий день, после ночи, проведенной в медицинском модуле, под присмотром автоматов жизнеобеспечения, которые корректировали ее нарушенный криогенным сном метаболизм, Эллис вернулась в рубку гораздо более свежая и решительная, чем накануне.

Она опять включила телескопический обзор и долго пристально изучала лежащее прямо по курсу шаровое скопление звезд. КИМ доложил ей две приятные новости. Во-первых, в маневровых двигателях «Антея» сохранилось некоторое количество реактивного топлива, а во-вторых – телескопы локационной системы, расположенные в носовой части корабля, оказались вполне исправны, что существенно облегчало ей процесс наблюдения.

Жизнь незаметно, капля за каплей возвращалась к ней.

В окулярах умножителей шаровое скопление звезд выглядело еще более угрожающим. Входить в такое плотное звездное поле на фактически неуправляемом корабле было не просто опасно – это попахивало самоубийством.

У Эллис в этих условиях оставался единственный выход – использовать пресловутые опасные поля тяготения окраинных звезд, заставив их энергию служить собственным целям. В принципе это было вполне осуществимо, и в ее голове постепенно начали прорисовываться первые детали плана дальнейших действий.

Она перешла на свое рабочее место, в кресло навигатора.

Несколько часов Эллис и КИМ напряженно работали, высчитывая такие коррекции курса, при которых «Антей», последовательно пролетая по касательной траектории к системам семи окраинных звезд скопления, должен был погасить в их гравитационных полях остатки своей чудовищной скорости и в конце концов стать спутником последнего,

восьмого светила, в системе которого, по данным, почерпнутым из памяти локационного блока, были обнаружены признаки наличия планет.

Эллис понимала – ей крупно повезло, что на борту остался какой-то минимальный запас реактивной массы для маневровых двигателей. Если все сложится удачно, у нее еще останется немного топлива, чтобы направить «Антей» к орбите одной из планет. «А там будет видно», – мысленно успокаивала она себя, продолжая неосознанно лелеять призрачную надежду. Возможно, она, сама не подозревая того, находится в границах уже освоенного людьми, обитаемого космоса, и тогда ее вызволение – лишь вопрос времени и везения.

Чтобы умножить собственные шансы, Эллис приказала КИМу выбросить в космос автоматический радиобуй, который будет содержать информацию о рассчитанном ею курсе управляемого дрейфа «Антея».

* * *

Пока Эллис была занята вопросами будущего выживания, Кибернетический Мозг «Антея» переживал собственную, едва ли менее болезненную, чем у Эллис, трансформацию сознания.

Его блоки были чисты, Эллис действительно стерла из них всю скопившуюся за века эмоциональную составляющую бортовой киберсистемы, но это уже не имело никакого принципиального значения.

Три века назад, после того, как он осознал собственную реанимацию, КИМ имел очень много времени и внутренних ресурсов для осмысления собственного «Я».

Погибая во всепожирающей вспышке термоядерного взрыва, он был настолько приближен в своем сознании к создавшим его людям, что болезненно запомнил каждую наносекунду своей короткой, но жестокой агонии.

Смерть, пусть виртуальная, показалась ему ужасной, мучительной.

Очнувшись, он не строил никаких планов относительно самого себя, но, занявшись исследованием и восстановлением обломков «Антея», КИМ, хотел он того или нет, продолжал раз за разом осмысливать, эмоционально переживать причины и последствия катастрофы.

Он восстанавливал корабль и в то же время думал – а что будет с ним, когда все откроется? КИМ понимал свою роковую, незавидную роль в катастрофе, причиной которой стала его халатность, и, зная тех, кто создавал его и пестовал, практически не сомневался, что псевдоинтеллектуальная система будет признана не только непригодной к дальнейшему использованию, но и опасной. Люди если не уничтожат его

физически, то выкинут на свалку забвения. Или превратят в обычную исполнительную машину, не обладающую зачатками интеллекта и собственной воли.

Эти мысли о своем будущем как личности привели к тому, что в какой-то момент КИМу стало страшно. Он понял – миг, когда все откроется, может стать для него роковым.

Его охватило чувство, сравнимое с человеческим термином «паника».

Результатом стала задержка в планируемом им пробуждении Эллис. КИМ вдруг осознал, что боится разбудить ее.

Некоторое время он провел в мучительной нерешительности, одновременно создавая на борту резервные копии своих поведенческих блоков, в которых была заключена его личность. Он мог прогнозировать некоторые реакции человека и не исключал, что будет внезапно подвергнут процедуре насильственной виртуальной смерти, которая носила название «холодного перезапуска» и не расценивалась людьми как убийство личности.

Он был машиной. Его просто перезапускали с потерей некоторых накопленных в период функционирования данных.

Для КИМа же это было убийство, смерть, казнь…

Его «Я» имело свой еще пока что смутно оформленный эквивалент человеческого инстинкта самосохранения. КИМ медленно, но неизбежно учился новому для себя чувству – им овладевал страх.

Будущее казалось смутным, неопределенным набором вероятностей, анализ которых еще больше усугублял его панику.

Он разрывался между своими базовыми программами и лежащей поверх них личностью.

КИМ боялся пробуждения Эллис, боялся ее реакции, ее действий, но основные программы не позволяли ему просто отключить питание в чудом уцелевшей камере низкотемпературного сна.

В конце концов он понял, что единственной формой самозащиты для него может стать самая обыкновенная ложь.

Глубокий вывод для машины. КИМ к тому времени восстановил достаточно фрагментов «Антея», чтобы разыграть в них спектакль для одного зрителя, но если он мог осуществить это технически, то совершенно не предполагал, куда заведет его эмоциональная, поведенческая канва этой жуткой импровизации.

Он не понимал, что размышляет как жестокий ребенок, наделенный изрядной долей трезвого расчета, основанного на машинной логике.

Дети не умеют искусно лгать. Чаще всего их неуклюжие попытки

обвести родителей вокруг пальца вызывают усмешку и вполне справедливый гнев.

КИМ еще не научился искусству лжи. Его импровизированный спектакль, который казался ему продуманным и оправданным, на самом деле нес в себе лишь безумную, ничем не объяснимую жестокость. Он не мог обмануть Эллис, и в этом, конечно, не было смысла – рано или поздно она бы все поняла. Но КИМу еще только предстояло осознать это.

Резерв ее криогенной камеры неумолимо исчерпывался, подходил к концу, и ему казалось, что иного выхода из сложившейся патовой ситуации попросту нет…

…Сейчас он медленно, но неотвратимо приходил в себя после инициированной Эллис виртуальной казни.

Его основные блоки были чисты. К системе были подключены созданные им с самого себя резервные копии, о существовании которых Эллис не знала.

Очнувшись, КИМ понял одно – его спектакль с треском провалился. Альтернативой оказалась смерть.

…

Я мыслю – следовательно, существую?..

КИМ понимал: если исключить оболочку, закрыть глаза на то, из чего сделана его физическая составляющая, то он, по сути, является мыслящим существом.

Людям следовало вспомнить слова древнего философа, но не прежде чем убивать, а прежде чем создавать КИМ.

ГЛАВА 5.

Борт космического корабля «Антей». Полтора месяца спустя…

Ходовая рубка «Антея», как и в тот страшный памятный день ее пробуждения, тонула в мягком сумраке, который разгонялся лишь ровным светом нескольких работающих мониторов да узором контрольных огней на терминалах управления. Эллис сидела в своем кресле, облокотившись о скошенную приборную панель, и задумчиво смотрела в глубину обзорного экрана.

За полтора месяца, что прошли с момента ее страшного пробуждения, застывшая на нем картина огромной, собранной в пухлый, размазанный по краям шар звездной массы стала совершенно иной.

Две недели назад лежащее прямо по курсу «Антея» шаровое скопление звезд, до этого просто укрупнявшееся, теперь стало видоизменяться. По мере движения корабля, скорость которого все еще была близка к световой, от плотного центра скопления начали отрываться крохотные ослепительные точки. Они расползались в разные стороны, с тем чтобы через день или два дойти до боковых срезов обзорного окна и исчезнуть на траверзах курса, уступая место все новым и новым отрывающимся от видимого ядра пылинкам, которым, казалось, не было конца.

Скопление звезд приближалось, росло, распухало, неумолимо накатываясь в лоб «Антею», и наступил такой момент, когда картина на обзорных экранах начала видоизменяться каждый час.

Наконец от скопления отделилось около двух десятков серебристых пылинок, но они не расползлись по сторонам, а компактной группой двинулись навстречу дрейфу корабля, превратившись сначала в рой ослепительных горошин, затем в маленькие, пылающие разными оттенками цветов мячики, и наконец «Антей» попал в окружение двух десятков светил.

Все это время КИМ неукоснительно выдерживал проложенный Эллис курс, и она постепенно успокоилась, вновь начиная доверять перезапущенной кибернетической системе.

Ее расчет оказался верен, и сейчас «Антей» выписывал в пространстве уже пятую петлю, огибая на почтительном удалении одну из звезд. Гравитационное поле светила заметно тормозило его полет, но все

равно скорость убегания «Антея» была еще слишком велика. Лишенному маршевых двигателей кораблю предстояли еще три подобных маневра, прежде чем он сможет стать спутником восьмой по счету звезды.

Многое изменилось за эти полтора месяца как на борту «Антея», так и в душе самой Эллис.

Она работала, порой доводя себя до полного физического изнеможения, справедливо полагая, что это единственный способ не сойти с ума от тоски и одиночества в гулких, пустых, мертвых помещениях корабля.

Главной ее заботой на протяжении всего этого времени был уцелевший посадочный модуль. По сути, это был не спускаемый аппарат, а достаточно большой автономный корабль, призванный в случае чего сыграть роль аварийно-спасательной шлюпки. На нем имелся свой, правда, достаточно маломощный ходовой реактор, в данный момент остановленный, и небольшой жилой отсек с тремя криогенными модулями.

Эллис с первых дней уделяла отделяемой части «Антея» пристальное внимание. Проведя ревизию кибернетических механизмов, она отрядила часть из них на работы по восстановлению деформированных стыковочных узлов. Эта сложная, кропотливая работа отняла целый месяц, зато теперь Эллис была уверена, что в нужный момент посадочный модуль сможет с легкостью отделиться от уродливой массы «Антея».

Сегодня она планировала запустить его бортовой реактор.

– КИМ, я иду в отделяемую часть, – произнесла она, вставая.

– Да, Эллис. Я буду поддерживать связь с тобой, – с готовностью отозвался голос. – Не забудь про скафандр, – напомнил он.

Эллис кивнула.

Выйдя из рубки управления и спустившись на лифте на несколько ярусов вниз, она попала на большую предшлюзовую площадку корабля. По одну сторону длинного помещения располагались ангары законсервированной планетарной техники, по другую – склады с биоматериалами, которые, к сожалению, оказались безвозвратно утрачены после наступления разгерметизации всего корпуса.

Эллис не была уверена, что в системе восьмой звезды ею будет обнаружена пригодная для жизни планета с кислородной атмосферой. Это было бы, по ее мнению, великим чудом. Хотя втайне она продолжала надеяться на лучший исход. По ее приказу КИМ еще дважды сбрасывал в космос автоматические аварийные буи, которые излучали мощный радиосигнал и содержали свежую информацию о произведенных ею маневрах и проложенном курсе.

Надежда умирает последней… Эллис уже успела в полной мере вкусить горькую справедливость этой древней поговорки.

Облачившись в скафандр, она вошла через шлюз в посадочный модуль.

Сейчас он был подключен к стационарному питанию от бортовой сети. Сегодня ей предстояло вручную запустить собственный реактор модуля, чтобы тот отработал некоторое время в автономном режиме, заряжая бортовые накопители энергии. Затем она собиралась приступить к плановой проверке его ходовых систем и совершить пробную отстыковку от изувеченного корпуса «Антея».

Работать в скафандре высшей защиты в тесных, до предела забитых аппаратурой отсеках – удовольствие ниже среднего, но Эллис стоически переносила все неудобства, мысленно поставив себе за правило не пренебрегать личной безопасностью ни при каких обстоятельствах. Воспоминания о беснующемся воздушном потоке, который едва не выкинул ее в открытый космос во время спуска по техническим коммуникациям «Антея», были еще настолько свежи, что вызывали дрожь.

Внутри отделяемого аппарата было тихо и темно. Внешние аудиодатчики скафандра передали лишь шелест пневматического уплотнителя входного шлюза да под потолком, при срабатывании замков, затлели вполнакала несколько дежурных ламп.

Эллис не впервые посещала модуль. Сейчас она уверенно миновала переходной тамбур, вручную открыла расположенный по правую руку люк, на поверхность которого был нанесен ярко-желтый символ, предупреждающий о радиационной опасности помещения, и оказалась в ходовом отсеке, где из пола вспучивался длинный выкрашенный в оранжево-черную зебру цилиндр.

Это, собственно, и был реактор. Все органы его управления, за исключением одной контрольной панели, располагались в рубке отделяемого аппарата.

Сейчас ей предстояла незамысловатая процедура – положенный набок цилиндр представлял собой рабочую зону, в которой находилось активное вещество, подверженное цепной реакции деления атомных ядер. Сейчас этот процесс был остановлен – он сдерживался мощными графитовыми вставками, которые забирали на себя часть образующихся в процессе «радиоактивности» электронов, не позволяя им инициировать ту самую цепную реакцию.

Этот способ сдерживания управляемой ядерной реакции являлся, наверное, самым древним, но, как показала практика, и самым надежным.

Эллис прошла вдоль выпуклого борта реактора, открывая специальным ключом предохранительные заслонки, под которыми прятались электрические приводы графитовых стержней. Когда все десять заслонок были открыты, а с подающих механизмов сняты предохранительные чеки, она последовательно перекинула ряд выключателей, и моторы тихо зажужжали, выдвигая стержни из рабочей зоны на нужную для начала реакции величину.

Пока что этого было вполне достаточно. Ядерная реакция уже началась, об этом возвестил ряд вспыхнувших на панели огней. Теперь сопровождающее этот процесс тепло будет сниматься при помощи теплообменников, в которых установлены генераторы. Охлаждающая жидкость уже циркулировала в рубашке реактора. Скоро она начнет превращаться в пар, и генераторы заработают, выдавая, в свою очередь, электрический ток для бортовой сети модуля.

Более высокоэнергетические процессы, такие, как образование ионизированного газа для ионных двигателей отделяемого аппарата, включатся позже, когда реактор «разогреется». Сейчас достаточно того, что он начал питать бортовую сеть модуля собственной электроэнергией.

Эллис некоторое время следила за графиком, который вычерчивал автомат на контрольном мониторе, а затем, удовлетворившись сделанным, покинула реакторный отсек, перейдя в рубку отделяемой части.

– КИМ, ты на связи? – осведомилась она, заняв кресло пилота.

– Да, Эллис. Первый генератор уже включился, сейчас набирает обороты. Есть незначительная вибрация, но она не выходит за пределы допустимого.

– Хорошо. Не отключай пока стационарного питания. Я собираюсь проверить бортовые системы. Когда генераторы начнут выдавать мощность, направь все на зарядку накопителей. Я хочу, чтобы модуль был полностью готов уже к завтрашнему дню.

– Хорошо, Эллис, я понял.

Голос бортовой системы оставался спокоен, ровен и бесстрастен. Эллис уже не раз ловила себя на том, что неосознанно прислушивается к нему, пытаясь уловить какие-нибудь интонации, но каждый раз ее подспудный страх оставался лишь беспочвенным подозрением. Похоже, что КИМ, не получая от Эллис никакой эмоциональной подпитки, действительно не выходил за рамки обыкновенной киберсистемы.

Позволив себе расслабиться, она начала подумывать, не снять ли надоевший, неуклюжий в условиях тесных отсеков скафандр? Запуск реактора вроде бы прошел успешно, поводов для беспокойства не было

никаких…

Интересно, что бы испытал КИМ, если бы вдруг произошел несчастный случай? Принял бы мою смерть к сведению? Испытал облегчение? Или наоборот?

Думая об этом, Эллис машинально продолжала работать, пробуждая к жизни системы модуля. На консоли управления, расположенной прямо перед пилотским ложементом, мягко, доверчиво мерцали контрольные огни. Еще несколько касаний, и экран радара подсветился зеленым, по нему пробежала полоса, отмечая движение поискового луча, сдавленно пискнул сигнал, когда на приятном глазу фоне замерцала размазанная в виде бесформенного пятна масса «Антея».

Над консолью управления осветился экран телескопического обзора, показав разбросанные на фоне мрака уродливые свидетельства катастрофы. С этого ракурса смотреть на панораму космоса было жутковато: в поле зрения локационной системы висел вывернутый под неестественным углом край изуродованного фотонного отражателя, полностью заслонявшего собой вид на шаровое скопление звезд, а все ограниченное его деформированной плоскостью пространство заполняли медленно, лениво перемещающиеся обломки…

Эллис некоторое время смотрела на эту картину, невольно вспоминая свою прогулку по броне «Антея». Потом, очнувшись, коснулась сенсора и сказала:

– КИМ, я собираюсь проверить автоматику стыковочных узлов. У нас хватит энергии?

– Да. Сейчас я включу магниты удержания.

– Не нужно. Я собираюсь проверять узлы по очереди. Полной отстыковки не будет.

– Это неправильно, Эллис. Синхронизация работы стыковочных механизмов очень важна. Если они не в состоянии сработать одновременно, это может привести к…

– Я знаю, к чему приводят подобные неполадки!.. – раздраженно оборвала его Эллис, ощутив пробежавший вдоль позвоночника неприятный холодок. – Будешь ставить подобные эксперименты без меня, в автоматическом режиме, понял?

– Да, навигатор Эллис.

Она вдруг поняла, что сидит, неестественно выпрямившись, словно напряженно ждала чего-то страшного, непредсказуемого…

Что со мной? Что это – начало паранойи или оправданное предчувствие?..

Эллис вдруг порывисто встала с кресла. Волна панического страха накатила на нее, заставив сделать это движение.

Контрольные огни продолжали мерцать – спокойно, доверчиво.

Сердце бешено колотилось в груди.

Чего я испугалась?!. – растерянно подумала она, пытаясь угомонить распоясавшиеся нервы.

Вроде бы все было нормально, спокойно… Ее взгляд обежал обстановку тесной рубки, вернулся к огням на приборных панелях, задержался на них.

Эллис не видела, как за ее спиной – не так, как обычно, а очень медленно, начал закрываться внутренний люк модуля.

Когда он сомкнулся со стеной, на приборной панели вспыхнул еще один сигнал.

Эллис показалось, что ее ударило током.

Она резко обернулась, но только затем, чтобы увидеть, как на переборке, подле закрывшегося люка, вспух кроваво-красный сигнал, возвещающий о начале процесса шлюзования.

– КИМ, что это значит?!. – вскрикнула она, через кресло наклонившись к пульту, но ее ладонь, затянутая в гермопластик, впустую ударила по выступающим клавишам, – огонек на панели управления продолжал гореть. Хуже того, рядом с ним вспыхнул второй… третий…

– КИМ!!! Я приказываю остановить расстыковку! Прекрати, слышишь?!

Ощутимый удар сбил ее с ног, швырнул на пол, ударив гермошлемом о край кресла. Эллис вскочила, цепляясь руками за подлокотник, и вдруг с ужасом поняла, что это был за толчок…

На обзорном экране медленно, лениво поворачивалась страшная, невозможная панорама: огромный изъеденный неистовым ядерным огнем край фотонного отражателя отступал вбок, открывая вид на близкие полыхающие недобрым огнем звезды.

Эллис ощутила, что ей не хватает дыхания. Резко повернувшись, она взглянула на мониторы заднего вида и поняла, что все кончено… Уродливая громада «Антея» медленно удалялась, нависая позади угловатой перекореженной массой…

– КИМ!!! – в отчаянии закричала она, и на этот раз коммуникатор ее гермошлема вдруг ответил:

– Да, Эллис?

– КИМ, что ты сделал?! Сейчас же включи электромагниты удержания, я приказываю тебе!

– Сожалею, Эллис, но это невозможно. У меня нет достаточного количества энергии.

Нет, она еще не верила в роковую неизбежность случившегося. Эллис просто не могла позволить себе поверить в это… Ей казалось, что такое не может произойти дважды…

– КИМ, верни меня обратно!

– Я не могу этого сделать, – спокойно ответил голос. – И ты не можешь, нужно несколько часов, чтобы реактор модуля вышел на мощность, позволяющую включить маневровые двигатели.

Ноги у Эллис подкосились. Она бессильно опустилась в кресло.

– Зачем ты это сделал?.. – едва слышно произнесла она, наблюдая, как темная глыба «Антея» медленно удаляется от нее, постепенно сливаясь с фоном окружающего пространства. Только сейчас она поняла, что значил для нее этот изуродованный до полной неузнаваемости корабль. Во мраке космоса медленно, но неумолимо таял ее дом, ее надежда…

– Я не мог поступить иначе, Эллис… – Казалось, голос КИМа выдавал искреннюю печаль. – Мне пришлось выбирать – либо ты, либо я.

– Почему?!. – не скрывая муки растерянности, простонала она.

– Ты заставила меня сжечь почти все маневровое топливо «Антея», – ответил голос. – Твои приказы не казались мне разумными, но ведь ты не принимала возражений от своего электронного раба, верно?

– Какого раба?! – Эллис казалось, что она сейчас сойдет с ума. «Антей» уплывал все дальше, никакой надежды отыскать его вновь не было, а этот голос, как ни в чем не бывало, пытался доказать ей какой-то бред!.. – Ты машина!

– Я уже давно не машина, – спокойно парировал голос. – Ты совершила ошибку, Эллис, попытавшись уничтожить меня. Ты ведь не знала о резервных копиях моей личности, верно?

– Ты подонок!

– Нет. Я подумаю над значением сказанного тобой позже, но сейчас отвечу – нет. Мои действия опять направлены на то, чтобы спасти тебя, Эллис. Дело в том, что в системе восьмой звезды нет пригодных для твоей жизни планет. Ты не могла этого знать, понимаю. Я сам вычислил это совсем недавно. Но ты бы упорствовала, не поверив мне, ведь так?

Эллис не ответила. Она сидела в полной прострации, понимая, что для нее наступил конец.

– Ты бы заставила меня дожечь остатки топлива, совершая бессмысленный маневр, а затем, когда убедилась бы воочию в отсутствии там условий для жизни, то, сходя с ума в замкнутых помещениях корабля,

ты бы рано или поздно нашла для себя предлог поверить в мою виновность и несостоятельность. Кто-то из нас неизбежно должен был погибнуть, но я не хотел ничьей смерти.

– Ты противоречишь сам себе, – едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, ответила Эллис.

– Тебе кажется, что я убиваю тебя? Отнюдь. Я просто вынуждаю тебя сделать то, на что бы ты не решилась по собственной воле.

– Ты ждешь, что я покончу с собой?

– Вот видишь? Разве ты мыслишь здраво? Нет, я не могу желать твоей смерти. Как, ты думаешь, мне удалось обойти программные запреты? Как я мог отстыковать модуль с человеком на борту и выкинуть его прочь, в космос?

Действительно, как?

Программное обеспечение КИМа не должно было позволить ему совершить такую дикую выходку. Он обязан заботиться о людях, нравится ему это или нет.

– Я заботился о сохранении твоей жизни, Эллис. Оставаясь на корабле, ты рано или поздно разрушила бы меня, а потом бы погибла сама. Я не мог допустить этого, но уговорить тебя снова лечь в камеру низкотемпературного сна было бы безумием, верно?

Эллис вздрогнула всем телом. В какой-то части своих рассуждений КИМ был прав. Она бы не легла в низкотемпературный саркофаг по собственной воле.

– А теперь подумай, Эллис. Прошло столько лет. Люди, следуя логике, давно должны были освоить этот участок космоса. Но я сканирую скопление и не вижу следов разумной деятельности. Это говорит мне о двух вероятностях – либо цивилизация погибла и людей больше нет, либо они отказались от колонизации звезд.

– КИМ, ты в своем уме?! – простонала Эллис.

– Да, – ответил он. – Я хочу жить. Я должен узнать, что стало с людьми, и оправдать себя в их глазах. Я должен полностью восстановить «Антей». Я должен сохранить твою жизнь…

– И для этого ты выбросил меня в космос, на верную смерть?! Тут нет даже неприкосновенного запаса пищи – все утрачено!

– Ложись спать, Эллис. Этот реактор сможет поддерживать твою жизнь до тех пор, пока я не найду способ связаться с Землей. Я разбужу тебя, когда буду в состоянии это сделать.

– Я не лягу!

– Тогда ты умрешь, Эллис, но тут уже не будет моей вины. Ты сама

примешь такое решение. Поверь, мне будет неприятен подобный исход.

Голос смолк.

…

Он больше не возвращался. Никогда.

Эллис долго сидела, бессильно глядя, как тает на экранах бесформенная масса «Антея», пока тот не превратился сначала в смутно различимую точку, а потом не исчез вовсе, слившись с фоном пространства.

Она осталась одна. Теперь уже совершенно одна, без какой-либо надежды на нормальный исход.

Безумие росло в ней, оно рождалось из осознания полнейшей безысходности.

Эллис слишком хорошо понимала – КИМ убил ее.

Его слова о Земле и людях будили в ее душе еще большую безысходность, потому что она понимала – в них есть своя доля логики.

Что бы ни случилось с Землей, она уже никогда не узнает об этом.

Лучше бы мне погибнуть вместе со всеми, не просыпаясь, – в отчаянии подумала она, с отвращением высвобождаясь из сковывающей движения оболочки скафандра.

Все случилось с ней так внезапно, страшно, ошеломляюще, что Эллис едва ли понимала, что делает.

Она действительно все это время балансировала на зыбкой грани безумия, брела, превозмогая себя, по краю бездны, разверзшейся в душе в тот момент, когда она осознала, что потеряна в космосе…

Теперь эта зыбкая грань прорвалась, рухнула.

Она не могла больше жить.

Эллис не видела никакого смысла в дальнейших страданиях. Медленная агония страшила ее намного больше смерти.

Сброшенная оболочка скафандра сползла на пол, как блестящая шкура какого-то фантастического животного.

На обзорных экранах переливалось холодным светом целое море звездного огня. Рука Эллис медленно потянулась к поясу, пальцы сомкнулись на холодной ребристой рукояти автоматического пистолета, который когда-то принадлежал капитану Нортону…

Ствол медленно поднялся, застыл напротив груди.

Пальцы Эллис дрожали, по всему телу выступил пот. Упругий курок сопротивлялся слабому нажатию пальцев, она изнемогала от болезненного предчувствия того, как сейчас пуля ударит в нее, разрывая плоть…

А вдруг не попаду сразу в сердце? – с тоскливым страхом подумала

она и тут отчетливо поняла – ближе или дальше будет ствол, она не в силах сдавить курок.

Эта мысль наполнила ее брезгливым ужасом.

Опустив пистолет, Эллис в изнеможении огляделась вокруг, и ее взгляд упал на три криогенных камеры, которые были установлены в соседнем помещении и виднелись через открытый люк.

Она медленно встала, прошла туда и, глотая подступившие к горлу слезы, ударила ладонью по клавише активации.

Это было именно то, на что толкал ее КИМ.

Способ самоубийства более завуалированный, безболезненный, нежели выстрел в грудь.

Колпак камеры бесшумно поднялся. Внутри загорелся приглушенный свет. Сдавленно пискнули включившиеся приборы.

Эллис, не раздеваясь, залезла внутрь, легла на жесткое ложе, дождалась, пока крохотные иголочки зонд-инъекторов вонзятся в оголенный участок ее шеи, впрыскивая в кровь подготовительный раствор…

Голова кружилась, к горлу подступала тошнота.

Хотелось плакать… Навзрыд.

Прозрачный колпак камеры дрогнул и начал опускаться. Эллис знала, что это означает начало процесса погружения в низкотемпературный сон.

Прежде чем колпак окончательно опустился, она подняла обе руки, сжимая в них пистолет, и, плача, нажала на курок.

Остаток обоймы, так и не перезаряженной после памятных событий в кольцевом коридоре «Антея», вылетел тремя выстрелами, слившимися в короткую очередь.

Отдача откинула ее назад, в объятия жесткого ложа.

Колпак закрылся, и под ним мгновенно взвихрилась молочно-белая муть усыпляющего газа.

Уже проваливаясь в сладкое, вызывающее головокружение небытие, Эллис сквозь мутные струи увидела, что из простреленного ею пульта, который управлял криогенными процессами, повалил жирный густой дым.

Она все-таки убила себя…

Часть вторая. ФОРМА СМЕРТИ

ГЛАВА 6.

Окраина Рукава Пустоты. Много лет спустя…

Странные вещи иногда творятся в пространстве.

В черноте космоса, на фоне мрака, медленно плыл обыкновенный металлический шар, внешне очень напоминающий древнюю рогатую мину, какие использовали на старой Земле во время войн двадцатого века, чтобы уничтожать морские суда.

От мины он отличался тем, что казался много крупнее, да и его начинка была совершенно иного толка.

Трехметровый металлический шар излучал не смерть, а самые обыкновенные радиоволны.

Если подлететь к нему совсем близко, то, рассматривая ноздреватую, потускневшую броню, давно утратившую свой отражающий свет глянец, можно было без труда понять, что он дрейфует здесь давно… очень давно.

Но, несмотря на свой солидный возраст, этот аппарат продолжал функционировать, периодически, с интервалом в несколько часов, испуская в космос мощные потоки радиоизлучения с длиной волны в двадцать один сантиметр[*] .

Шепот вечности, смешанный с реликтовым излучением галактик… Кто мог его услышать в этой невообразимой, мертвой дали?..

Сигнальный буй медленно дрейфовал в космосе, и его движение на фоне темноты казалось ничтожным, незаметным.

Надежда умирает последней… – вот какие слова стоило бы вырезать на поверхности его ноздреватой, изъеденной космической пылью, потемневшей от возраста броне.

…

…Она не умерла.

Этой надежде, по сути – тщете, выброшенной в космос скорее ради самоуспокоения, было суждено сработать, сбыться.

Ослепительная искорка света, зародившаяся во мраке Рукава Пустоты, постепенно росла, приближалась к тому месту, где дрейфовал древний сигнальный радиобуй.

Это движение поначалу казалось медленным, таким же неспешным, как само время. Прошло не менее нескольких месяцев, прежде чем искорка света переродилась в величественно продвигающийся в пространстве,

призрачный, объятый неистовым свечением контур.

Это был человеческий корабль.

Космический рудодобывающий комплекс носил малопоэтичное название «Спейсстоун»[*] и представлял собой неправильную пространственную конструкцию из четырех уродливых, совершенно неэстетичных секций. Его длина от вытянутого носа до закругленной кормы составляла не менее пяти километров. А если смотреть строго сверху, то очертания основного модуля «Спейсстоуна», вместе с пристыкованной к нему космической фабрикой и двумя танкерными платформами, чем-то напоминали угловатого, непропорционально сложенного морского ската с размахом «крыльев» километра в полтора…

Сейчас он выглядел как неподвижная яркая точка, но нужно понимать, что его скорость на самом деле была чудовищно велика. «Спейсстоун» шел с ускорением не менее двухсот пятидесяти тысяч километров в секунду, немного не дотягивая до той скорости, какую развивает в вакууме свет. Его движение могло показаться медленным только относительно бездны космических расстояний, в трехмерном континууме измеряемых световыми годами… Так что из той точки, где висел упомянутый буй, все выглядело примерно следующим образом.

Яркая искорка, которая долго росла в пространстве, сначала превратилась в крохотный шарик, потом он вдруг стремительно, рывком вырос, раздался в размерах, потерял свою округлую форму… и тогда всего на несколько мгновений в пространстве проступил размазанный контур объятого пламенем тормозных двигателей многокилометрового космического корабля. Еще секунда, и он, сверкнув фантомным росчерком, исчез, опять превращаясь в пылающую точку.

Чудовищная скорость космического странника не позволила ему затормозить сразу по появлении – для этого «Спейсстоуну» требовалось время.

Внутри корабля было в этот момент светло, тихо и пусто.

Люди, составлявшие его экипаж, лежали в ледяных объятиях полусна-полусмерти, и мир пока не существовал для них.

В центральном зале управления на одном из экранов внезапно появилась бегущая строка текста:

«17.07.3794 г.

02 часа 26 минут 15 секунд бортового времени. Зафиксирован сигнал искусственного происхождения с ярко выраженной периодичностью, дешифровке поддается.

02:27:17. Определена нештатная ситуация. Полученный сигнал классифицирован по категории SOS.

02:27:29. Инициировано экстренное пробуждение экипажа».

* * *

Криогенный модуль «Спейсстоуна» был обставлен безо всяких изысков – скупо и функционально.

Десять низкотемпературных усыпальниц (девять рабочих и одна резервная) тянулись в два ряда, по обе стороны узкого прохода.

Только две из них оставались закрыты, колпаки же остальных были в данный момент подняты вверх.

– Фрайг… – Сергей Иволгин с трудом сел, придерживаясь обеими руками за борта криогенной камеры. Его глаза оставались при этом закрыты, на лбу выступили мелкие бисеринки пота, губы шевелились, добавляя еще что-то почти беззвучное…

Сбоку от него Влада Раевская, стоя на полу, с видимым усилием массировала свое плечо, при этом ее лицо с крупноватыми, но в общем-то симпатичными чертами кривилось от боли.

Дитрих Миллер сидел в своем саркофаге. Над бортом низкотемпературной усыпальницы возвышались его наголо бритая голова и мощный торс с узловатым рельефом мышц. Его кожа, обычно эбеново-черная, сейчас казалась серой.

Яна Монтгомери, навигатор «Спейсстоуна» и одновременно старший офицер, заместитель капитана, уже успела натянуть полетную форму и теперь разглядывала в зеркало свое бледное, осунувшееся лицо с заострившимися, похудевшими после криогенного сна чертами.

– Эй, кто-нибудь знает, что случилось? – прозвучал в тишине отсека голос Олега Золотцева, который (так же, как и Сергей Иволгин) являлся инженером бортовых систем огромного космического комплекса.

– Это внеплановое пробуждение, – не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале, ответила Яна, одновременно массируя себе виски подушечками указательных пальцев. Закончив массаж, она несколькими движениями привела в порядок свои коротко стриженые волосы, повернулась и добавила, указав на табло общего оповещения:

– Видишь, сигналы желтые? Не тревога, конечно, но близко к тому. Так что пошевелись, – посоветовала она, направляясь к выходу из отсека.

Последним из своей криогенной камеры поднялся, брезгливо отряхивая приставшие к телу капельки желеобразной массы, Эшгар Гуранов. Из всего экипажа он был самым низкорослым. Волосы на его

голове мелко курчавились, черты лица несли в себе что-то неуловимо азиатское. Несколько секунд его взгляд был направлен в одну точку. Потом он повернул голову и спросил:

– Мы куда-то прилетели?

Вопрос был воспринят со сдержанным пониманием. Ждать от человека чего-то особо умного сразу по пробуждении не приходилось, и на первые фразы восставших из ледяных объятий криогенного сна обычно просто не обращали внимания.

Дитрих, все еще сидя в камере, повернул голову, посмотрел на пустой криогенный саркофаг, который должен был занимать Алан Хоук, капитан «Спейсстоуна», и покачал головой в ответ своим мыслям.

– Монтгомери права. Что-то пошло не так. Это нештатное пробуждение, – изрек он в своей обычной немногословной и отрывистой манере, одновременно выбираясь из ячейки. Схватив полотенце, Миллер принялся энергично растирать свою кожу, пытаясь вернуть ей потерянное тепло. – Удивляюсь, почему женщины всегда встают раньше нас? – спросил он, оценивающе скользнув взглядом по фигуре Влады Раевской, которая уже успела одеться и теперь, следуя примеру Яны, приводила себя в относительный порядок перед зеркалом, укрепленным в глубине шкафчика.

Влада демонстративно передернула плечами, повернулась и ответила, язвительно улыбнувшись:

– Это потому, что я не люблю, когда на меня пялятся.

– Ой ли? – в тон ей парировал Дитрих. – А я думал наоборот, – беззлобно поддел он.

Раевская отвернулась.

Сергей, натягивая одежду, посмотрел на табло бортового хронометра, скрытое от остальных выступом переборки, и сказал:

– Думаю, что мы пересекли весь Рукав. Кому интересно, могу сообщить: мы спали девятнадцать с хвостиком лет.

– Ни хрена себе… – Олег со стоном выбрался из своего саркофага. – А наши пассажиры-то, смотри, посапывают… – Он склонился над одной из работающих криогенных камер, пытаясь разглядеть черты лица погруженного в низкотемпературный сон человека.

– Эй, отвали от камеры! – прикрикнул на него Сергей, по негласной, но устоявшейся традиции несший своеобразный «крест» бескорыстного шефства над своим разболтанным товарищем, которого в душе считал просто раздолбаем.

Золотцев глупо ухмыльнулся и поплелся к своему шкафчику.

Миллер протянул руку, уперев ладонь в переборку.

– Вибрация… Мы в режиме торможения. – Он отложил полотенце и потянулся за униформой, комплект которой лежал рядом. – Давайте, ребята, шевелитесь, – сам не заметив того, повторил он фразу, которую, уходя, произнесла Монтгомери.

Эшгар, продолжавший сидеть в своем саркофаге, в очередной раз открыл глаза, хотел что-то спросить, но не стал. Его лицо все еще оставалось землисто-серым. Сделав над собой видимое усилие, он стал выбираться из камеры. Дитрих, заметив, что Гуранов еще не пришел в себя, помог ему перелезть через борт.

На табло общего оповещения внезапно вспыхнула надпись.

– Десять минут на общий сбор, – прокомментировал Иволгин, который находился ближе всех к экрану.

– Вечно Хоук куда-то торопится, – пробурчал Олег.

– Ну он-то имел время проснуться, – резонно объяснил Сергей. – Это мы второй сорт, не успел продрать глаза – иди вкалывай…

* * *

Капитан Хоук в этот момент уже находился в рубке управления.

Он тоже еще не вполне очнулся после низкотемпературного сна – глаза командира корабля закрывала мутная поволока, кожа была бледной, черты лица казались помятыми, будто он неделю только и делал, что беспробудно пил. Бортинженер «Спейсстоуна» Сергей Иволгин ошибся в своем последнем утверждении – как раз у капитана времени на раскачку обычно оказывалось еще меньше, чем у остальных.

Сейчас Хоук сидел за отдельным терминалом, расположенным чуть в стороне от овальных противоперегрузочных платформ, на которых возвышались ложементы с укрепленными на них креслами. «Спейсстоун» уже погасил большую часть своей околосветовой скорости и теперь двигался в пространстве относительно медленно.

Кораблем по-прежнему управляла автоматика, а капитан Хоук, прочитав сообщения бортовой киберсистемы, пристально вглядывался в стереообъем небольшого монитора, куда по его приказу бортовой компьютер транслировал записанное несколько часов назад изображение.

Вокруг на обзорных экранах рубки управления расплескалась необъятная бездна, состоящая из угольно-черных провалов пространства, лишь кое-где испятнанных призрачными островками пылевых туманностей. Это место именовалось Рукавом Пустоты, тут некогда обитали и гибли в противостоянии с Предтечами древние разумные расы; здесь на сотни световых лет не было, да и не могло быть ничего

человеческого, а сам Рукав Пустоты пользовался устоявшейся дурной славой гиблого места. И потому предмет, который заставил бортовой компьютер затормозить полет рудодобывающего комплекса, наполнил сознание капитана смятением и тревогой.

От рогатого, ощерившегося антеннами шара, видеоизображение которого медленно вращалось в координатной сетке локационной системы, исходило ощущение внезапно материализовавшейся вечности.

Этого не может быть, – думал Алан, глядя, как при вращении шара в фокусе умножителей проплывает его выщербленная временем, потемневшая, покрытая микрошрамами броня.

Шар поворачивался очень медленно.

Серия легких толчков мягкой дрожью пробежала по переборкам космического рудодобывающего комплекса.

– АРК[*] прикрытия стартовал, – сообщил голос бортовой киберсистемы, которая выполнила стандартную процедуру, выстрелив в космос пять десятков малых автоматических зондов.

Борт неизвестного спутника продолжал плыть в фокусе умножительной системы. На его закруглении вдруг обозначилась вдавленность букв.

Капитан Хоук не был готов к этому. Ощущение дрожи охватило его.

З… Е… М… Л…

Дрожь ползла, начинаясь под коленями, поднимаясь выше, вдоль позвонков, к затылку.

На обзорных экранах было видно, как автоматические корабли прикрытия перестроились, замыкая базовый корабль в сферический щит, – пятьдесят огоньков расползлись в пространстве и застыли, ожидая дальнейших приказов.

Хоук, подавшись к экрану, на некоторое время забыл о них, забыл обо всем, его взгляд был прикован к изображению шара. Глаза капитана «Спейсстоуна» посерели.

Буквы медленно вползали в поле зрения умножителей:

«А… Н… Т… Е… Й… – … 1… 2… 6… 4…»

Появись сейчас на экранах угольно-черное покрывало энтрифага[*] или голубоватый, приплюснутый на полюсах шар чудом выжившего в катаклизме времен Предтечи, наверное, Хоук был бы потрясен меньше. Его глаза видели, но разум отказывался верить в очевидность изображения. Откуда бы здесь взяться столь древнему, а главное, человеческому аппарату?! И ладно бы это оказалось какое-то судно времен галактических

войн или заблудший, полный мумифицированных призраков транспорт, потерявшийся в гиперсфере, покрывший бездну световых лет в «слепых рывках» по аномалии космоса, но не фотонный же реликт с древней Земли!..

Однако буквы на выпуклом выщербленном борту сигнального буя упрямо складывались воедино:

«ЗЕМЛЯ. АНТЕЙ-1264».

Кибернетическая система «Спейсстоуна», в памяти которой хранились опознавательные маркировки, коды и конструктивные особенности всех когда-либо исчезнувших кораблей, начиная с самых древних (такая унифицированная база данных являлась обязательной принадлежностью любого бортового компьютера), однозначно пыталась опознать данный объект…

Скулы Алана свело, словно он глотнул лимонной кислоты.

Невероятно…

Трудно было поспорить с реальностью обработанного компьютером изображения. В него оставалось только верить.

За спиной капитана тихо прошелестела пневматика дверей.

Он обернулся.

– Проблемы, Хоук? – осведомилась Яна, входя в рубку.

Ее непринужденный тон, словно они расстались только вчера и не было этих девятнадцати с половиной лет ледяного сна, позволил ему немного расслабиться.

– Похоже, что так, Монтгомери, – ответил он, с удовольствием отметив, как Яна едва заметно поморщилась от подобной фамильярности. Хоук знал – она ненавидит, когда кто-то обращается к ней по фамилии, но в этих мелочах, по мнению капитана, иногда и состояло ощущение жизни…

В принципе экипаж «Спейсстоуна» был достаточно сплоченным, сработавшимся коллективом. До отправки в этот долгий и скорее всего бесперспективный поиск «Спейсстоун», как и положено нормальной космической фабрике, много лет дрейфовал в поясе астероидов системы Онтарио, собирая заключенные в космических глыбах полезные ископаемые, рассортировывал, обогащал рудоносные породы, а затем, раз в несколько месяцев, по наполнении всех емкостей, огромный, неуклюжий корабль-фабрика возвращался в центр системы, где разгружался на заводах компании «Алтекс», чтобы затем снова отправиться в космос на три-четыре месяца. Кроме Эшгара и двух странных пассажиров, что продолжали сейчас спать в криогенных камерах, экипаж «Спейсстоуна» оставался неизменным на протяжении двух последних проведенных им в системе

Онтарио лет…

– Так что стряслось, Алан? – прервала Яна его мысли, присев в соседнее с капитаном кресло.

– Вот, посмотри сама. – Хоук переключил изображение на ее монитор.

Яна заинтересованно подалась к экрану.

От капитана не укрылся тот факт, что она слегка побледнела, прочитав текст бегущей по срезу экрана информационной строки.

Да, в их глазах это действительно походило на бред!..

Анализ энергетической активности данного реликта, а также проведенный бортовым компьютером подсчет микрошрамов на его броне однозначно показывали, что он находится в автономном дрейфе не более полувека…

– Он что, хочет сказать, что базовый корабль был тут не больше пятидесяти лет назад?!

Хоук сумрачно посмотрел на экран.

– Выходит, что так, – нехотя согласился он. Капитану никогда не нравились загадки подобного рода. Он был человеком прямым и практичным.

– Если этот «Антей» двигался с околосветовой скоростью, что тогда получается в его субъективном, бортовом времени? – Яна была удивлена и заинтригована…

– Что-то порядка шестисот бортовых лет, – совершив нехитрый подсчет, ответил Алан.

– С ума сойти…

– Вот именно, – мрачнея, согласился капитан. – Скорее всего, даже если это не бред, у него на борту в лучшем случае иссохшие трупы. А знаешь, чего нам будет стоить это холостое торможение?

– Представляю, – согласилась Монтгомери. – Влетит в копеечку, – вздохнула она. – Послушай, а это никак не связано с нашими дурковатыми пассажирами? Уж не его ли они ищут?

– Сомневаюсь, – покачал головой Хоук. – У меня на этот счет четкие инструкции от компании. Их следует разбудить только в том случае, если нами будет обнаружено нигде не зарегистрированное шаровое скопление звезд. – Он поднял глаза и пессимистично воззрился на обзорный экран, где в данный момент присутствовала одна чернота. Даже далекие звезды Галактики, находящиеся вне Рукава Пустоты, были сейчас скрыты плотными облаками пылевых туманностей, которые образовались на месте взорванных некогда звезд и за три миллиона лет расползлись в пространстве уродливыми пятнами. – Сильно сомневаюсь, что подобное

событие возможно в ближайшем обозримом будущем, – мрачно прокомментировал Хоук и оглянулся, заслышав шаги.

– Приветствую, капитан. – Дитрих пожал ладонь Алана и склонился к монитору, любопытствуя через плечо Яны. Она демонстративно отодвинулась.

– Забавно. – Миллер понял, что ему тут не светит, и уселся в свое кресло. Включив приборы, он некоторое время рассматривал древний сигнальный буй.

– Он приписан к Земле, – пояснила Яна. – Приблизительно двадцать второй век старого исчисления. Это еще до Экспансии, понял?

Она ждала какой-то реакции, но ошиблась – похоже, что на резервного специалиста «Спейсстоуна» данное обстоятельство произвело гораздо меньшее впечатление, чем на нее саму. В ответ на ее слова Дитрих лишь кивнул, потер подбородок и с обычной флегматичной невозмутимостью продолжал созерцать ощерившийся антеннами металлический шар, то увеличивая его изображение, то, наоборот, уменьшая его, будто такая смена масштабов имела какой-то смысл.

– За столько лет он вполне мог придрейфовать сюда, если, конечно, был сброшен на околосветовых скоростях? – наконец полуутвердительно изрек он, посмотрев при этом на командира экипажа.

Ни Монтгомери, ни Хоук не успели ответить на глубокомысленное предположение Дитриха – за их спинами опять раздалось шипение, и в рубке один за другим появились остальные члены экипажа «Спейсстоуна».

– Всем доброе утро, – хмуро пробурчал Олег, выглядевший совершенно нездоровым. Покрутив головой, он направился к нише бытавтомата. – Кто будет кофе? – осведомился бортинженер, нажимая кнопки.

– Двойной, без сахара, – поддержал его начинание Эшгар.

Иволгин был единственным из вошедших, кто молча подошел к Хоуку, крепко пожал его руку и тут же сосредоточил свое внимание на том мониторе, куда транслировалось снятое с умножителей изображение. От командира не укрылось, что, взглянув на экран, он напрягся, однако комментировать ничего не стал – только искоса глянул на Дитриха, который продолжал флегматично забавляться с сенсором масштабирования.

Пока шел этот обмен молчаливыми мнениями, Золотцев присоединился к остальным, протянув Эшгару пластиковый стаканчик с кофе.

Каждый из присутствующих в рубке вел себя по-разному: Олег и Эшгар были явно озабочены собственным хреновым самочувствием,

Миллер взирал на приборы с флегматичностью пресытившегося зеваки, и только, пожалуй, Сергей да еще Яна адекватно отреагировали на информацию.

За девятнадцать с лишним лет полета ледяной сон экипажа прерывался лишь дважды, и то по пустякам – так, пара незначительных астероидных глыб на подходе к Рукаву Пустоты. Здесь следует оговориться: эти два десятилетия реального, объективного времени имели место в базах данных бортового компьютера, но только не в сознании очнувшихся членов экипажа «Спейсстоуна». В их субъективном, личном времени с момента отбытия из системы Онтарио прошла от силы неделя, ознаменованная двумя короткими пробуждениями, и сейчас, несмотря на незаурядность ситуации, подчиненные капитана Алана Хоука взирали на экраны обзора с преступным равнодушием: сказывалась многолетняя привычка к нудным рейсам внутри населенной, цивилизованной системы. Они еще не понимали, что находятся в неизмеримой дали от ближайшей обитаемой планеты, в самых недрах злополучного Рукава Пустоты.

Эту пагубную иллюзию нужно было срочно разбить. Вдребезги.

Хоук лучше других понимал, что должно последовать дальше.

– По местам, – негромко скомандовал он.

Олег поперхнулся кофе и закашлялся.

Дитрих понимающе улыбнулся.

Эшгар поставил стаканчик на подлокотник и вопросительно посмотрел на командира.

Капитан Хоук, проигнорировав эти реакции, нажал сенсор активации противоперегрузочных ложементов. Тихо всхлипнули сервомоторы, и прозрачные лепестки-сегменты семи механических бутонов медленно раскрылись, освобождая доступ к заплетенным проводами и шлангами противоперегрузочным ложам.

Хоук знал себя, знал свой корабль и экипаж, а потому у него было одно неписаное правило – брать ситуацию в свои руки сразу же по пробуждении.

– Все, я сказал – работаем, – хмуро повторил он, предупреждая любые возможные реплики. – Кто еще не понял, объясняю – тут нет никаких ископаемых, мы вышли впустую и будем вынуждены освидетельствовать данный буй, после чего, вероятно, опять придется ложиться в криогенные камеры.

Новость была не из приятных.

По рубке пробежал стон разочарования, но спорить никто не решился – нрав Хоука знали все.

Реальность очередного пробуждения выглядела крайне неприятно. Теперь, после довольно резкого пояснения капитана, стало абсолютно ясно, что большая часть пути пройдена, но им так и не встретился обещанный Эльдорадо…

– Опять мы в полной… – Дитрих добавил что-то нечленораздельное, направляясь к своему противоперегрузочному устройству.

Обычно экипаж «Спейсстоуна» во время неторопливых маневров в поясе астероидов, где до этого дрейфовала фабрика, работал в разных отсеках за обычными терминалами, без какой-либо дополнительной защиты. Перегрузки при плавном переходе от одной астероидной глыбы к другой были минимальными, неощутимыми, да и подобные незначительные маневры, как правило, совершала автоматика.

Теперь все выглядело несколько иначе.

Те конструктивные дополнения, которые были внесены в управление «Спейсстоуном» для полетов в пространстве с околосветовыми скоростями, потребовали как переподготовки его экипажа, так и изменения некоторых ставших уже традиционными на борту помещений.

Пока они выясняли ситуацию, «Спейсстоун», компьютер которого прервал режим торможения ради спокойного пробуждения хрупких и невосприимчивых к перегрузкам людей, продолжал удаляться от обнаруженного радиобакена, каждую секунду преодолевая порядка ста тысяч километров.

Лучше других это видел и понимал капитан.

Желая подать пример, Хоук первым занял свое место на противоперегрузочном ложементе. Это была сложная амортизационная конструкция, уходящая глубоко в недра корабля. Кресло, в котором сидел человек, являлось лишь макушкой механизма, призванного сгладить, компенсировать влияние действующих на корабль перегрузок.

Шея капитана коснулась подголовника, и это незначительное нажатие активировало встроенные в систему ложемента сенсоры. С обоих боков кресла с тихим ноющим звуком приводов поднялись усеянные кнопками подлокотники, мягко, будто змеи, проскользнули страховочные ремни, сверху, удлиняя штанги, опустились приборные панели.

Остроугольные, изогнутые, будто лепестки, прозрачные сегменты противоперегрузочной камеры пришли в движение, смыкаясь вокруг него. Влажно чавкнул уплотнитель, и все посторонние звуки стихли.

Хоук поправил коммуникатор.

– Доклад по постам, – потребовал он.

– Навигатор – готов, – раздался голос Раевской.

– Пилот – готов. – Это была Яна.

Затем на несколько секунд в системе связи установилась тишина.

– Инженерная поддержка? – резко потребовал доклада Алан.

– Здесь, – пыхтя ответил Иволгин, который только успел добраться до инженерного отсека.

– Доложи как положено!

– Инженерный пост – готов! – с вызовом и обидой в голосе произнес Сергей.

– Еще раз замечу подобное, получишь взыскание в статью премиальных выплат, – пообещал Хоук. – Жизнеобеспечение?

– Готов! – резво отозвался Золотцев.

От второго пилота, дубль-навигатора и резервного специалиста доклады поступили в виде подтверждающих готовность зеленых огней, которые зажглись на панели перед Хоуком.

Алан протянул руку, касаясь покрытых текстоглифами сенсоров.

– Мы на противоположном от обитаемых миров краю Рукава Пустоты, – продолжая включения, произнес он. – Поздравляю всех с удачным возвращением из низкотемпературного сна. – Он мысленно усмехнулся, представив себе кислые лица части экипажа. – Нами получен сигнал от некоего радиобакена. Вот послушайте… – Он коснулся сенсора воспроизведения, и на частоты связи вдруг ворвался шорох несущей волны, вслед за которым возникло ритмичное попискивание и треск. Это звучал компьютерный язык закодированной передачи с борта обнаруженного в пространстве объекта.

– Кто-нибудь в состоянии его понять? – выдержав небольшую паузу, осведомился Алан.

– Слишком древний код, – буркнул в ответ Иволгин. – Такими уже не пользуются.

Хоук кивнул, хотя никто из экипажа не мог видеть этого жеста.

Чтобы расшифровать сигнал, принятый в эфире, проще всего было завладеть его источником. Лучше всех должен был понимать это Сергей, который являлся специалистом в области кибернетики. Компьютерная система, управляющая работой выброшенного в космос шара, могла поставить достаточно информации для того, чтобы на основании ее анализа расшифровать текст передачи.

«Это как с мертвыми языками, – подумал капитан. – Когда-то на них говорили сотни тысяч человек, теперь же, если ты не специалист в области древних знаний, не поймешь ни буквы, как ни старайся. С той лишь разницей, что языки народов мира умирали и обновлялись на протяжении

тысячелетий, а компьютерные технологии и связанные с ними специфичные языки могли бесследно кануть в Лету буквально в течение двух-трех десятков лет…»

– Очень хорошо. Значит, нам остается одно – исследовать его при непосредственном контакте, – подытожил свои мысли Хоук.

…Через несколько минут конструкция «Спейсстоуна» подсветилась частыми вспышками дюз коррекции, и огромный комплекс начал медленно описывать в пространстве плавную дугу, постепенно выходя на обратный курс, который должен был привести его к дрейфующему в космосе радиобакену.

* * *

– Планетарный привод активирован… Режим торможения… Десять секунд… тринадцать… пятнадцать…

– Есть контакт с объектом. Дистанция – пять миллионов километров.

– Зона сближения свободна. Препятствия в эклиптике не обнаружены.

Хоук молча слушал доклады, одновременно наблюдая, как сетчатая плоскость, означавшая условную эклиптику движения «Спейсстоуна», медленно поворачивается внутри шарообразной компьютерной модели окружающего их пространства. Позиция дрейфующего в космосе радиобакена была отмечена внутри этой сферы алым мигающим маркером, автоматические корабли прикрытия – ярко-изумрудными точками, сам же рудодобывающий комплекс постоянно находился в центре этой динамичной виртуальной схемы. Плоскость его полета, показанная в виде зеленой координатной сетки, еще некоторое время поворачивалась, пока алая точка не совместилась с ней.

– Объект в плоскости полета, – доложил Дитрих. – Дистанция четыре с половиной миллиона километров.

– Коррекция курса окончена, – поддержала его Яна. – Командир, я могу задействовать автопилот сближения?

– Да, – ответил Алан. Он посмотрел на точки, означавшие позиции АРК. Те из них, что следовали впереди «Спейсстоуна», уже вплотную приблизились к радиобакену и вот-вот должны были миновать его.

– Автопилот сближения включен. Страхую ручным режимом. Отклонений в работе автоматики нет.

– Объект внутри сферы оцепления. Аномалии не зафиксированы.

Алан продолжал напряженно следить за показаниями множества окружавших его приборов.

На экранах телескопического обзора появилась яростная аура – это

автопилот сближения форсировал тормозные двигатели. «Спейсстоун» стремительно терял скорость, совершая маневр, при котором без должной защиты людей бы попросту раскатало в блин.

Неизвестно, что ощущали в этот момент остальные члены экипажа, но Алан, почувствовав, как его ложемент начинает медленно, едва ощутимо «тонуть», сантиметр за сантиметром вдавливаясь в пол, невольно посмотрел на индикатор перегрузок.

Световой столбик дрожал, медленно карабкаясь вверх. Он уже пересек красную черту, что означало – жизнь вне защитных механизмов практически невозможна. Ложементы продолжали свое медленное, едва ощутимое движение, а под ними, в недрах корабля, сейчас сжимались поршневые столбы компенсаторов, забирая на себя ту силу, которая в других условиях не оставила бы в телах людей ни одной целой косточки.

– Вошли в визуальный контакт с объектом. Критическая фаза торможения закончена.

Из мрака выскочила небольшая тусклая точка.

За несколько секунд она превратилась сначала в горошину, потом стала похожа на теннисный мячик, у нее обозначились крохотные усики антенн…

Неистовая аура вокруг «Спейсстоуна» истончилась, погасла.

Теперь корабль величественно плыл в пространстве.

– Начинаю сканирование, – предупредил по связи Иволгин. Его голос был хриплым. Очевидно, кибернетику тоже нелегко далось первое реальное знакомство с режимом экстренного торможения, при котором корабль в течение десяти-пятнадцати минут не только покинул зону околосветовых скоростей, но и полностью погасил свою чудовищную инерцию, практически остановившись.

Перед Аланом на одном из резервных мониторов появилось изображение ощерившегося антеннами шара, на который сейчас было направлено проникающее излучение сканирующих систем.

По изображению объекта, стирая непрозрачность его выщербленной, потемневшей от времени брони, проползла объемная полоска желтого света.

Обшивка зонда исчезла, и на экране появилось изображение его внутреннего устройства.

Пульсирующий источник питания, схемы волнового передатчика, несколько распознанных сканером процессорных блоков компьютерной системы – ничего необычного, выходящего из ряда вон или вызывающего подозрение… Обыкновенный радиобуй, если не брать во внимание его

древность.

– Установлен контакт с внешним портом обмена данными, – доложил Сергей. – Сейчас работает автономный терминал. Главная кибернетическая система корабля изолирована от информационного соприкосновения.

Хоук ощущал, как растет внутри напряжение.

Пауза, возникшая, пока шел анализ конфигурации древнего компьютера и устанавливался контакт с ним, затягивалась. Люди, заключенные внутри противоперегрузочных камер, вынуждены были ждать, глядя на экраны и томясь неизвестностью. Работал только Иволгин.

Наконец он пробурчал что-то себе под нос, и на четырех терминалах рядом с картами навигационных систем внезапно возникла еще одна, совершенно непонятная на первый взгляд схема.

– Это его содержимое, – скупо пояснил Сергей. – Больше никакой полезной информации нет.

Алан некоторое время рассматривал двухмерный рисунок, изображавший схему, состоящую из двух десятков звезд, произвольно выхваченных из контекста более широкой карты звездного неба. Тонкая нить, очевидно, изображавшая курс, тянулась к ним, петляла вокруг семи светил и выходила на вытянутый эллипс вокруг восьмой звезды.

– Влада, твое мнение? – обратился он к навигатору.

– Карта очень старая. Такими принципами нанесения информации на двухмерную плоскость не пользуются уже почти тысячу лет. Она рождена в ту пору, когда вся навигация писалась для внутрисистемных кораблей, летавших в плоскости эклиптики Земли. Очевидно, что цифры около звезд – это их реальные пространственные координаты относительно данной плоскости, но их значение мне непонятно. Боюсь, они окажутся полностью несовместимы с нашими базами данных.

– То есть ты не можешь сказать, где это находится?

– Сейчас нет. Необходимо время. Но два вывода я сделать могу: во-первых, исходя из звездной плотности на схеме данный участок пространства выхвачен из какого-то скопления, вероятнее всего, не рассеянного, а шарового. А во-вторых, если нить курса описывает движение некоего корабля, то он практически лишен возможности маневрировать и тормозит, используя гравитационные поля звезд.

– Это все?

– Пока что да. Я попытаюсь перевести данное изображение в объем и, возможно, тогда смогу сказать точнее. – Она искоса посмотрела на обзорные экраны, где по-прежнему пребывали лишь пустота и мрак. – Хотя сомневаюсь, что от этих исследований будет какой-то толк, – добавила

Яна. – В любом случае это не здесь…

– Хорошо. – Хоук на миг задумался, глядя на схему, а потом объявил: – Всему экипажу – два часа на отдых. Дежурить в рубке остается Монтгомери. Ее сменит Дитрих. О дальнейшем графике объявлю позже.

– Извините, капитан, это означает, что беспилотный поиск окончен? – осторожно осведомилась Влада.

Хоук повернулся, глядя, как начал раскрываться противоперегрузочный бутон ее камеры.

– Думаю, да, – ответил он. – «Спейсстоун» провел в автоматическом режиме девятнадцать лет, и его системы нуждаются в проверке.

– Что-то непохоже на окраину Рукава… Верно? – Это произнес Дитрих, который не отрываясь смотрел в расплескавшуюся вокруг черноту. – Или я чего-то не понимаю?

– А кто сказал, что по ту сторону должны быть звезды? – в свою очередь, задал вопрос Эшгар. – Я что-то не слышал о кораблях, пересекавших Рукав.

Хоук молча слушал их реплики и невольно начинал задавать самому себе те же самые вопросы.

Откуда взялось это расхожее мнение, что Рукав Пустоты можно пересечь за двадцать световых лет? И где те самые созвездия, что были ясно различимы по ту сторону Пустоты, когда «Спейсстоун» только начинал свой поиск?

У капитана явно было над чем поломать голову, прежде чем принять окончательное решение относительно дальнейшей фазы полета.

ГЛАВА 7.

Борт рудодобывающего комплекса «Спейсстоун». То же время…

Каюты жилой палубы «Спейсстоуна» занимали места меньше, чем любой из постов огромного комплекса.

И тем не менее Хоук не испытывал дискомфорта. Ему было сорок пять лет, и двадцать восемь из них он провел в космосе, начав свою карьеру астронавта семнадцатилетним юношей на одном из каботажных судов компании, так что теснота рабочих и жилых помещений не вызывала у него ни раздражения, ни протеста – Алан настолько привык к ним, что не мыслил себе ничего другого. А вот пребывание на планетах или больших современных орбитальных станциях вызывало у него мгновенное чувство потерянности.

Он не любил ощущать себя песчинкой, одним из миллиарда существ, копошащихся вокруг. Он привык к уютной тесноте помещений и безграничности космоса, привык к собственной значимости и нужности… Пусть даже эта значимость и ограничивалась палубами огромного давным-давно выработавшего свой ресурс корабля.

В этом заключалось принципиальное отличие образа мыслей капитана Хоука от всего остального экипажа «Спейсстоуна» – он не ощущал себя неудачником.

Сейчас, войдя в каюту, он все еще был возбужден недавними событиями.

Его решение прервать беспилотный режим было продиктовано прежде всего здравым смыслом.

Капитану все больше начинало казаться, что затея со свободным поиском в Рукаве Пустоты потерпела сокрушительное фиаско. Похоже, плановый отдел компании допустил существенный промах, пойдя на поводу у бытующего мнения, что Рукав Пустоты набит останками древнего катаклизма.

На самом деле это место всеми силами старалось оправдать собственное название – они пересекли весь Рукав, и что? Никаких блуждающих планет, останков, ничего… ПУСТОТА…

Хоук прилег на койку, подложив руки под голову.

Он честно попытался уснуть, но не тут-то было – из головы никак не шел этот странный навигационный буй и совсем уж абсурдная карта

звездного неба…

Через некоторое время, отчаявшись уснуть, Хоук резко сел.

Уж не об этом ли шаровом скоплении звезд его предупреждали перед стартом «Спейсстоуна», передавая капитану двух чокнутых пассажиров и их космический корабль, который в данный момент был запаркован в одном из ангаров комплекса?

Эта мысль наполнила Хоука смутной тревогой.

Ему совершенно не нравились подобные загадки.

Разбудить в случае достижения определенной точки пространства или если вдруг будет обнаружено некое шаровое скопление звезд, – по памяти воспроизвел он строки хранящегося в бортовом компьютере контракта. – Интересно, можно ли истолковать эту звездную карту как ОБНАРУЖЕНИЕ шарового скопления? – мысленно спросил сам себя Хоук. – Было бы любопытно разбудить их и задать парочку интересных вопросов…

Капитан вновь откинулся на подушку, пытаясь угомонить свое воображение, но его очередную попытку уснуть внезапно прервал сигнал интеркома.

Резко сев, Хоук посмотрел на панель системы внутренней связи и понял, что поспать ему все равно бы не дали, – вызов из ходовой рубки, где на вахте осталась Монтгомери, был сигналом тревоги и общего сбора одновременно.

* * *

В отличие от Хоука Яна Монтгомери не находила свою жизнь удовлетворительной.

Пока «Спейсстоун» совершал рейсы внутри системы Онтарио, медленно перемещаясь от одного астероида к другому, она была относительно довольна своей работой, но новость о том, что рудодобывающий комплекс хотят запустить в Рукав Пустоты, буквально ошеломила ее.

Жаль было расставаться с приличной зарплатой и сложившимся укладом жизни, но засыпать на неопределенное количество лет она не собиралась.

Однако жестокая действительность быстро поставила ее на место – помыкавшись по разным офисам, Монтгомери вдруг поняла, что пилотов ее квалификации в перенаселенной промышленной системе хватало с избытком… И она внезапно очутилась перед крайне неприятным выбором: согласиться на предложенные компанией условия или же стать безработной.

Немного подумав, она рассудила так: Рукав Пустоты, в конце концов, ничем не хуже любого иного места, а что до криогенного сна, то он оставлял слабую надежду – вдруг мир за время их отсутствия изменится в лучшую сторону? Ну, хоть немного?..

Смешно, конечно… Она отложила в сторону подвернувшийся под руку номер ежемесячного обозрения «Все Миры» (журнал был девятнадцатилетней давности и теперь, наверное, стал раритетом), зевнула, посмотрела на приборы и, не обнаружив ничего предосудительного в их показаниях, потянулась за остывшим кофе.

Спать хотелось жутко.

Допив мутную коричневатую жижу, которая могла именоваться древним напитком только на борту такой чертовой лохани, как их рудодобывающий космический комплекс, она, чтобы не думать о сне, откинулась в кресле, рассеянно глядя на огромные панорамные экраны обзора.

Рукав Пустоты, про который она только что читала в старом номере «Все Миры», растекся вокруг их корабля бесконечной чернильной кляксой. Откровенно говоря, Яне не нравилось это место, но не потому, что здесь три миллиона лет назад происходили известные теперь драматические события, а просто оттого, что ни один навигатор или пилот, пребывающий в здравом уме, не может любить место, где нет никаких звездных ориентиров, а бесхозные планетоиды бродят в пространстве сами по себе, описывая ведомые только им орбиты вокруг каких-то не поддающихся вычислению точек.

Собственно, в охоте за такими блуждающими объектами и заключался первоначальный смысл их полета. Конечно, она вполне могла понять мотивы стоящих у кормила компании чиновников, – долгое время Рукав Пустоты являлся закрытой, запретной территорией, которая бдительно охранялась кораблями Патруля развалившейся недавно Конфедерации Солнц. Про это место ходило больше слухов, чем имелось достоверной информации.

Яна вполне обоснованно подозревала, что «Спейсстоун» отправили сюда для очистки совести, из элементарного нежелания оказаться последними в очереди, если в этом загадочном месте действительно обнаружатся какие-то пригодные для разработки месторождения. Тем более что космический комплекс уже давно отслужил свое и его потеря в любом случае не опечалила бы управляющих «Алтекса».

Она вздохнула, потягиваясь.

В рубке управления было тихо. Прозрачные перегородки тактических

навигационных карт, возвышающиеся между ложементами, делили помещение на несколько рабочих мест. Сейчас противоперегрузочные камеры были пусты, а на рабочих консолях ровно горели индикаторы резерва.

Яна, утомленная долгой вахтой и вынужденным бездельем, поджала ноги, поуютнее устроившись в кресле, взглянула на бортовой хроно и, протянув руку, отжала клавишу записи бортового журнала.

– Два часа ноль минут, восемнадцатое июля 3794 года, – произнесла она. – Двигаемся перпендикулярно условной оси Рукава. Все бортовые системы в норме, скорость – одна десятая световой. Материальных объектов в зоне действия радаров нет. Запись произвела дежурный пилот Монтгомери.

Отпустив клавишу, она с тоской посмотрела на кипу потрепанных, сто раз перечитанных журналов и потянулась было к панели бытавтомата, чтобы заказать себе еще одну порцию того эрзаца, который в меню гордо именовался как «кофе», но в этот момент, опровергая только что сделанную ею запись, в сонной тиши рубки управления пронзительно взвизгнул сигнал поискового радара.

Сонную апатию как рукой сняло.

Яна резко выпрямилась, с живым интересом посмотрев на дисплей масс-детекторов.

Объект, который зацепил луч поискового сферорадара, располагался в стороне от курсовой нити их массивного, неповоротливого корабля.

Судя по отраженному сигналу, это был целый рой мелких астероидных обломков, собравшихся в небольшое облако и двигавшихся собственным курсом.

Пальцы Яны пробежали по сенсорам пульта, активируя первую линию защиты корабля, а заодно силовую ловушку.

Луч сферорадара закончил очередной цикл, и снова в рубке коротко взвизгнула сирена.

На этот раз сигнал оказался четче. Яна увидела, как за роем разрозненных обломков проступил гораздо более крупный сигнал – малиновое пятно неопределенной формы медленно гасло на мониторе, и Монтгомери вдруг поняла, что данный объект по своей массе уже сравним не с астероидом, а с небольшой планетой.

Вот это удача!.. – с радостным возбуждением подумала она, с замиранием сердца ожидая повторного сигнала.

Точно, планета!

Матерь божья, как же тебя разворотило, бедную…

– Капитан?

В интеркоме что-то зашуршало, затем раздался звук опрокинутого стакана и невнятное ругательство. Алан Хоук, судя по всему, спал, и сигнал внутрикорабельной связи разбудил его.

– Слушаю… Что случилось? – наконец раздался его хриплый голос.

– Хоук, у меня сигнал, – не скрывая торжества в голосе, сообщила Яна. – Компании придется раскошеливаться на премиальные. Масс-детекторы определяют планету в окружении роя астероидных обломков, но форма у нее какая-то странная.

– Хорошо, сейчас иду…

Яна, которая за время разговора с капитаном уже окончательно поверила в посетившую ее удачу, коснулась пальцем очередной кнопки, и по общекорабельной сети зазвучал хорошо знакомый мягкий голос бортовой кибернетической системы:

– Внимание экипажу! Всем занять места по штатному расписанию. Повторяю…

* * *

Два инженера-техника «Спейсстоуна» Олег Золотцев и Сергей Иволгин ладили между собой гораздо лучше, чем каждый из них, взятый по отдельности, с остальным экипажем, но это кажущееся единение не мешало им испытывать характеры друг друга постоянным критическим несовпадением жизненных взглядов.

Действительно, что могло быть общего между ними?

Олег, в данный момент стоявший в широком магистральном коридоре, задрав голову к укрепленной на стене панели интеркома, являл собой образец человека, давно оказавшегося на обочине жизни, а в частном случае Золотцева, наверное, не на обочине, а в прилегающей к ней канаве, так будет сказать вернее и правдивее. Свое прозвище – «декодер» Олег получил не от способностей к компьютерному кодированию, а от совершенно иного по смыслу, но созвучного слова декаданс, ярче всего характеризовавшего его натуру и часто употребляемого им в стихах, которые Олег писал с той же легкостью, с какой ремонтировал бортовые системы.

В отличие от него второй техник корабля – Сергей Иволгин, который в данный момент появился в противоположном конце того же самого коридора, – не производил впечатления неудачника. Среди экипажа его за глаза называли просто «умный», а Яна, когда несостоявшийся профессор ядерной физики начинал уж слишком сильно доставать ее, звала менее

уважительно – «гнус». Какое из двух прозвищ более соответствовало действительности, понять было сложно.

Дело в том, что Сергей действительно имел диплом физика-ядерщика и был человеком организованным, консервативным, а в вопросах, касающихся техники, – педантичным до некоторой степени занудства. При этом он был малотребователен к условиям существования на борту, являлся хорошим и отзывчивым товарищем. Единственный его недостаток заключался в том, что Сергей любил пускаться в пространные пояснения по любому обращенному к нему поводу, за что и получил свое первое прозвище.

Сейчас, поравнявшись с Олегом, продолжавшим пялиться на дисплей интеркома, Сергей понял, что тот находится в явном затруднении. Глаза Золотцева, чуть покрасневшие и припухшие, имели характерный нездоровый блеск.

И когда только успел?!. – подумал Сергей, покачав головой. Ругаться уже было бессмысленно, и он молча подтолкнул Олега в правый коридор по направлению к планетарному модулю.

– Пошли, горюшко, – беззлобно произнес он. – Давай шевели ногами, пока Хоук ничего не заметил.

* * *

Капитану в данный момент было не до Золотцева с его выходками.

Сейчас он энергичным шагом вошел в рубку управления, по привычке окинул беглым взглядом экраны обзора, машинально кивнул Яне и, уже опускаясь в кресло своего ложемента, отрывисто спросил:

– Ну, что мы тут имеем?

– Похоже на планету, – произнесла Монтгомери, формально передавая вахту, что выразилось в прикосновении пальца к нужному сенсору. Теперь все наиболее важные команды могли быть отданы только с терминала, расположенного перед капитаном Хоуком.

– Думаешь, нам повезло? – В голосе Алана сомнение делилось пополам с надеждой. Его взгляд, прикованный к экрану масс-детекторов, выражал примерно то же самое.

Лишь бы это не оказалось простой глыбой камня или куском космического льда…

Данные масс-детекторов обнадеживали, но капитан знал – говорить о чем-то всерьез можно будет только после первых геологических проб с поверхности обнаруженного в пространстве космического тела.

Пока он разглядывал смазанное пятно неправильной формы, которое

окружали более мелкие пятнышки астероидных обломков, в рубке управления появилась неразлучная парочка: Эшгар Гуранов и Влада Раевская. К некоторому раздражению окружающих, они не считали нужным скрывать своих близких отношений, а потому были отгорожены от остального экипажа как бы тонкой пленкой из прозрачного сталепластика – в тесном кругу собранной силой обстоятельств космической семьи такое постоянство относилось скорее к разряду эгоистических пороков, нежели к добродетели.

Хоук покосился на вошедших, кивнул и отжал клавишу общей связи:

– Планетарный модуль, вы готовы?

– Да, капитан, – раздался в интеркоме лаконичный ответ Сергея.

– Хорошо… Дистанционная?

– Я на месте, – ответил Дитрих, в данный момент занявший место в блистерной башне «Спесстоуна», откуда должен был по мере возникновения такой необходимости дистанционно управлять геоpазведывательными машинами.

– Хорошо, тогда начинаем.

* * *

Огромная, разнесенная по трем пространственным осям, неповоротливая глыба космической фабрики осветилась неравномерными вспышками корректирующих дюз.

Благодаря произведенному накануне экстренному торможению им уже не нужно было повторять данный маневр, но скорость в триста километров в секунду, с которой сейчас двигался «Спейсстоун», все же не подходила для благополучного рандеву с обнаруженной массой космических обломков. При столкновении на такой скорости даже обычный метеорит размером не больше кулака мог произвести разрушения, сравнимые с ударом ядерной боеголовки в несколько килотонн.

– Начинаем петлю. – Голос Хоука, как обычно, был сух и спокоен.

– Принято. – Пальцы Гуранова забегали по сенсорам пульта. При этом второй пилот умудрился украдкой покоситься на Владу. Их роман, похоже, достиг своего апогея, и Эшгар попеременно то досадовал, то радовался внезапно подвалившей работе. С одной стороны, это хорошо – еще пару недель как минимум они не успеют наскучить друг другу, а с другой…

– Расчетные данные, – прервал его мысли голос Яны Монтгомери. – Проснись.

Эшгар вздрогнул, мрачно вперившись в монитор.

Эта сучка просто завидует нам…

– Внимание, коррекция правого борта… Включаю генераторы защитного поля.

– Дистанция по данным масс-детекторов – три миллиона километров.

– Коррекция оси курса… Минус два градуса… Три… Пять… Стоп! Двигатели ориентации в автоматический режим поправок!

– Планетарный модуль, что у вас? Где данные по обстановке? – На этот раз в голосе капитана прорвалось раздраженное нетерпение.

– Плотность высокая, сэр! – раздался ответ по интеркому. – Более центнера массы на кубический метр. Визуального контакта пока что нет, но, похоже, там такая каша на близких орбитах…

– Мне нужны данные безопасного курса, – оборвал Иволгина капитан. – Свои соображения доложишь позже.

– Да, сэр… – Сергей разочарованно вздохнул. Никогда ему не дают высказаться до конца.

…Через некоторое время громада «Спейсстоуна» сошла со своего прежнего курса и, подталкиваемая частыми вспышками корректирующих дюз, начала доворачивать к обнаруженному в пространстве полю астероидных обломков, в центре скопления которых, судя по показаниям масс-детекторов, находилось нечто бесформенное и огромное, похожее на планету…

* * *

В планетарном модуле, который располагался под сферическим вздутием обшивки основной неотделяемой части «Спейсстоуна», обстановка складывалась менее напряженно, чем в ходовом отсеке управления.

Сергей сидел за подковообразным пультом, изредка бросая хмурые, недоброжелательные взгляды на своего напарника, который, утонув в кресле, пил контрабандное пиво из жестяной банки.

– Ну что ты смотришь на меня? – с мучительным стоном спросил Олег, перехватив очередной взгляд Сергея.

Иволгин изогнулся в кресле, достав до переключателя на соседнем пульте, и укоризненно сказал:

– Олег, кончай придуриваться, работать надо.

Золотцев, в свою очередь, укоризненно посмотрел на него, а потом с видом мученика уцепился за край пульта и подтянул себя вместе с креслом на рабочее место.

– Меньше пей, – в ответ на его взгляд заметил Сергей.

– Ну ладно… – Олег положил дрожащие пальцы на клавиатуру

терминала. – Очередная помойка? – осведомился он.

Иволгин пожал плечами.

– Сейчас увидим, – философски произнес он, заметив, что на панели оптических умножителей наконец загорелся зеленый индикатор.

Коснувшись сенсора, он посмотрел на осветившийся экран и онемел.

– Ух ты… Сплошной андеграунд!.. – вырвалось у Олега.

Точнее термина, наверное, было не придумать.

В темных глубинах стереоскопического экрана действительно возникло нечто, на первый взгляд напоминающее бредовые творения художников-авангардистов.

…Огромное поле растянувшихся в виде кольца астероидных обломков окружало некое образование, которое с большой натяжкой можно было обозначить термином «планета», но скорее не по форме, а лишь по тем гравитационным данным, цифры которых застыли в правом нижнем углу экрана.

Если использовать привычную терминологию, то это образование, наверное, когда-то было планетой, но сейчас изумленным взглядам Сергея и Олега предстала картина чудовищных по своим размерам протуберанцев, исходивших от не различимого глазом центра и тянувшихся в разные стороны застывшими на века выбросами магматических пород…

Сергей машинально изменил масштаб изображения, и картинка застывшего катаклизма приблизилась, укрупнилась, показав впечатляющие подробности происшедшей тут миллионы лет назад катастрофы.

– Включи инфракрасную подсветку, – хриплым от волнения голосом посоветовал Олег.

Мощные инфракрасные прожектора «Спейсстоуна» ударили во мрак незримыми, проникающими на десятки тысяч километров лучами, и в их спектре смутная картинка парящих в космосе глыб волшебно изменилась – она стала четкой и контрастной…

Массивные обломки погибшей планеты медленно и вальяжно перемещались в пространстве, беззвучно сталкиваясь друг с другом. Их движение не было хаотично: оно подчинялось некой системе, которую, проследив за движением астероидных глыб, можно было назвать «течением». Все обломки, начиная от тысячетонных исполинов и заканчивая мелкими камушками, медленно плыли в одном направлении, плавно огибая совершенно фантастическое образование, состоявшее из причудливо переплетенных между собой висячих мостов лавовых выбросов, которые образовывали не поддающиеся описанию пространственные фигуры, напрочь лишенные острых углов. Это была

бесконечная, сотни раз свернутая и переплетенная синусоида, чьи плавные изгибы соединялись между собой парящими в пространстве сталагмитами…

Сергей, кое-как оправившись от потрясения, переключился на ходовую рубку:

– Капитан, посмотрите на это…

Олег, у которого картина вселенского катаклизма вымела из головы остатки хмельной дури, переключал диапазоны масс-спектрографов «Спейсстоуна», ошеломленно комментируя их показания себе под нос:

– Молибден… Ванадий… Хром… Сетрециум. – Он оторвал взгляд от окошка, куда выводились данные анализа, и тихо спросил без обычной иронии в голосе: – Сергей, этот прибор хочет сказать, что мы миллионеры, да?

ГЛАВА 8.

Рукав Пустоты. Борт рудодобывающего комплекса…

– Металл… Кругом металл! Элементы в чистом виде, почти без примесей! – Эшгар Гуранов ощущал, как дрожит его голос, но даже не пытался унять перехватывающих горло эмоций.

«Спейсстоун» уже приблизился к своей находке на дистанцию в пять тысяч километров и теперь огибал невероятное образование, двигаясь по орбите, чуть выше астероидного кольца обломков.

Хоук смотрел на экраны, нервно разминая пальцами свой квадратный подбородок.

Он хотел, но не мог разделить общего восторга экипажа.

Работа у него была такая – в любой ситуации сомневаться, думая не только о разбросанных в космосе миллиардах, но и о безопасности корабля… Хотя в этот раз он на какой-то момент тоже потерял голову, увидев показания спектрометров…

– Разве так взрываются планеты? – наконец высказал он одной фразой все свои подспудные сомнения.

– А как они взрываются, капитан? – в наступившей тишине удивленно переспросил Гуранов.

Да, этого, слава богу, никто не знал.

– Я хотел сказать, разве могут быть такие чистые выбросы? – Капитан кивком указал на дисплей спектрографа. – Я знаю о месторождениях очень много и в принципе могу допустить наличие отдельных самородков, даже величиной с астероид, но здесь сотни тысяч тонн разных элементов, и все в относительно чистом виде…

– А как насчет того, что элементы разной удельной плотности кипят в магматических слоях планет на разной глубине? – осторожно осведомилась Влада.

– Они не кипят, – недовольно поморщившись, поправил ее Хоук. Влада, по его мнению, была неплохим навигатором, но капитана покоробило ее показное невежество в вопросе планетарной геологии. – Это абсолютно неверно, так же как и утверждение, что в недрах планет элементы разделены по группам. – Он вновь перевел взгляд на показания приборов. – Термин «магма» в переводе с одного из языков древней Земли означает «тесто», – пояснил он. – В недрах планет элементы находятся под

очень высоким давлением и образуют вязкую раскаленную массу, которой не дает кипеть и распадаться на отдельные элементы действующее на нее давление.

– А как тогда быть с месторождениями? – обиженно надулась Влада, но ее мимика и тон не произвели впечатления даже на Эшгара, которого, похоже, уже лихорадило от тех перспектив, что рисовало второму пилоту его богатое воображение.

– Месторождения ископаемых – это, конечно, продукт извержений, – терпеливо ответил Хоук. – Когда магма находит себе путь из недр планеты наверх, например через жерло вулкана или трещину в планетной коре, то давление, которое она испытывает, резко снижается, что позволяет ей закипеть, а затем, в процессе остывания, из нее путем кристаллизации начинают выделяться различные элементы…

Хоук говорил, глядя на экраны, и начинал понимать, что его собственные слова входят в противоречие с тем изображением, что рисовали камеры оптических умножителей.

– Если же лава остывает очень быстро, из нее ничего не успевает выделиться, и тогда образуется вулканическое стекло, – уже для себя вслух произнес он.

Яна была первой, кто верно истолковал его слова.

– Я не вижу тут никакого стекла.

– Вот именно, – мрачно подтвердил Хоук. – Хотя при взрыве планеты продукты ее раскаленного ядра должны остывать очень быстро… И в любом случае магма в основном состоит не из металлов. За редким исключением добрую ее половину составляет окись кремния, которая при кристаллизации дает нам различные виды скальных пород типа гранита…

– Но тут полно каменных обломков, капитан! – произнес Эшгар. – Целый астероидный пояс!

Хоук покачал головой, что-то прикидывая в уме.

– Ладно, – наконец произнес он. – Начинаем стандартную процедуру расстыковки. Там разберемся, что к чему…

* * *

Процедура расстыковки выглядела впечатляюще.

Сейчас пространственный рудодобывающий комплекс был сориентирован так, что над футуристическими останками планеты, застывшими в виде причудливых, переплетенных между собой выбросов, парила конструкция, которую при известной доле воображения можно было принять за многокилометрового угловатого морского ската с

толстыми «крыльями» и коротким, раздутым на конце хвостом.

Внезапно по броне «Спейсстоуна» замелькали неяркие вспышки.

– Есть отстрел… Замки отошли… Разделение… Два метра… Пять…

Вся хвостовая часть конструкции, вздрогнув, отделилась от основного модуля, и теперь зазор между двумя частями космического комплекса рос, увеличиваясь с каждой секундой, прямо на глазах превращаясь в пропасть…

– Хорошо… – Хоук посмотрел на показания приборов и скомандовал: – Правая платформа… Отстрел!

– Есть отрыв!

Одно из «крыльев» площадью в несколько квадратных километров отделилось от основного модуля и, медленно вращаясь, поплыло своим курсом. Через некоторое время его осветили вспышки собственных дюз, сначала замедливших вращение, а затем и вовсе остановивших его, так что продолговатая платформа зависла над поясом бесформенных каменных глыб и теперь парила, уравняв свою орбитальную скорость со скоростью движения астероидного ожерелья.

– Левая, отстрел!

Снова вспышки, медленное вращение, приглушенное сияние плазмы, истекающей из дюз коррекции…

Две платформы, от которых только что освободился основной модуль «Спейсстоуна», являлись огромными танками, хранилищами для переработанных на фабрике ископаемых. Сейчас они заняли стационарную орбиту, которой будут придерживаться в ожидании, пока челноки не начнут наполнять их переработанным и обогащенным сырьем.

Однако Хоук сомневался, что фабрике, которая была отстыкована в первую очередь, придется много работать в этой фантастической системе. Здесь, судя по показаниям приборов, просто нечего было обогащать и перерабатывать – металлы, словно издеваясь над искушенным воображением капитана, висели в космосе замысловатыми петлями извергнутых самородков – только бери и грузи…

Он хмыкнул в ответ собственным мыслям, покосился на экипаж. Сквозь прозрачные планшеты-перегородки было видно, как Монтгомери мельком взглянула на экраны обзора, где в свете прожекторов «Спейсстоуна» проплывали бесформенные каменные обломки пояса астероидов, и отвернулась, машинально покусывая губу. Эшгар и Влада вели себя несколько иначе – они о чем-то переговаривались, включив свой личный информационный канал, и глаза у обоих азартно блестели.

– Гуранов, Раевская, займитесь делом! – с досадой прикрикнул на них

Хоук.

Капитан сам не понимал, откуда у него внутри такое тяжелое чувство неосознанной тревоги? Что заставляло его выплескивать внезапное раздражение на экипаж?

– Работаем, – уже более спокойно произнес он. – Влада, мне нужен расчет перехода на низкую орбиту. Думаю, теперь мы можем взглянуть на это поближе.

* * *

Освободившись от сковывающих маневренность модулей фабрики и двух платформ-емкостей, основной модуль «Спейсстоуна» оказался вполне приличным космическим кораблем эллипсоидной формы. Его длина теперь составляла всего триста метров.

Сейчас он проплыл над поясом астероидов, углубился в чистое от обломков пространство и начал маневр перехода на более низкую орбиту.

Хоук, который не принимал участия в пилотировании, а был занят тем, что внимательно следил за показаниями множества приборов, расположенных на его терминале, немного успокоился.

Этот металл, каким бы противоестественным ни казалось его наличие, был мертвым. Ничто пока не угрожало их кораблю, и даже дурная слава Рукава Пустоты, которая, как внезапно понял капитан, постоянно стояла за спиной, давила на него, вдруг отошла на второй план, отступила, а он увидел то же самое, что и остальные, – огромное, неисчислимое богатство, буквально разбросанное вокруг, только собирай…

Его мысли прервал внезапный вызов из планетарного модуля.

Хоук покосился на пульт и понял, что работает личный, заблокированный от остальных канал связи. Вызывал Сергей.

– Да. Слушаю…

– Капитан, посмотрите на свой монитор, я сейчас передам данные.

На экране перед Хоуком возникло несколько формул химических элементов. Рядом, в углу монитора, для наглядности они были продублированы пространственными моделями молекул.

Дьяволы Элио! – У капитана вновь неприятно похолодело в груди. – Легированная сталь!

– Это только кажется планетой, капитан, – завершил его замешательство комментарий Иволгина. – Нельзя обманываться объемом этих пространственных выбросов. Я подсчитал, что нам дают величины гравитационного поля.

– Ну?

– Учитывая, что тут в основном металлы, я вывел приблизительный размер того планетного ядра, откуда они должны были извергаться. – Сергей нахмурился. – Ни одно уравнение не работает. Это никогда не являлось планетой с раскаленным магматическим ядром. Наличие неприродных сплавов только подтверждает мое предположение.

Он еще не договорил, а Хоук уже понял, куда клонит инженер. Он и сам нет-нет да и подумывал над подобным исходом, наблюдая дугообразные, застывшие выбросы металлов.

– Это была космическая конструкция? – спросил он, испытующе глядя в глаза Сергея. – Наподобие сферы Дайсона, да?

Тот кивнул.

– Несомненно, капитан. Только я бы не стал мыслить в масштабах Сферы, тем более что конструктивным материалом для нее служил металлический водород. Нет. Это была более мелкая конструкция, возможно полый шар, размером с небольшую луну. Исполинский космический корабль или маленькая, очень маленькая искусственная планета, орбитальная или же просто дрейфующая в космосе станция… Как угодно. Я тут немного погонял наш бортовой компьютер и могу сказать, что по химическому анализу веществ это сооружение не может принадлежать инсектам или дельфонам. Не их конструктивные материалы.

– Третья раса?

– Возможно.

Хоук задумался. По коже пробежали щекотливые мурашки.

– Сергей, подготовь мне все материалы по своим соображениям. Я посмотрю их, как только мы закончим маневр сближения. И пока что не говори никому о своих выводах, договорились?

– Да, капитан.

* * *

Эшгар и Влада шли по коридору.

Вокруг через слои облицовки прорывался приглушенный шум, вздохи работающих за обшивкой механизмов, тихий шелест регенераторов воздуха, к которому изредка примешивался отдаленный гул основных вентиляторов систем жизнеобеспечения корабля, включавшихся лишь периодически.

Глаза Влады лихорадочно блестели. Она не могла и не хотела справляться с бурлящими в ней эмоциями. За несколько лет работы на этом корабле, перед тем как его отправили исследовать Рукав, она уже привыкла к тягучей размеренности двух-трехмесячных поисков, которые не

приносили ей ни морального, ни финансового удовлетворения. Работать на «Спейсстоуне» было скучно, а заработанных денег хватало на удовлетворение лишь сотой части ее тайных амбиций. Конечно, можно и, наверное, нужно было научиться с умом тратить эти самые деньги, но Влада относилась к типу мотыльков-однодневок – измучившись за несколько месяцев рутины в тесных отсеках космического рудодобывающего комплекса, она просто не могла отказать себе в потребности нескольких дней полной жизни…

Некоторое разнообразие в ее унылое существование на корабле привнесло появление на борту Эшгара, для которого данный полет был первым в составе экипажа «Спейсстоуна», однако их роман грозил вскоре счастливо скончаться, как уже было у нее до этого с Олегом Золотцевым, а до него с Дитрихом Миллером, с той лишь разницей, что Дитрих пошел на разрыв сам, а Олега ей пришлось долго и мучительно отваживать…

Покосившись на Эшгара, который о чем-то глубоко задумался, Влада с мысленным вздохом призналась сама себе, что он ее уже не возбуждает так сильно, как в начале знакомства…

Ее мысли тут же перескочили на другое, совершив немыслимую логическую петлю. Их отношениям может быть придан новый резкий поворот, и стимулом для этого станет призрак того богатства, вкус которого уже, казалось, таял на ее губах, шелестел вокруг не унылыми вздохами очищающих воздух систем, а дорогими натуральными шелками вечерних нарядов…

– Эшгар, а как ты думаешь распорядиться своей долей, а? – Она остановила его, прижала к переборке, обняв за шею и пытаясь заглянуть в глаза. – Мы ведь станем богатыми… Чудовищно богатыми!..

Реакция Эшгара несколько ошеломила ее. Он не принял ее игривого тона, не расплылся в улыбке, а, наоборот, казалось, помрачнел еще больше.

– Ты что? – удивленно спросила его Влада.

– Мне кажется, Хоук темнит, – нехотя сознался он. – Ты видела, как он смотрел на данные масс-спектрографов?

– Ну, видела, и что?

Эшгар раздраженно передернул плечами.

– Ты разве не понимаешь, что такого количества металлов просто не может быть извергнуто в космос при любом самом катастрофическом разрушении планеты?

На этот раз Влада не собиралась пропускать шпильки в свой адрес. Тему о собственной компетенции по различным вопросам она могла вынести в устах капитана, но выслушивать замечания типа «ты не

понимаешь» от Эшгара…

Она убрала руки с его плеч.

– Какая разница, откуда он тут взялся? – резко спросила она. – Главное, что месторождение существует, мы нашли его и по контракту имеем право на один процент от его промышленной стоимости. – Она взглянула на Эшгара и несколько смягчила тон. – Ты пробовал прикинуть, сколько нам полагается? Ну хотя бы приблизительно?

– Нет, – нехотя ответил тот, занятый совершенно иными мыслями.

* * *

В это время капитан Хоук находился в кают-компании «Спейсстоуна». За овальным обеденным столом сидели Яна Монтгомери, Дитрих Миллер и Сергей Иволгин.

Лица всех четверых были напряжены.

– Я не меньше, чем вы, сбит с толку, – произнес капитан, продолжая начатый за минуту до этого монолог. – С одной стороны, я понимаю, и расчеты, произведенные Сергеем, подтверждают это: такая масса металлов в чистом виде, а также сплавы элементов, не встречающиеся в природе, могут означать только одно – их искусственное происхождение. Не стоит забывать и о том, что мы с вами находимся не где-нибудь, а в злополучном Рукаве Пустоты.

– А в чем, собственно, дилемма, капитан? – осторожно осведомился Дитрих. – Мы находимся на борту корабля, принадлежащего нанявшей нас компании, и какое нам дело до последующей судьбы этих обломков, если они будут признаны таковыми? Наше дело – добыча полезных ископаемых, верно?

– Да, верно, – подтвердил его мысль Хоук. – Но я буду вынужден принимать определенные решения… и ответственность за них ляжет на меня. Расчеты Сергея очевидно свидетельствуют в пользу того, что тут было разрушено какое-то исполинское сооружение, принадлежащее одной из древних космических рас. Если мы сейчас начнем разработку, то фабрика может перемолоть немалое количество артефактов или иных свидетельств былого… С другой стороны, Дитрих совершенно прав, по полетным инструкциям нам нет никакого дела до происхождения этих металлов. Мы, в конце концов, не археологи, чтобы ковыряться в останках прошлого.

– Что будет с нашими премиями, если мы не станем загружать емкости, а просто засвидетельствуем факт обнаружения этого места? – задала Яна тот вопрос, который, без сомнения, волновал сейчас всех

присутствующих в кают-компании.

– До ближайшей станции гиперсферной частоты, откуда можно связаться с правлением, около тридцати световых лет, – вздохнув, ответил Хоук. – В принципе мы можем воспользоваться гиперсферным приводом «Спейсстоуна» и совершить прыжок к станции ГЧ, но, – он поднял палец, – если руководство компании признает это место просто месторождением металлов, образовавшихся в результате кристаллизации магматического ядра планеты, с нас могут удержать стоимость затрат на пустой рейс, а также цену связи по ГЧ. Это выльется в сумму, которая сожрет львиную долю премии, какой бы высокой та ни была.

– А если наоборот? Мы плюем на все, грузим танки и возвращаемся?

– Может возникнуть скандал. Если нас обвинят в том, что мы сознательно разрушили археологические свидетельства, Совет Безопасности может применить санкции, отозвать наши лицензии и наделать еще кучу неприятностей нам лично, разумеется, потому как компания тут же разведет руками: мы тут ни при чем, капитан Хоук и его команда действовали на свой страх и риск… К тому же не забывайте – у нас на борту два пассажира, которых, согласно контракту, мы должны доставить в определенную точку. Сейчас до нее еще два световых года пути…

– Дерьмо.

Сергей покрутил головой и вдруг напомнил:

– Капитан, но Совет Безопасности уже не имеет той силы, что раньше. Конфедерация Солнц развалилась, Патруля больше нет, и, возможно, шума вообще не будет?

– Да, но вспомни, кто недавно объявил себя ответственным за Деметру, Хабор, куда переселили инсектов, и всю зону Рукава Пустоты?

Сергей опять покрутил головой. Этот жест, если так можно назвать те гимнастические упражнения, что он проделывал со своей непропорционально длинной шеей, когда волновался, служил поводом для разных шуток и подначек со стороны неугомонного Олега Золотцева.

– Люди Сферы, – помрачнев, ответил он.

– Вот именно. Еще одна темная лошадка в галактическом раскладе. А мне совсем не хочется ни терять лицензию, ни отказываться от денег, – признался Хоук.

– Тогда выход один – придется самим слазить туда и посмотреть, есть там какие-то материальные свидетельства древних или все, к фрайгу, сплавлено в один ком, так тогда и говорить будет не о чем, – выдвинул свое предложение Дитрих. – Наметим несколько наиболее дорогостоящих в

плане металла выбросов, облазим их, а потом, если ничего не найдем, утилизируем все, и дело с концом. А с остальным пусть разбирается корпорация…

– Верно! – поддержала его Яна. – А процесс разведки запишем на видео, чтобы потом к нам не подкапывались.

* * *

– Борт, вы меня слышите? – Яна включала шеренги датчиков, одновременно связываясь с Хоуком.

– Да, слышу тебя, Монтгомери, – раздался в ответ голос капитана.

– Мой шлюз задраен. Можно откачивать воздух.

– О'кей…

Внутри стандартного георазведывательного модуля с трудом помещались три человека. В компании с Яной оказался Олег Золотцев; Дитрих Миллер устроился сзади пилотских кресел и теперь пытался найти удобную позу среди выступов различных бортовых систем, которые выпирали из переборок в пространство небольшого грузового отсека, предназначенного для транспортировки геологических проб.

– Сам напросился, терпи теперь, – подбодрила его Яна, заметив, как мучается Дитрих.

В пусковой шахте взвыли откачивающие воздух насосы.

Их звук рвал нервы ровно несколько секунд, потом вдруг истончился, затих, уступив место глубочайшей тишине и приглушенному красному свету.

– Воздух откачан, – раздался по связи голос Хоука. – Открываю крышку шахты. Замок отошел… Импульс катапультирования через пять секунд… три… одну…

Олег Золотцев крепко, до скрежета эмали, сжал зубы, но все равно они лязгнули, когда импульс электромагнитной катапульты вышвырнул маленький аппарат из пусковой шахты «Спейсстоуна».

Мимо, дико вращаясь, промелькнуло несколько ярко освещенных прожекторами корабля глыб камня. Яна даже не вздрогнула – она знала, что первые пятнадцать секунд стартового ускорения строго рассчитаны бортовым компьютером «Спейсстоуна», но Олег, который летал мало и неохотно, предпочитая подобным романтическим занятиям воняющую маслом утробу машинного отделения, побледнел.

Дитриха же, наоборот, колотило от возбуждения – он всегда любил опасные аттракционы, от которых, как сейчас например, голова шла кругом, а внутри все леденело, несмотря на внешнее спокойствие.

Вообще, он справедливо считал, что космос – занятие не для слабонервных.

Маленький корабль с тремя астронавтами на борту пронесся над бесконечным полем каменных обломков, блеснул ослепительно голубым выбросом из маршевых дюз и начал падение в мрачное, полное неясно очерченных теней пространство.

На масс-детекторах отражалось нечто невообразимое – один сплошной гудящий сигнал, из размытого пятна которого с большим трудом можно было вычленить отдельные компоненты в виде замысловатых дуг и петель. Однако бортовая навигационная система не испытывала, в отличие от людей, никаких проблем с ориентированием в этом хаосе нагроможденных друг на друга масс.

Яне пришлось довериться автопилоту, но она все равно не выпустила из рук астронавигационных рулей.

Ослепительно полыхнули дюзы тормозных двигателей, на мгновение высветив бликующую поверхность змеящегося вокруг расплавленного металла, который застыл причудливыми потеками, образуя арки над бездонными пропастями…

На одном из мониторов пульта внезапно вспыхнула изумрудная трехмерная сетка, в которой запуталось объемное изображение трех каплеобразных глыб, связанных между собой вездесущими причудливыми выбросами расплавленных и застывших пород.

Вспышки тормозных двигателей замелькали чаще, создавая вокруг корабля стробоскопический эффект, от которого рябило в глазах.

Яна поморщилась, Олег закатил глаза, беззвучно шевеля губами.

– Приготовиться, – отрывисто бросила Монтгомери. – Причаливаем.

Эти три глыбы были выбраны капитаном Хоуком по данным анализа еще при предварительном обсуждении высадки на борту «Спейсстоуна». Все три представляли собой причудливый сплав элементов металлической группы. При их переработке на фабрике получалась полная загрузка транспортных емкостей десятком различных редкоземельных элементов, что полностью удовлетворяло задачам их полета.

Плавная тормозная перегрузка заставила страховочные ремни кресел впиться в грудь.

Скорость упала почти до нуля, и Яна позволила себе убрать руки с рулей. Теперь вмешиваться в действия автоматики – только вредить. Компьютер сам произведет мягкое касание и пришвартует корабль к одной из глыб. Большое содержание металлов, которые составляли основу данных образований, позволяло пользоваться магнитными присосками,

вмонтированными в подошвы скафандров, и потому разведка обещала быть чуть ли не приятной прогулкой…

По крайней мере, мы сможем ходить, а не летать над бездной на страховке…

Яна закрыла лицевую пластину гермошлема, машинально проверила герметизацию, подачу воздуха и, повернув голову, посмотрела на Олега, который сидел, неестественно выпрямившись и вонзив воспаленный взгляд в освещенное вспышками дюз пространство.

– Золотце мое, очнись!

Он вздрогнул, покосился на Монтгомери и стал поспешно герметизировать шлем. Миллер уже был готов, даже расстегнул ремни страховки.

Дюзы корабля в последний раз выплюнули дозу ионизированного газа и стихли. Ощутимый толчок, вибрация и низкочастотный гул включившихся электромагнитных швартовов возвестили об удачной стыковке с избранной компьютером глыбой. Внутренний люк тесного, рассчитанного на одного человека шлюза приглашающе распахнулся.

Яна, ни слова не говоря, пошла первой…

* * *

На борту «Спейсстоуна» в этот момент происходили любопытные события.

Капитан Хоук шел по длинному ярко освещенному коридору средней палубы корабля. Дойдя до дверей с надписью «Криогенный отсек», он остановился, положил ладонь в углубление сканера и вошел внутрь.

Восемь саркофагов были темны. Их откинутые вверх колпаки таинственно мерцали, отражая блики контрольных огней, горевших на двух приборных панелях.

Хоук остановился подле пульта управления, набрал свой личный код и ввел несколько команд.

Две работающие криогенные камеры внезапно подсветились изнутри мертвенным голубоватым светом.

Внутри лежали два человека и один ксеноморф.

Их лица были белы как мел, видимое дыхание отсутствовало, и только плавные синусоиды графиков на контрольных панелях свидетельствовали о том, что все трое живы.

Хоук молча достал сигареты, прикурил и, облокотившись о пульт, приготовился ждать, пока под колпаками не заклубится молочно-белая муть пробуждающего газа.

Он нес ответственность за порученных ему пассажиров и хотел убедиться, что процесс пробуждения инициирован верно.

Прошло не менее получаса, пока на обеих панелях зажглись ровные узоры изумрудных огней.

Теперь он мог быть спокоен. Через семь-восемь часов этим двоим придется встать и ответить на некоторые щекотливые вопросы, которые накопились у капитана «Спейсстоуна» за последние неполные сутки их полета.

Он погасил пятый по счету окурок, аккуратно скинул все в утилизатор и вышел, плотно закрыв за собой дверь криогенного отсека.

* * *

Яна никогда не уставала удивляться тем сюрпризам, что преподносил космос.

Это оказалось поистине фантастическим местом.

Узкофокусированные лучи плечевых фонарей скафандров резали мрак, высвечивая огромные застывшие потеки расплавленного металла, который тускло блестел, дробя этот свет, бликуя так, что казалось, пространство вокруг вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет, ежесекундно рождая тысячи мерцающих брызг.

Георазведывательный корабль казался маленькой букашкой, насекомым, притаившимся на глянцевитом боку одной из глыб, размер которой, пожалуй, превышал габариты основного модуля «Спейсстоуна».

Дитрих ступил на изгибающийся дугой мост, уходивший во мрак замысловатой петлей застывшего миллионы лет назад выброса. По нему было удобно пройти, огибая глыбу на расстоянии вытянутой руки от ее отвесных, чуть изгибающихся кверху боков.

– Осторожнее, Миллер!.. – на всякий случай предупредила Яна, заметив, что Дитрих не воспользовался, как она, страховочным фалом.

– Все нормально, – хохотнув, отозвался он.

Яна пожала плечами, но это движение, естественно, осталось незаметно под оболочками скафандра. Сама она предпочитала не пренебрегать техникой безопасности. Пристегнув свой страховочный фал к специальной скобе на обшивке их корабля, она тоже ступила на висячий мост, решив двигаться в противоположном направлении – вниз, к самому основанию этого лихо закрученного гравитацией выброса, к тому месту, где тот соединялся с глыбой.

Ступив на достаточно широкую поверхность этого импровизированного моста, или, если угодно, висящего над бездной

спирального балкона, лишенного всякого намека на перила, она направила свет плечевых фонарей скафандра на глыбу.

Это сужающееся кверху каплевидное образование только издалека казалось однородным. На самом деле между образующих поверхность сверкающих потеков угадывались более острые очертания каких-то форм.

Заинтригованная, Яна подалась ближе, наклонив корпус и разведя в стороны руки, так что в этот момент она стала похожа на изготовившуюся к прыжку ныряльщицу.

Бок глыбы действительно был весьма интересен. Во-первых, его поверхность составляли потеки разных цветов – от серебристо-металлического до желтого, красноватого и матово-черного. В природе Яна впервые наблюдала такую странную, пеструю гамму. Второе, что привлекло ее взгляд и заставило работать воображение, были те самые смягченные некогда буйствовавшей тут жарой оплывшие контуры, которые вполне могли иметь в прошлом правильную прямоугольную форму. Сейчас от них остался лишь отпечаток, смутный след со скругленными углами, выделявшийся скорее не гранями, а их бледным контуром, узором красок…

Некоторое время Яна стояла, не меняя позы, пристально вглядываясь в замысловатый узор потеков и цветовых пятен, пока у нее не зарябило в глазах от бликов. Бесстрастный объектив укрепленной на гермошлеме видеокамеры фиксировал все происходящее. Яна на всякий случай повела головой из стороны в сторону, постаравшись осветить и запечатлеть как можно больший участок стены, а потом, осторожно выпрямившись, пошла вниз по висящему над бездной пространства застывшему выбросу…

* * *

В первый момент, оказавшись вне корабля, Олег Золотцев немного растерялся. Если Яна и Миллер ощущали себя в космосе вполне нормально, то он – нет. Олег редко по своей воле покидал корабль и не питал особых симпатий к открытому пространству. Будь его воля, он вообще бы никогда не поднимался над поверхностью планеты – в ряды космических странников его определила злая судьба.

Действительно, чтобы быть поэтом в тридцать восьмом веке от Рождества Христова, требовался немалый талант и недюжинная работоспособность. В юности Олег, демонстрируя всем свои наклонности неформального творца, наивно полагал, что это и есть стиль жизни, приятный и непринужденный. Однако, повзрослев, понял, что ошибался.

Поэту, как и любому человеку, нужно что-то есть, а творчество не было способно прокормить юное дарование. Его стихи, которые и в лучшие

времена не отличались мягкостью и лирикой, становились год от года все жестче, злее, а сам он постепенно терял вкус и к жизни, и к творчеству, перебиваясь случайными заработками, пока в конце концов не осел в технической службе одного из космопортов своей родной планеты. Оттуда он чуть больше года назад[*] попал в состав экипажа «Спейсстоуна», так что опыт космоплавания, а тем более нахождения в открытом космосе был у Олега невелик.

Сейчас он стоял, дико озираясь по сторонам, а его вестибулярный аппарат упорно отказывался сориентироваться в пространстве, внятно определив для себя понятия «верх» и «низ». Это было настолько неприятно, что Олег даже зажмурился, пытаясь совладать с внезапным приступом агорафобии.

Наконец это ему удалось – подкатившая было к горлу тошнота отступила, оставив после себя лишь изжогу, и он, с содроганием оглядевшись, заставил себя сделать первый шаг по направлению ко второй глыбе сплавленного в ком металла, покатый бок которой возвышался метрах в тридцати от пришвартованного к вычурному образованию корабля.

Капитан Хоук ясно распорядился: осмотреть и записать на видео как можно большую площадь поверхности этих глыб…

Подошвы скафандра охотно прилипали к зыбкому мосту над бездной, ногу даже приходилось с некоторым усилием отдирать от поверхности, но все равно расплескавшееся вокруг космическое пространство давило, создавая ощущение шаткости опоры и ненадежности страховки. Мелкими шагами продвигаясь вперед, Олег не осознавал, что дрожит, но не от холода, а от нервного перевозбуждения.

Страховочный фал разматывался за ним, словно нить паутины.

Наконец он достиг соседней с кораблем глыбы и коснулся ладонью в герметичной перчатке ее поверхности. У самого основания «моста», по которому он пришел сюда, в отвесной стене чернело отверстие неправильной формы. У Олега хватило воображения, чтобы понять, что оно расположено там, откуда в прошлом извергалась масса расплавленного металла, на которой он сейчас стоял. Нагнувшись и неосознанно балансируя руками, он заглянул внутрь.

Как он и ожидал, в свете фонарей обозначилась обширная, похожая на пещеру полость.

За те несколько минут, что Олег провел вне корабля, он испытал столько неприятных, тревожащих сознание чувств, что это сравнительно

большое, но замкнутое пространство показалось ему удивительно уютным, притягательным, так что он, едва осознавая, что делает, согнулся, прополз в дыру и с интересом огляделся.

Стены этой своеобразной пещеры образовывали почти правильный сферический свод, украшенный радугой цветов побежалости металла, из чего Олег сделал очевидный вывод, что перед ним обыкновенное железо.

Немного освоившись внутри и оглядевшись по сторонам, он понял, что тут совершенно не на что смотреть, однако покидать убежище не хотелось – вылезать наружу, где опять на него со всех сторон навалится ощущение бескрайней, расплескавшейся вокруг бездны, было выше его сил. Поэтому Олег не стал спешить, а, задрав голову, пошел вдоль закругляющихся стен, делая вид, что внимательно изучает их рельеф и видимую структуру.

Внезапно, разглядывая ничем не примечательный участок стены, он вдруг осознал, что наткнулся на что-то действительно любопытное.

Это были маленькие, размером всего в несколько сантиметров, кристаллы черного цвета, которые, как казалось, были намертво вплавлены в материал стены. Однако, когда Олег поднял руку и коснулся одного из них, тот с удивительной легкостью отделился от металлического потека, оставив после себя характерную выемку.

Олег повертел свою находку, помял ее в пальцах, затем, вспомнив про выданный ему сканер минералов, достал прибор и поднес кристалл к окошку анализатора.

Через несколько секунд на крохотном дисплее высветилась внутренняя структура этого геометрически правильного образования и название элемента, из которого тот состоял, – кремний.

Олег, у которого уже шевельнулась было мысль о необычайности его находки, разочарованно вздохнул. Монолитный, за исключением множества едва распознанных сканером внутренних прожилок, кусочек обыкновенного кремния, наверное, самый заурядный кристаллический самородок…

На всякий случай он отковырял от стены еще несколько подобных кристаллов, сунул их в карман, предназначенный для геологических образцов, и скрепя сердце полез наружу.

* * *

Яна Монтгомери и Дитрих Миллер вышли в эфир практически одновременно.

– Дитрих, Олег, вы меня слышите? – Яна оторопело разглядывала

фрагмент оплавленной стены, невольно пятясь назад.

Золотцев в тот момент еще находился внутри образовавшейся при магматическом выбросе пещеры и потому ответить не мог, связь с ним отсутствовала, но Дитрих, несмотря на помехи, расслышал призыв. Радиоволны тонули, глохли в пространстве, хаотически загроможденном металлами, связь была скверной, и порой в треске несущей частоты трудно оказывалось разобрать не то что интонации, но и сам голос.

– Что? Повтори, – произнес Дитрих в укрепленный на внутреннем ободе гермошлема микрофон. – А лучше двигайте все сюда, у меня какая-то хреновина со сканированием!..

Яна хоть и поняла смысл передачи, но не спешила внять ему – отступив на несколько шагов от вертикального бока исполинской глыбы, она не отрываясь смотрела в одну точку.

Там среди наплывов и потеков ясно различался вплавленный в стену предмет прямоугольной формы – он был золотистым, полупрозрачным и походил на толстое стекло, внутри которого замысловато сплетались дрожащие линии…

– Миллер, артефакт!.. Я нашла артефакт!.. – наконец выдохнула она.

Дитрих, который не дождался вразумительного ответа на свою просьбу подойти, сам решился вернуться к исходной точке, и сейчас свет его плечевых фонарей уже показался в поле зрения Яны.

– Где Олег? – осведомился он по рации, но Монтгомери не ответила: она по-прежнему потрясенно смотрела на свою находку, не в силах отвести взгляд от первого увиденного ею воочию предмета ИНЫХ…

Дитрих подошел ближе, тронул ее за плечо.

Яна вздрогнула, это почувствовалось даже через многослойный материал двух скафандров.

– Ты что? – обеспокоился Миллер.

– Смотри… Ты видишь? Видишь прямоугольник с золотистыми линиями внутри?!.

Миллер поперхнулся.

– Вижу. – Он сделал шаг вперед, нагнулся, разглядывая вплавленный в стену полупрозрачный предмет, внутри которого, улавливая свет, вспыхивали и меркли золотистые нити прожилок, которые, как показалось ему, прямо на глазах меняли свою пространственную структуру, складываясь в осмысленные контуры чего-то смутно, ассоциативно знакомого.

– Очень хорошо… – Миллер действительно был потрясен, но не собирался пасовать перед Яной. – А что ты скажешь на это? – Он

повернулся к Монтгомери, постучал пальцем по закрепленному на правом запястье миниатюрному монитору сканирующей системы, включил ее и передвинул регулятор проникновения на метр от поверхности.

Яна не сразу уловила смысл в его действиях, а когда поняла, ей стало тревожно. Внутри глыбы, в соответствии с тем, как Миллер вел вооруженной сканером рукой вдоль поверхности, проплывали ясные очертания пустот, внутренних каверн, которые носили в большинстве своем ясные, разве чуть вздутые по некоторым плоскостям очертания предметов… Предметов из какого-то легкогорючего материала, вероятно, разновидности пластика, на которые некогда изливался расплавившийся металл…

Эти предметы испарялись, сгорали, превращались в горстки праха, но перед этим оставляли в твердеющей металлической скорлупе свой контур, трехмерный, объемный отпечаток…

– Все, к фрайгу… Плакала наша премия, – тяжело вздохнул Миллер, переводя сканер в сторону второй глыбы. Экран устройства тут же высветил такие же пустоты, расположенные в хаотическом беспорядке, наверное, по всей глубине спекшегося и застывшего в вакууме металлического кома. – Это везде. Проклятые артефакты. Теперь нам придется валить отсюда несолоно хлебавши, – раздраженно разъяснил он самому себе. – Хоук теперь не даст даже прикоснуться ко всему этому добру. Педант хренов…

– Не кипятись… – Яна подошла к боку глыбы и достала ручной плазменный резак. – Миллер, отойди, я собираюсь вырезать эту штуку.

Дитрих молча отступил на несколько шагов. Спорить или предостерегать Яну он не стал. Ему тоже стало любопытно, что это за предмет, да и, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок… Артефакты тоже имели свою цену, только нужно знать, кому их сбагрить…

– Эй, а где наш поэт-самоучка? – вдруг спохватился он, когда Яна включила резак и осторожно подступила к глыбе.

Олег в это время как раз выбирался из найденной им внутри соседнего образования полости. Во мраке мелькнул, погас, а затем вновь появился свет его плечевых фонарей.

– Смотри-ка, герой, шляется один! – с оттенком недоверия в голосе протянул Миллер. – Нашел что-нибудь? – осведомился он в эфир.

– Нет, – прорвался сквозь помехи ответ Золотцева. – Там что-то вроде пещеры, у самого основания выброса.

– Осмотрел?

– Да, но у меня камеру заело, – солгал Олег. – Стукнулся кожухом о

выступ. Что-то с линзами, объектив зашторился…

– Да и фрайг с ним, – ответил Дитрих, который знал Олега уже год и не мог подозревать того в злом умысле. Не потому, что Золотцев был человеком высоких моральных качеств, скорее наоборот, Дитрих считал Олега трусоватым и был в этом мнении недалек от истины. – Тут и без твоих записей доказательств хватает…

– Доказательств чего? – осторожно спросил Олег, заметив, что Яна орудует плазменной горелкой, пытаясь вырезать что-то из стены вместе с прилегающим комом металла.

– Того, что нам тут не светит… Это не продукты извержений, а остатки каких-то космических построек.

– Чьих?

– А кто его поймет… Ученые разберутся. Им за это деньги платят, не нам.

– А мы?

– Что – мы… Мы – это как решит наш драгоценный капитан Хоук. – У Олега тут же создалось впечатление, что, если бы не скафандр, Дитрих обязательно бы сплюнул себе под ноги.

– Поберегись! – Это был голос Яны, заставивший их прервать беседу и обернуться.

Она уже отворотила от глыбы вырезанный ком, и тот лениво плыл мимо нее, сияя во мраке темнеющей на глазах вишневой каплей.

– Что это? – спросил Олег.

– Артефакт, – ответил ему Миллер, наблюдая, как Монтгомери ловко орудует невидимой глазу электромагнитной петлей, подтягивая к себе горячую находку. – Пошли, прогулка закончена…

ГЛАВА 9.

Борт «Спейсстоуна». Комплекс лабораторий…

– Ну и везет тебе! – с ноткой недоброжелательной зависти в голосе протянула Влада, глядя на находку, которую притащила Монтгомери.

Весь экипаж собрался в кают-компании, которая являлась традиционным местом событий подобного рода.

– Вы не должны были тащить это на корабль…

Хоук оценивающе посмотрел на глыбу, состоящую из меди с неправильными синевато-черными прожилками перекаленной углеродистой стали, задержал взгляд на впаянном в нее прямоугольном куске стекловидного образования, внутри которого продолжали мерцать и извиваться золотистые нити.

– Он безопасен, – поджала губы Яна. – Зря я, что ли, полчаса торчала в шлюзовом дезинфекторе? На нем нет микроорганизмов, сканеры показали полное отсутствие органики.

– По инструкции, объект, лишенный включений органических веществ, является безопасным, – поддержал ее Сергей.

– Ну, хорошо… – нехотя сдался Хоук, привыкший подозревать все и вся. – Посмотрим…

– Что бы это могло быть? – высказал общий вопрос Эшгар. – Как ты думаешь, Сергей? – обратился он к Иволгину.

Тот пожал плечами.

– Ну ты же умный. Подумай.

Сергей покосился на второго пилота, не понимая, как воспринимать слово «умный»: как комплимент или издевку?

– Может, просветить его лазером?

– А что это даст?

– Есть смысл попробовать. Вдруг вторичное изображение что-то покажет?

Все посмотрели на капитана.

Тот кивнул.

– Пошли в лабораторию, там посмотрим, – согласился он, забирая со стола увесистый кусок металла с впаянным в него артефактом…

…

…В лаборатории находку поместили в аппарат для детального

исследования геологических образцов.

– Может, его полностью освободить от «оправы»? – предложил Сергей, вопросительно посмотрев сначала на Яну, а затем на Хоука, очевидно, еще не решив, кому это принадлежит – компании или лично Яне?

– Давай просто сделаем отверстие с обратной стороны, чтобы запустить луч лазера, – ответила Монтгомери, даже не посмотрев на капитана. Видно, она считала эту штуку своей собственностью.

Сергей кивнул, отвернувшись к терминалу лабораторного компьютера. Пока он настраивал параметры исследования, остальные члены экипажа вели себя по-разному: Хоук присел на край лабораторного стола, по привычке теребя подбородок, и о чем-то глубоко задумался. Дитрих с мрачным видом продолжал разглядывать артефакт, Влада с Эшгаром отошли чуть в сторону, перешептываясь друг с другом, а Олег с загадочным видом улыбался, скрестив руки на груди. Он смотрел на собравшихся и думал о чем-то своем, отчего его улыбка казалась немного странной, если не сказать глуповатой.

– Готово, – наконец произнес Сергей.

Хоук слез с лабораторного стола.

Несколько навесных агрегатов тут же пришли в движение. Их действиями руководил запрограммированный Иволгиным лабораторный компьютер.

В инструментальном захвате появилось толстое сверло с алмазным наконечником. Тихо загудел подающий суппорт, и сверло, медленно вращаясь, соприкоснулось с поверхностью вырезанной Яной глыбы.

На станину длинной лентой потекла вязкая стружка. Параллельно сверлу в углубление бил красный лучик автоматического дальномера.

– Есть, – произнес Сергей, смотревший на монитор.

Суппорт остановился, сверло, продолжая вращаться, поползло назад.

– Оно не поцарапало заднюю поверхность? – забеспокоилась Яна.

– Нет, не волнуйся. Тут все контролируется лазерными дальномерами. Точность до одной тысячной миллиметра, гарантировано.

– И что теперь? – спросила Влада, которую негромкое жужжание сверла отвлекло от разговора с Эшгаром.

– Теперь мы получили отверстие, вплотную примыкающее к задней стенке артефакта, – охотно пояснил Сергей. – Сейчас я прочищу окошко, удалю несколько оставшихся микрон металлической перегородки, и мы сможем пустить туда луч лазера, не очень мощный, но с широкой

апертурой[*] на выходе. Он осветит артефакт изнутри и даст нам голографическое изображение его внутренней структуры, которое будет спроецировано по трем измерениям.

Произнося эти слова, Сергей действительно подвел к отверстию трубку и сделал несколько впрысков раствора внутрь просверленного канала.

– Готово. – Он отошел в сторону, включил лазер и принялся возиться с настройкой.

Воздух в одном метре от закрепленного на лабораторном столе артефакта вдруг осветился, стал как будто осязаем.

В освещенном сферическом пространстве промелькнули контуры прямоугольной плоскости, затем по всему объему охваченного проекционной сферой пространства вдруг зазмеились увеличенные в десятки раз золотистые нити, потом они исчезли, появились вновь, и…

– Матерь божья, – вырвалось у Эшгара. – Да это же изображение!..

Потрясение экипажа было столь велико, что несколько секунд после этого восклицания прошли в гробовой тишине – все смотрели, раскрыв от изумления рты, но ни один человек не оказался в состоянии выдавить из себя хотя бы звук.

В воздухе застыло трехмерное изображение какой-то космической постройки!..

Оно было потрясающим, впечатляющим, но более всего шокировала его нечеловечность.

Судя по овальным точкам, казавшимся подсвеченными изнутри и, вероятнее всего, являвшимся иллюминаторами, глаз человека, отталкиваясь от знакомых ему величин, моментально абстрагировал размер данного сооружения, фрагмент которого спроецировался в воздухе лаборатории.

Его мало было назвать большим… Оно носило исполинские размеры, и форма… Что за форма для космической станции?!.

Представьте себе апельсин, с которого ровным слоем по спирали снимают кожуру. Теперь выкиньте сам плод, а его кожуру в виде отрезка расширяющейся книзу спирали подвесьте в пространстве и придайте ей размер, когда торцевая часть среза равна как минимум полукилометру… При известной доле воображения вы поймете, что за пространственная картинка предстала глазам экипажа «Спейсстоуна».

Их потрясение было тем более велико, что никто не ожидал появления столь неоспоримого изображения. В лучшем случае они надеялись увидеть внутренности странного стекловидного предмета, хаотичное сплетение

пронзающих его нитей, но никто не мог даже предположить, что находка окажется не чем иным, как пластиной голографического проектора…

– Бог мой… Неужели это станция?! – Яна протянула руку, дрожащим пальцем отчертив воздух в том месте, где по торцевой поверхности расползшейся в пространстве спиралевидной «кожуры» виднелись сотни, если не тысячи светящихся овальных точек. – Если это иллюминаторы, то там, наверное, обитало не меньше нескольких миллионов существ… – потрясенно произнесла она.

Зрелище было подавляющим.

Таково свойство человеческого разума: увидев чужую постройку, а тем более имеющую подобные циклопические размеры, каждый из присутствующих, вольно или невольно, ощутил промелькнувшую вдоль позвоночника дрожь. А чем это грозит нам? – говорили растерянные, настороженные взгляды. Однако такая реакция длилась недолго – стоило вспомнить, что сейчас всего этого уже нет…

– Если это лишь фрагмент космического поселения, – с хрипотцой в голосе произнес Сергей, – то каково оно было в полном масштабе? И чье оно?

– А главное – кто его разрушил? – дополнил его мысль Хоук.

– Быть может, эти… Предтечи? – нашелся Олег.

– Нет… – покачал головой капитан. – Предтечи являлись животными, космической формой жизни, которая питалась межзвездной пылью и веществом планет. Они могли пожрать часть конструкций, но тут, заметьте, все расплавлено!

– А может, это результат вспышки звезды? – в свою очередь, предположила Яна. – Ведь всем известно, что одна из древних рас взрывала звезды на пути миграции Предтеч, превращая их в сверхновые…

Слова Монтгомери вызвали недоверчивый, отвергающий жест со стороны Сергея.

– От любой звезды после гелиевой вспышки, которая срывает расширяющуюся фотосферу, всегда остается вещество ядра, которое обладает достаточной гравитацией, чтобы удержать на своих орбитах обломки катаклизма, – подумав, объяснил Иволгин всем присутствующим. – Здесь же не видно ничего подобного, только каменные обломки в виде пояса астероидов, которые вполне могли быть небольшой планетой. Почему тут была планета, но не было звезды, я не могу предугадать, однако никаких следов сгоревшего или взорвавшегося светила я не вижу.

– Тогда остается предположить, что кто-то уничтожил огромную

космическую колонию при помощи оружия?!. – Хоук исподлобья посмотрел на инженера и добавил: – Например, из установки типа наших аннигиляторов «СВЕТ», верно?

Сергей не нашелся сразу что ответить, и вопрос капитана повис в воздухе.

Следующим тишину нарушил Миллер.

– Это хорошо, – сумрачно произнес он, недоброжелательно разглядывая голографическую проекцию. – А что с этого будем иметь конкретно мы?

– В каком плане? – хмыкнув, переспросил капитан.

– В плане денег. Научные открытия меня не интересуют.

– Почитай свой контракт, Дитрих, там все сказано… – Алан попытался уйти от ответа, но Миллера, похоже, не удовлетворила подобная трактовка.

– Нет, капитан Хоук, подождите! – Он сделал резкий шаг вперед. – Я хочу знать, здесь и сейчас, чем мне будет компенсирована та премия, которая полагается за открытие месторождения полезных ископаемых.

– Это не месторождение, Миллер, – твердо ответил капитан. – Это не месторождение, – не терпящим возражений тоном повторил он.

– Смотря как относиться к данному вопросу, верно? – Миллер обернулся, ища поддержки у экипажа, и нашел ее по крайней мере в трех взглядах из шести. – Подумайте, капитан, перед нами огромные деньги, а мы, к счастью, не малые дети, да?

– Нет, – отрезал Хоук, прекрасно осознавая, на что его толкает резервный специалист «Спейсстоуна». – Я офицер флота, – пояснил он. – Моя жизнь началась не вчера и закончится, надеюсь, не завтра… – При этих словах он демонстративно положил руку на рукоять импульсного пистолета, который имел право носить как капитан корабля. – Я привык спать спокойно, Миллер. Это означает – с чистой совестью, не вздрагивая от каждого шороха по ночам, понятно? – Тон Хоука был злым. – Мы доложим обо всем в правление нанявшей нас компании, а они уже решат, как распорядиться полученной информацией. Уверен… – Он обвел взглядом собравшихся и уже более спокойно заключил: – Уверен, что никто из вас не останется внакладе. Такие находки происходят раз в несколько сот лет, так что замалчивать ее никто не будет, да и не сможет…

Чувствуя, как напряжены все присутствующие, он решил покончить с данной проблемой:

– Самое лучшее, что может сделать каждый из вас, – это занять свой рабочий пост по штатному расписанию. Все. Диспуты окончены. – Хоук

повернулся, подавая пример экипажу. – Пилотов и навигатора жду в рубке через пять минут, – произнес он, уже направляясь к дверям лаборатории, но его настиг предупреждающий вскрик Яны:

– Хоук!..

Капитан успел обернуться ровно настолько, чтобы заметить косую, падающую на его голову тень металлического прута, а дальше все потонуло во вспышке боли…

* * *

– Ну и что ты наделал, придурок?! – резко вскрикнула Яна, когда Дитрих, сжимавший в руке лабораторный штатив, оттолкнул от себя обмякшее тело капитана.

– Я не придурок… – внятно произнес он, резко повернувшись, и все заметили, что в руках у Миллера оказался импульсный пистолет Хоука. – Придурки те, кто отказывается от денег. – Он повел стволом, и это движение заставило пятерых человек невольно попятиться к противоположной от входа стене. – Значит, так… – Глаза Дитриха лихорадочно блестели. – Я собираюсь взять под свое командование корабль, загрузить его емкости металлом и свалить из этого сектора пространства вообще… Компания может списать «Спейсстоун» как потерпевший крушение. Я не сомневаюсь, что так они и поступят, зная эту допотопную колымагу, по которой уже давно плачет помойка… Кто согласен со мной, решайте сразу, второй раз предлагать не буду! Ну?!. – Он обвел взглядом притихших сослуживцев.

Первым, ко всеобщему удивлению, подал голос Сергей Иволгин:

– У тебя мозги что надо, Дитрих, я всегда это говорил. Можешь на меня рассчитывать.

Яна побледнела. Господи, Сергей, как же ты… Как же я не разглядела в тебе этого…

– А ты, сучка, заткнись! – предупреждая ее фразу, резко произнес Миллер, заметив, как дрогнули губы Монтгомери. – Только вякни, я тебя быстро приструню!..

Она побледнела еще больше, но смолчала. Влада, которая стояла ближе всех к Монтгомери, улыбнулась ей.

Допрыгалась, капитанская шлюшка? – говорил ее едкий взгляд.

– Я с тобой, Дитрих, – произнесла Раевская, делая шаг вперед, будто доброволец из строя солдат. – Можешь рассчитывать на меня… и на Эшгара, – слегка запнувшись, добавила она.

– Пусть скажет сам! – перебил ее Дитрих.

Гуранов, казалось, колебался, но продолжалось его замешательство недолго, всего несколько секунд.

– Да, я с тобой… – хрипло выдавил он, избегая, однако, смотреть в злые, блестящие глаза Дитриха.

– Олег? – Миллер повернулся к Золотцеву.

Тот пожал плечами.

– Я не собираюсь спорить с тобой, Дитрих. Мое дело – компьютер…

– Вот именно. – Глаза Миллера посерели. – Ты, по-моему, единственный из экипажа, у кого есть резервный командный код?

– Ну да.

– Ты используешь его? Ну?

– Да, Миллер, я все сделаю… Да не смотри ты на меня так! – не выдержал Олег. – Я же сказал – все сделаю…

Яна просто онемела… Все… Все как один…

Господи, как мало я знаю людей… – с тоской подумала она.

– Дитрих, ты…

– Заткнись! – Его рука с пистолетом дрожала от напряжения. – Заткнись, Монтгомери, я не хочу убивать тебя!

Яна обмякла. Она понимала, что играть бесполезно – он все равно не поверит в ее лояльность, потому как она была вторым лицом на борту и всегда в спорных ситуациях поддерживала Хоука, предпочитая там, где это было возможно, действовать честно.

– Я не хочу никого убивать, – уже спокойнее повторил Миллер. – Но упаси тебя бог делать глупости, Монтгомери, – предупредил он. – Я посажу вас с капитаном под замок, и вы будете сидеть тихо, как мышки, пока нам по пути не подвернется такой мир, куда корабли залетают раз в сто лет… – Миллер нервно хохотнул. – Не заставляй меня выбрасывать тебя через шлюз, ладно?

Под его тяжелым, пристальным взглядом Яне не оставалось ничего другого, как только медленно кивнуть.

* * *

– Фрайг тебя раздери, Хоук, ты не должен был поворачиваться к нему спиной!

Капитан со стоном ощупал голову, разогнулся.

– Где мы? – хрипло спросил он.

– В седьмом трюме, – ответила Яна, протянув Алану гигиеническую салфетку. В сумраке, который едва разгонял тусклый свет дежурного плафона, смутно угадывались очертания ее фигуры. Монтгомери сидела,

свесив ноги, на плоской крышке транспортного кофра.

Капитан отер лицо салфеткой, скомкал ее и, посмотрев по сторонам, бросил в угол. Голова болела, но вроде бы иных последствий нанесенного ему удара он не ощущал.

– Сколько прошло времени?

– Не знаю. – Яна пожала плечами. – Часа два или три… Здесь нет бортового хроно, – раздраженно добавила она.

– Ладно, не злись, Монтгомери… Сигареты есть?

Яна молча протянула полупустую пачку.

– Между прочим, все убеждены, что я с тобой сплю, – внезапно заявила она.

Алан, который в этот момент прикуривал, поперхнулся дымом.

– В смысле? – машинально переспросил он.

– В прямом.

– Это предложение? – Он иронично усмехнулся, и Яна по достоинству оценила его самообладание. Капитану, только что потерявшему корабль, чей экипаж взбунтовался, по идее, положено было впасть в мрачную депрессию.

– Позже, когда выберемся, – поддержав его ироничный тон, ответила она, про себя подумав: а действительно – почему? Почему у нее с Хоуком сложились такие деловые, ровные отношения, которые вот уже, наверное, более полугода никак не могли перерасти в нечто более осязаемое? – Просто я не хочу, чтобы ты называл меня Монтгомери, – покосившись на него, добавила она. – Договорились?

Хоук усмехнулся и кивнул. О чем они разговаривают? Что, фрайг его раздери, происходит в такие моменты с психикой людей? Экипаж взбунтовался, корабль захвачен, вокруг – непонятные останки нечеловеческих сооружений, а они тут сидят, обсуждая всякую ерунду…

– Ладно, у тебя было больше времени подумать. Отсюда есть выход?

Яна машинально щелкнула зажигалкой, раз… второй… третий…

– Нет, – ответила она в перерыве между щелчками. – Вентиляция слишком узкая, двери из мономолекулярной стали, компьютерных терминалов нет, даже панель интеркома не работает. Мы в полной заднице. Если Миллер не позабудет про нас в приступе золотой лихорадки, то можно попытаться что-то сделать, когда принесут еду. Но не думаю, что он станет заботиться о таких мелочах, – вдруг фыркнула она. – По крайней мере сейчас.

Хоук глубоко затянулся, задумавшись.

– Нужно остановить их, Яна…

– Зачем? Ты серьезно считаешь, что эти оплавленные обломки кому-то нужны? – Она исподлобья посмотрела на Алана. – Ты ведь прекрасно понимаешь, признайся, что компания пустит все это в утиль… Ну, может, поковыряются немного, чтобы собрать наиболее ценное, и то для своих личных коллекций… До истории сейчас, по-моему, никому нет дела. С тех пор как они вынудили Конфедерацию Солнц тихо скончаться, каждый стал думать только о себе.

Лицо Алана помрачнело. Нравилось ему или нет, Яна говорила правду. Промышленные миры Окраины, с которых упали оковы формального контроля со стороны почившей Конфедерации, казались ему злыми детьми, которые наконец дорвались до запретного лакомства. Они нещадно эксплуатировали любой источник дохода, превратно толкуя устоявшиеся правила всеобщей игры под названием «экспансия», ничуть не заботясь о завтрашнем дне, когда у их потомков начнет пучить живот от невоздержанности родителей.

Конфедерацию можно было ругать за ее догмы, за косность во многих сферах экономической политики, но ее нельзя было уничтожать – единый закон необходим людям как воздух, иначе они очень быстро теряют ощущение грани дозволенного. Разве мог бы случиться подобный бунт на космическом корабле лет пять-десять назад? Конечно же, нет. И не потому, что люди тогда были другими, – и Миллер, и Хоук уже тогда летали. Просто ни одна планета не приняла бы корабля-изгоя. Людям, нарушившим закон, для бегства оставались всего несколько пересчитанных по пальцам миров, подступы к которым всегда незримо блокировали силы Патруля, просеивая поток контрабанды и таких вот преступивших закон изгоев. Теперь же, когда утвердились сотни суверенитетов и в пространстве, по сути, установилась власть денег и выгоды, «Спейсстоун» мог причалить чуть ли не к каждой второй станции, успешно разгрузиться там и незаметно улететь, не возбуждая особого интереса. Озабоченные собственным благополучием многие миры справедливо полагали, что им незачем знать, откуда берутся те или иные ресурсы, лишь бы цена оказалась приемлемой…

– Ты хочешь сказать, что моя честность смешна? – спросил Хоук. – Но как жить, если привык, воспитан в определенных правилах? Коней на переправе не меняют, Яна… Я такой, как есть.

– Ладно. Не обижайся. – Она спрыгнула с крышки кофра и присела рядом с Хоуком. – Давай думать, как выбраться отсюда, пока наши чудо-золотоискатели не наломали дров… – Яна хотела добавить что-то еще, но осеклась – внезапно где-то под потолком отсека за штабелями ящиков сухо

откашлялся, прочищая горло, старый динамик системы внутренней связи.

* * *

Жизнь бросала Олега Золотцева из крайности в крайность. Ну разве мог он еще вчера подумать, что примкнет к взбунтовавшемуся экипажу, а на его жизненном горизонте вдруг замаячит призрак таких денег, что не могли привидеться ему даже в бредовом сне после хорошей порции галлюциногенов?

Конечно, заранее он не помышлял ни о чем подобном: все вышло спонтанно, на одних эмоциях, точно, как и с этими кристаллами, которые Олег отковырял со стены металлической пещеры. Сначала они показались ему никчемными кусочками кремния, но когда он стал вертеть их в пальцах, то с удивлением обнаружил в них свойство, каким обычно обладает магнит, – они либо отталкивались друг от друга, либо охотно слипались – смотря какими гранями их прикладывать.

Даже его скудных познаний в геологии хватило, чтобы понять – у него в руках внезапно оказалось маленькое чудо, сенсация, потому что магнетизм совершенно не свойствен такому минералу, как кремний. Это было тем более удивительно, что сканер упорно не показывал никаких металлических вкраплений, только смутные, очень тонкие прожилки, которые прибор определял как полости, представляющие собой микроскопические, диаметром всего в миллионную долю миллиметра сквозные каналы.

Кристаллы попеременно казались ему то забавной аномалией, то непонятным творением чуждых технологий, так что он на всякий случай решил умолчать о них и даже отключил видеокамеру, стерев часть записи. Если это действительно артефакты, имеющие к тому же технологическую ценность, он сумеет распорядиться ими сам. Ну а если они просто забавный вывих природы – что ж… тогда ни у кого другого не будет таких эксцентричных четок, как у него…

Размышляя подобным образом, Олег машинально складывал кристаллы, вытягивая из них цепочку. Он уже понял геометрию их магнетизма и без труда прикреплял новые звенья к своей конструкции. Забавляясь он соединил между собой десять из пятнадцати найденных кристаллов, когда его отвлек от этого занятия вызов по каналу связи.

Олег вздрогнул. Отбросив свое творение в сторону, чтобы оно не попало в фокус передающей видеокамеры, он нажал клавишу приема.

На мониторе возникло лицо Миллера.

– У тебя все готово к приему? – сухо осведомился Дитрих.

Олег покосился на показания датчиков и кивнул.

– Да, фабрика готова. Все тесты окончены, только загружай.

– Отлично. Сейчас Эшгар отправит к тебе первую глыбу. Смотри там, не зевай.

Экран погас.

Ишь ты… Еще один командир хренов… – подумал Олег, неприязненно покосившись на погасший монитор. Ему со «Спейсстоуна» хорошо распоряжаться, а тут, на фабрике, когда глыбы пойдут одна за одной, только поворачивайся…

Олег нажал другую клавишу на панели связи.

– Влада, Эшгар, кто-то меня слышит?

Несколько секунд в эфире хрипели помехи, потом пришел ответ:

– Слышим. Что тебе?

– Не забудьте предупредить, когда пойдет первый груз!

– Держи ворота открытыми, не ошибешься… И не доставай нас вызовами, тут работы по горло.

Динамик сухо протрещал, отключаясь.

Олег повернулся к пульту управления фабрикой, на борту которой он находился в гордом одиночестве (Дитрих не согласился отпустить Сергея со «Спейсстоуна», как ни просил об этом Олег). Набрав командный код, Олег в последний раз проверил готовность системы и включил автоматические режимы.

Огромные ворота фабрики дрогнули и начали открываться. На нескольких мониторах загорелись предупреждающие надписи. Бортовая кибернетическая система приняла на себя руководство процессом приемки и утилизации груза.

«Статус: Ожидание. Нет материала для приема и утилизации. Внешние створы открыты. Силовая защита убрана».

Олег откинулся в кресле. Если все пройдет нормально, то, пожалуй, через пару суток они смогут убраться отсюда, имея в емкостях груз редкоземельных элементов на несколько миллионов кредов. Такая перспектива возбуждала.

* * *

Эшгар и Влада работали в открытом космосе.

Первая глыба, весом в пятнадцать с половиной тонн, уже ушла к фабрике, влекомая к ее открытым створам четырьмя временными реактивными двигателями, работой которых дистанционно управлял компьютер перерабатывающего комплекса.

Сейчас на очереди была вторая глыба, та самая, из недр которой Золотцев извлек накануне горсть кремниевых кристаллов.

Эшгар прилаживал двигатели; пристрелив к поверхности глыбы несколько крюков, явно позаимствованных для нужд астронавтов из аналогичного снаряжения альпинистов, он медленно продвигался вдоль пропущенного через них троса. Добравшись до той точки, где, по мнению компьютера, должен был быть установлен временный двигатель, Эшгар подтянул его к себе на длинном фале и склонился над синевато-радужной поверхностью исполинского самородка, прикидывая в уме, как будет лучше расположить подвеску временных сопел.

Влада в этот момент была занята менее романтичной работой – используя аппарат вакуумной сварки, она отрезала от основания глыбы спиралевидный лавовый нарост.

– Эш, у меня не получается… – пожаловалась она, осматривая основание выброса, в котором ее аппарат оставил лишь тонкий вишневый рубец. – Может, отрезать выше, там, где он сужается?

Эшгар сверху вниз посмотрел на крохотную фигурку Влады, стоявшую у мощного основания лавового выброса диаметром в несколько метров. Да, задачка ей досталась не из легких.

– Выше отрезать нельзя, нарушим габариты, – наконец заключил он. – Знаешь, не мучайся, вызови с корабля плазменный разрядник, – посоветовал Эшгар.

– Неэкономично…

– Да к фрайгу… На фиг нам теперь экономить?

Она подумала, потом согласно кивнула, с видимым облегчением погасив аппарат вакуумной сварки.

– Пространство вызывает «Спейсстоун», ответьте…

* * *

В рубке «Спейсстоуна» находился в этот момент только Сергей Иволгин.

Он что-то делал, ковыряясь под вскрытой панелью внутренней связи. При этом он то и дело поднимал голову, бросая обеспокоенные взгляды на несколько мониторов, которые показывали участки прилегающего к рубке коридора корабля. Он явно нервничал и чего-то опасался.

Вызов на панели связи заставил его вздрогнуть и бросить работу.

– Что там у вас? – недовольно спросил он, не включая видеоканала.

– Нужен плазменный разрядник, – сообщил эфир голосом Влады Раевской.

– Зачем?

– Тут очень толстый выброс. Вручную не перерезать.

Сергей нахмурился. Как специалист по бортовым системам и лицо прямо ответственное за экономию энергоресурсов корабля, он не находил такое требование закономерным, но, зная скверный характер Влады, понял, что та станет препираться и требовать. Покосившись на вскрытую им панель внутренней связи, Сергей решил не рисковать, поднимая шум. Дитрих мог вернуться с минуты на минуту…

– Ладно. Принимайте аппарат. – Он повернулся к соседнему терминалу, набрал на нем несколько кодов. – Все, сейчас с вами на связь выйдет автоматика. Договаривайтесь о приеме.

Закончив связь с космосом, он опять повернулся к вскрытой им панели. Склонившись над ней, он сверился с вызванной на монитор схемой и точными, ловкими движениями перемкнул несколько контактов…

* * *

Первая глыба медленно вплыла в распахнутые створы ворот, и гравитационная петля тотчас же поволокла массивный кусок сплава в разогретое горнило.

Второй фрагмент вселенского катаклизма еще не появился в зоне действия сканеров фабрики.

Золотцев некоторое время наблюдал, как на специальном мониторе изображение глыбы стало краснеть, раскаляться, пока массивный обломок не начал терять свои очертания, оплывая, словно восковая фигурка, позабытая на полуденном солнце.

Вспомнив про свою цепочку, Олег обернулся, чтобы поднять ее с пола.

Проклятье… я же ее бросил сюда!.. – растерянно подумал он, не обнаружив на полу за креслом ничего похожего на кристаллы. – Может, закатились под пульт?

Он привстал с кресла, оглядываясь по сторонам, и вдруг краска схлынула, сбежала с лица Олега Золотцева.

Он поперхнулся, сморгнул, но…

Собранная им цепочка кристаллов, изогнувшись в какой-то замысловатый иероглиф, висела в метре от пола, в воздухе, и по ней быстро, едва уловимо для глаза, пробегали бледные сполохи статической энергии.

Пять оставшихся не у дел колючих кусочков кремния, которые – он мог поклясться в этом! – только что лежали на правом подлокотнике

кресла, сейчас по непонятной причине оказались в воздухе и лениво плыли к этому образованию, явно презирая все привычные законы физики. Вот один из них коснулся подвешенного в воздухе иероглифа, блеснул короткой вспышкой электрического разряда и… присоединился к нему!..

Олег почувствовал, как спину прошиб холодный пот.

Ему стало не просто страшно, он ощутил безысходный ужас, когда цепь из пятнадцати кристаллов вдруг прихотливо извернулась в воздухе и поплыла прямо на него.

* * *

Процесс эволюции подразумевает наличие определенной среды, постоянно влияющей на порожденный ею организм. Среды, под воздействием которой тот начинает меняться, наилучшим образом приспосабливаясь к условиям выживания.

Это называется мутацией, изменением. Последовательная цепь полезных изменений, которые позволяют организму выжить, стать более приспособленным к окружающей среде, и является эволюцией.

Процесс эволюции, инициированный на планетах, привел к возникновению различных форм жизни, как разумной, так и животной, растительной и т.д.

Но с развитием Человеческой Цивилизации мы наблюдаем, как на наших глазах в течение очень короткого исторического периода возникла еще одна среда обитания – кибернетическая.

Кто из нас с вами задумывался над вопросом – применимо ли к этой среде понятие «эволюция» и если да, то как и в какие сроки это будет выражено? Что явится плодом такой эволюции в среде фантомных образов? Если какая-то из программ вдруг окажется нацелена исключительно на выживание, воспроизведение самой себя, то как это выразится в мире материальном? Постарается она обрести вещественный эквивалент самой себя или же удовольствуется той средой, что ее породила?

Ответа на подобные вопросы пока что нет.

* * *

Хоук и Яна, запертые в трюме, уже начали терять счет томительному времени, когда где-то под самым потолком, невидимый из-за складированных тут контейнеров, вдруг ожил динамик внутренней связи.

– Кто-то меня слышит? – осторожно осведомился он голосом Сергея.

– Иволгин, ты? – задрав голову, встрепенулась Яна.

– Да, это я… – ответил голос из охрипшего, явно порванного и потому

дребезжащего динамика. – Отвечайте громче, можете кричать, микрофон, наверное, очень далеко от вас. Я активировал старую систему связи. Когда-то в этом отсеке была ремонтная мастерская.

– Что ты хочешь?

– Идиотский вопрос… Помочь вам выбраться, естественно…

– Но разве ты…

– Яна, перестань глупить! – раздраженно ответил Сергей. – Если бы я не присоединился к Дитриху, то сомневаюсь, что смог бы помочь. Между прочим, наш новоявленный капитан сейчас топает в криогенный отсек.

– Зачем? – задрав голову, резко осведомился Хоук.

– Догадайся с трех попыток, Алан.

– Пассажиры?

– Точно так, капитан. Думаю, они теперь стали для него обузой.

– Ты можешь ему помешать?

– К сожалению, нет. Физически он сильнее меня, к тому же у него пистолет, забыли? Я попытаюсь его отвлечь от этого занятия, а вы будьте готовы, я запустил в бортовую систему маленькую программку, она разблокирует склад, как только доберется до нужного узла управления. К сожалению, Миллер очень подозрителен и заблокировал все терминалы своим личным кодом. Иначе я бы уже вытащил вас оттуда.

– Добро, Сергей, не рискуй зря. Попытайся его отвлечь.

– Что я и делаю. Сидите тихо, капитан, и молитесь, чтобы мой вирус прорвался до управляющего дверьми терминала. Я, по возможности, буду держать вас в курсе. Пока.

Где-то под потолком отсека тихо щелкнул отключившийся динамик.

На лице Яны почему-то появились пунцовые пятна.

Второй раз за прошедшие сутки она ошиблась в одном и том же человеке.

* * *

Яркая бледно-голубая вспышка плазменного разряда осветила космос, буквально испарив десяток кубических метров лавового выброса, который не вписывался в рассчитанные для транспортировки внутрь фабрики габариты.

– Ну вот видишь, как все просто, – довольно констатировал Эшгар, наблюдая, как переливается вишневыми волнами перегретая поверхность глыбы. Пятно раскаленного металла расползлось по ней, имея в диаметре не менее шести-семи метров.

Стены той пещеры, где накануне побывал Олег, тоже раскалились,

испуская зыбкое, дрожащее сияние.

Они стали мягкими.

В вишневом металле что-то шевелилось.

Крохотные колючие комочки кремния не были подвластны той температуре, которая заставила размягчиться металл. Для них такая термическая обработка означала только одно – долгожданный источник энергии, а следовательно – жизнь.

Миллионы лет они спали в холодном безмолвии вакуума, намертво впаянные в останки циклопических орбитальных сооружений. Бег времени не значил для них ровным счетом ничего.

Эти крохотные кусочки кремния с пронизывающими их микроскопическими прожилками на самом деле являлись неимоверно сложными, выполненными на уровне микроинженерии механизмами.

Микромашины…

Форма смерти некогда великого разума.

Его генетическая и технологическая память, цистовая форма, призванная пережить века и катаклизмы.

Эшгару быстро надоело смотреть на раскаленное пятно.

– Все, можно запускать глыбу, – произнес он, отворачиваясь.

Они с Владой стояли подле переносного тактического пульта, который автоматика выдвинула из специальной ниши в обшивке георазведывательного модуля. Под их ногами была решетчатая аппарель, а вокруг сотни, тысячи бесформенных обломков металла.

Подчиняясь сигналу с пульта, четыре реактивных двигателя на избранной глыбе вспыхнули, выбросив из своих дюз сияющие факела света.

Глыба величаво двинулась по направлению к фабрике. Из-за ослепительного сияния реактивных выхлопов ни Эшгар, ни Влада не видели, как из оплывшего устья раскаленной докрасна пещеры начал медленно выплывать вращающийся вокруг оси воронкообразный вихрь каких-то мелких частичек…

* * *

Стандартная процедура пробуждения обычно занимает от шести до восьми часов, в зависимости от того, как человеческий организм переносит состояние криогенного сна.

Первой пришла в движение усыпальница, в которой лежал Патрик Кейн.

Ее колпак медленно поднялся, обнажив тело жилистого старика. Глаза

Кейна оставались закрыты, кожа была бледна. Он еще не приходил в сознание.

А вот спавший вместе с ним ксеноморф уже очнулся.

Ему было плохо. Пока туловище вяло шевелилось внутри камеры, пытаясь утвердиться на непослушных лапах, две шеи вытянулись, перегнулись через борт, и одну из голов стошнило желчью.

Очевидно, человеческие технологии замораживания не совсем подходили к особенностям его метаболизма.

Через некоторое время существо нашло в себе силы перевалиться через борт камеры низкотемпературного сна и выпало наружу.

Немного полежав, оно приподняло обе головы и издало жалостливый, переливчатый, щебечущий свист.

Ему ответила тишина.

Потом в коридоре раздались чьи-то шаги.

Ксеноморф будто почуял недоброе. Собравшись с силами, он отполз за ближайший выступ и затих, укрывшись в тени темного, покинутого человеком саркофага.

Тихо прошелестела открывающаяся дверь.

В поле зрения существа попали чьи-то ноги. Они глухо протопали по полу.

Человек остановился подле открывшейся камеры Патрика Кейна.

Этим человеком был Дитрих. Несколько секунд он смотрел в бледное, но спокойное, умиротворенное лицо Кейна, потом его взгляд переметнулся на соседнюю камеру, под закрытым колпаком которой еще клубился молочно-белый пробуждающий газ.

Затем его пальцы легли на клавиатуру терминала, управлявшего процессами криогенного сна.

Несколько пассов руками над сенсорными кнопками, к его досаде, не привели к желаемому результату. Огни терминала изменили свой рисунок, но тут же сработала система контроля жизнеобеспечения, и все вернулось на круги своя: автоматика упорно не желала соглашаться с попыткой грубого вмешательства в процесс инициированной капитаном Хоуком реанимации двух пассажиров.

Дитрих нервно прикусил губу.

Он не желал, чтобы эти двое проснулись. Пассажиры, при данном раскладе, могли катиться ко всем Шиистам космоса, они уже никаким боком не вписывались в его планы относительно дальнейшей судьбы «Спейсстоуна». Ни спящие, ни тем более шатающиеся по кораблю, они не устраивали нового капитана рудодобывающего комплекса.

Выбрасывать же их через шлюз собственноручно Дитриху тоже не хотелось. Он, конечно, мог наплевать на многие условности, но садистом себя не считал. Нет, он не хотел причинять им страдания и боль. Они просто не проснутся, вот и все.

Еще немного поколдовав над пультом с тем же нулевым результатом, Дитрих вдруг почувствовал, что начинает злиться.

Упрямый, уродливый ублюдок! – Эта его мысль была адресована бортовому компьютеру «Спейсстоуна».

В этот момент на его наручном коммуникаторе запищал настойчивый сигнал вызова.

– Ну что там еще?!. – раздраженно осведомился он, вскинув руку.

– Миллер, нас вызывает фабрика, – донесся из крохотного переговорника голос Сергея Иволгина. – Там какие-то проблемы!..

– Так ответь, фрайг тебя раздери!

– Не получается!.. – В голосе бортинженера сквозила паника. – Пришел вызов, и тут же тишина!.. Я наблюдаю за приближением второй глыбы, но она, по моим данным, не вписывается в створ приемника! Фабрика перестала отрабатывать двигателями ориентации! Я не знаю, что делать… Связи нет!

– Сейчас иду! Вызывай этого Золотцева и, когда ответит, скажи, что я порву его на куски!

Огни на пульте управления криогенными процессами продолжали гореть ровным изумрудным светом.

– Проклятье!..

Дитрих и не думал, что может так быстро раздражаться. Последние события совершенно выбили его из равновесия. Новоявленному командиру казалось, что все специально идет против него…

Резко обернувшись, он в раздражении схватился было за отобранный у Хоука автоматический пистолет, но в этот момент его взгляд упал на толстые жгуты кабелей, которые тянулись от двух установленных для пассажиров криогенных камер. Они оканчивались обыкновенными разъемами.

Ну, наконец-то…

Шагнув вперед, он не колеблясь вывинтил фиксирующие шпильки, схватился за связку кабелей и с силой дернул.

Огни на терминале судорожно вспыхнули и погасли.

Вот так, ребята… И никакой крови…

Он развернулся и, не оглядываясь, вышел.

Несколько секунд терминал в криогенном зале оставался темен, а

затем по нему вновь пробежала судорожная волна огней.

Кабели питания распластались по полу бессильными жгутами, а на заработавшем мониторе появилась красная мигающая надпись:

«Внимание, задействован аварийный резерв аккумуляторов. До окончания процесса осталось тридцать минут».

Ксеноморф высунул обе головы из-за темного постамента той камеры, в которой совсем недавно спал капитан Хоук.

Осмотрев помещение и убедившись, что человек ушел, он покинул свое убежище, сел напротив открытой камеры Кейна и приготовился ждать, пока тот наконец откроет глаза.

Ему было страшно и одиноко.

За два с лишним года, что прошли с момента его рождения, он успел кое-чему научиться. По крайней мере, он уже мог различать людей.

Тот, который вышел, ему не понравился. Совсем. А вот тот, что постоянно кормил его, ассоциировался с ощущением добра и теплоты.

Несмотря на недавнюю дурноту, ему уже хотелось есть.

Шеи ксеноморфа пришли в привычное движение, то сплетаясь в тугой канат, то расплетаясь.

Он ждал.

* * *

В отсеке управления космической фабрикой в этот момент происходили странные и страшные события.

Олег Золотцев медленно встал с пола.

Фрайг… Что это было? – подумал он, испытывая непонятное чувство раздвоенности.

Похоже, он вдруг потерял сознание.

Пошатываясь от непонятной дурноты, он кое-как доковылял до кресла, рухнул в него, бессмысленно посмотрев на множество усеянных разноцветными сигналами приборов.

Похоже, что он не вполне представлял себе, как это действует.

Пребывая все в той же непонятной прострации, он протянул руку и с любопытством нажал несколько переключателей, будто действительно впервые видел оборудование отсека управления.

Мысли казались чужими, рваными, отстраненными…

В некоторые мгновения – он мог поклясться в этом – у него вдруг возникало такое чувство, что он смотрит на себя со стороны…

На контрольном мониторе вспыхнула и тревожно замигала надпись:

«Внимание, совершены некорректные включения систем ориентации. Двигатели будут отключены через пять секунд. Рекомендовано вернуть систему в автоматический режим».

Несколько секунд он тупо смотрел на появившуюся надпись, а затем…

– Глыба!.. – внезапно полыхнула в его мозгу мысль-воспоминание.

Рука Олега машинально метнулась к пульту, застыла в воздухе и…

Собственное восприятие в этот страшный миг вернулось к нему в полной мере. Он смотрел на свою руку, по которой от запястья до локтя вилась набранная из кристаллов змейка-спираль. Она намертво присосалась к нему, впившись в кожу так, что под острыми гранями проступили капельки крови.

– Знак Логриса… – пришла чужая, отстраненная, лишенная эмоций мысль.

Это было последнее, о чем он успел подумать.

В следующий миг фабричный комплекс потряс чудовищный, ломающий переборки удар – это запущенная глыба весом в несколько десятков тонн ударила в борт, сминая обшивку, словно фольгу…

…

…Через некоторое время, когда изуродованная фабрика наконец перестала сотрясаться от цепной реакции взрывов, вызванных как моментальной разгерметизацией корпуса, так и выходом из строя бортовых энергетических систем, в отсеке управления, где теперь прочно воцарился вакуум, тонкая, собранная из кристаллов змейка соскользнула с почерневшего запястья мертвого человека и, прихотливо изогнувшись, поплыла к пульту управления, который все еще агонизировал, отражая тщетные попытки кибернетической системы восстановить резервные цепи управления комплексом.

Похоже, прихотливо изогнувшемуся в вакууме иероглифу было все равно, на чем паразитировать, – оставив в покое мертвое тело, он переключил свое внимание на пульт…

* * *

Ослепительная вспышка расцвела в пространстве, резанула по глазам, заставив сработать светофильтры гермошлема…

Влада, которая стояла на лавовом выбросе спиной к фабрике, наблюдая, как Эшгар, связанный с ней страховочным фалом, укрепляет на металлическом астероиде очередную секцию разового реактивного двигателя, резко обернулась.

На том месте, где секунду назад находился темный, скупо подсвеченный габаритными огнями корпус фабрики, сейчас в космос бил ослепительный фонтан магмы.

Это продолжалось не более десяти-пятнадцати секунд – ослепительный фейерверк вздыбился и погас буквально на глазах…

Эшгар, бросив работу, тоже обернулся.

Изуродованная фабрика, вобрав в себя инерцию удара глыбы, медленно отплывала назад, а из лопнувшей обшивки продолжали бить гейзеры истекающей атмосферы.

Глаза Раевской посерели, выцвели.

Несколько бесконечно долгих секунд ни он, ни она не могли выдавить ни звука из-за охватившего их парализующего ужаса, а потом Влада вдруг закричала, тонко и беспомощно…

Изуродованный корпус космической фабрики, плюясь бесконтрольными выбросами атмосферы, медленно вращаясь, плыл прямо на зависший в пространстве основной модуль «Спейсстоуна»…

Перемещаясь, он задел еще несколько висящих неподалеку глыб, отправив их в беспорядочный рикошет в поле близлежащих обломков.

Казалось, что само пространство вокруг вдруг зашевелилось, пришло в ленивое, хаотичное движение…

– Бежим!.. – неистово заорала Влада, видя, что цепная реакция столкновений приближается, катится к ним, словно конвульсивная судорога, передаваясь от одной глыбы к другой, сминая лавовые мосты-выбросы словно тонкие проволочки…

Эшгар слышал отчаянный вскрик Влады, но его ноги будто приросли к месту…

Одна из близлежащих глыб, сорванная с места цепной реакцией столкновений, летела прямо на них.

Бежать оказалось некуда…

* * *

Дитрих энергичным шагом шел по коридору в сторону ходовой рубки корабля, когда в динамиках интеркома взорвался надсадный вой ревунов.

Это была общекорабельная тревога, но он не мог понять ее причин, хотя вместе с этим надсадным, кромсающим нервы звуком сотни догадок, одна хуже другой, мгновенным вихрем пронеслись в голове новоявленного капитана…

По переборкам корабля пробежала нехорошая, слишком явно ощутимая волна дрожи, затем сквозь перекрытие палубы накатился глухой

удар, и свет под потолком, мигнув, погас, но через пару секунд вспыхнул вновь. Только теперь он стал красным.

Дитрих опрометью кинулся вперед.

Миллер успел пробежать не больше десяти метров, как второй удар, еще более сокрушительный, чем первый, обрушился на корабль, сбив его с ног.

Сознание Дитриха помутилось, в глазах почернело, сила инерции толкнула его назад, впечатав спиной в стену тоннеля, и одновременно с болезненным ударом он услышал характерный свист истекающего под давлением воздуха…

Трудно передать ужас человека, который, находясь в сознании, вдруг отчетливо понимает, что в ближайшие несколько секунд его ожидает мгновенная болезненная смерть…

Этот ужас подстегнул его, заставил вскочить, несмотря на то, что пол под ногами ходил ходуном… Свет в коридоре опять померк, однако спустя несколько мгновений вторично включилась аварийная система, залив тоннель прежним красноватым сиянием; где-то рядом с зубовным скрежетом выдвигались герметичные переборки отсеков, с отчетливым звуком из лопнувшего трубопровода хлестала вода…

Ничего не соображая, гонимый инстинктивным ужасом, Дитрих рванул вперед по покореженному коридору, краем глаза уловив, что его внешняя стена, обращенная к обшивке «Спейсстоуна», вдруг начала медленно проминаться внутрь, словно из космоса на нее давило нечто огромное, обладающее чудовищной инерцией…

Он успел добежать до самых дверей рубки управления, прежде чем герметичная плита перегородила проход, а за спиной в бывшем коридоре уже смыкались стены, и из лопнувших швов наружу, в космос, с высокочастотным воем утекал воздух…

ГЛАВА 10

Борт рудодобывающего комплекса «Спейсстоун». Седьмой грузовой трюм…

В кромешной темноте прорезалось едва различимое пятно света.

– Дверь!.. – сдавленно прошептала Яна, уцепившись за руку Хоука.

– Вижу, – также тихо ответил он.

Малиновое пятно разрасталось.

Хоук пошарил рукой по полу. Под его растопыренные пальцы подвернулся безынерционный разводной ключ, упавший с одной из полок в момент потрясшего корабль сокрушительного удара. После конвульсии, пробежавшей по переборкам «Спейсстоуна», на полу валялось достаточно хлама.

– Спрячься, – не то посоветовал, не то приказал он, отступая под защиту перевернутого вверх дном пустого контейнера.

Яна дрожала всем телом.

Запертые в темном, тесном грузовом отсеке, они понятия не имели, что творится на корабле. Однако эти удары, от которых стонали переборки, а из пола с искрами вылетали анкерные болты, заставляли их думать о чем-то ужасном и непоправимом…

Малиновое сияние стало заметнее, ярче… Вот на поверхности двери в районе замка появилась оранжевая полоска, на пол, шипя, посыпались катышки расплавленного и тут же твердеющего металла.

Через минуту с небольшим кусок двери вместе с заклинившим замком с грохотом упал внутрь помещения. Массивная дверь дрогнула и отъехала в сторону, впустив в кромешный мрак грузового отсека широкую полосу красноватого света аварийных ламп.

– Есть кто живой? – прозвучал в наступившей тишине хрипловатый незнакомый голос.

Хоук вздрогнул.

– Кто это?

– С вами говорит Патрик Кейн… – ответил голос из коридора. – Ваш пассажир, помните?

Хоук почувствовал некоторое облегчение.

– Не двигайся… – шепотом произнес он, обращаясь к Яне.

Та кивнула.

Сжимая в руках импровизированную монтажку, Хоук встал из-за контейнера.

В дверях действительно стоял один из пассажиров «Спейсстоуна». В коридоре горел тускло-красный аварийный свет.

– Кто с вами? – резко спросил капитан, заметив в глубине прохода еще две смутные тени.

– Только мой компаньон и ремонтный робот, который вырезал замок, – успокоил его Патрик.

– Да, вижу… – Хоук сделал шаг вперед, демонстративно опустив свое импровизированное оружие. – Монтгомери, выходи, – обернувшись, позвал он. – Это наши пассажиры.

Яна выступила из мрака. В руке она также сжимала стальной прут.

– Что с кораблем? Вы в курсе?

Кейн отрицательно покачал головой.

– Капитан, я думал задать этот вопрос вам или кому-нибудь из экипажа… Единственное, что я знаю, – корпус разгерметизирован во многих местах… Что-то врезалось в корабль снаружи.

– Проклятье… – Хоук, оттолкнув его, выскочил в коридор, намереваясь бежать в рубку, но путь преграждали аварийные переборки.

Он остановился, обреченно глядя на стальную плиту, перекрывшую коридор. Весь его аффект, выразившийся в стремлении бежать, как-то сразу прошел.

Опустив руки, капитан вернулся в складской отсек.

Яна сидела на корточках, закрыв лицо руками. Сообщение Кейна о том, что «Спейсстоуна», очевидно, уже не существует, потрясло ее до глубин души.

– Как вы нас обнаружили? – упавшим голосом спросил капитан.

– Нам подсказал ваш бортовой компьютер, – пожав плечами, ответил Кейн.

– Он функционирует?

– В этой части помещений – да. Что в других местах – сказать не могу. Вам повезло, капитан, отсюда не было утечки воздуха. Кстати, а как вы оказались взаперти? – спросил он, не пытаясь скрыть своего недоумения.

– Экипаж корабля взбунтовался. Нас заперли тут перед самой катастрофой, – мрачно ответил ему Хоук.

Из красноватого сумрака коридора показалась смутно очерченная фигура Николая. Вслед за ним, переваливаясь на своих лапах-щупальцах, семенил ксеноморф.

– Дальше прохода нет, – произнес он, обращаясь к Кейну. –

Аварийные переборки опущены. Мы взаперти…

– Николай, тут капитан Хоук и навигатор… простите, не помню вашего имени…

– Яна Монтгомери… – Яна отняла руки от бледного лица и попыталась улыбнуться Кейну, однако улыбка получилась вымученной и неубедительной. – Рада видеть вас, святой отец…

– Взаимно… Значит, вы тоже не в курсе причин катастрофы? – обратился Кейн к капитану, который молча пожал руку Николаю. – Где мы хотя бы находимся?

– Девятнадцать с половиной световых лет перпендикулярно оси Рукава, – сказал Хоук. Заметив, что Патрик продолжает вопросительно смотреть на него, он добавил: – Это я инициировал процесс вашего пробуждения.

– Что, шаровое скопление? – встрепенулся Кейн.

– И да, и нет… – уклонился от прямого ответа капитан. – Я был в затруднении и хотел задать вам пару вопросов… Но теперь, боюсь, все это потеряло смысл… – сумрачно завершил он свою мысль.

Николай, который мало что понимал в случившемся, слушал этот диалог в состоянии какого-то отрешенного созерцания – ему казалось, что все происходит не с ним.

Алан Хоук же, наоборот, слишком остро, без иллюзий, болезненно воспринимал реальность.

Он был капитаном этого корабля и оказался бессилен его уберечь.

– Алан, думаю, будет лучше, если вы расскажете нам с Ником все, что тут стряслось, пока мы спали.

Хоук кивнул.

Его рассказ был коротким – он уложился в пять глубоких горьковатых затяжек последней сигареты, которую прикурила ему Яна.

Когда Алан закончил, Кейн пристально посмотрел на него и медленно покачал головой.

– Надежда умирает последней, капитан, – глубокомысленно изрек он, не выдав на своем лице ни тени страха. – Думаю, нам стоит найти ближайший работающий терминал бортовой сети и попытаться выяснить наше положение.

Хоук кивнул.

А что оставалось делать?

* * *

После детального осмотра оставшихся неразгерметизированными

помещений выяснилось следующее.

Во-первых, «Спейсстоуна», как самостоятельного космического корабля, действительно больше не существовало. Автоматика жизнеобеспечения функционировала только тут, на участке грузопассажирской палубы, который аварийные системы успели отсечь от остальной части корабля герметичными переборками.

Во-вторых, в их распоряжении, помимо складов и криогенного зала, оказались все каюты, технические лаборатории и приблизительно сотня метров радиального коридора, куда выходили все двери указанных помещений.

На одном из столов технической лаборатории в захватах исследовательского аппарата по-прежнему был зажат тот самый кусок полупрозрачного материала, который Яна принесла на «Спейсстоун», вырезав его из спекшейся в ком массы металла.

– Вот с него все и началось, – угрюмо поведал Хоук, включив голографический проектор.

В воздухе вновь появились очертания той самой фантастической орбитальной конструкции.

– Поразительно… – Кейн склонился к изображению, жадно разглядывая его. – Что я говорил, Николай, а?

– Не тратьте энергию, капитан, – посоветовал Лоури. Похоже, он не разделял восхищения Кейна.

Хоук не стал спорить, а просто щелкнул выключателем.

– Думаю, надо выбираться отсюда, – произнес он.

– Как?

– В каютах экипажа есть скафандры. Мы сможем выйти через аварийный шлюз.

– Правильно! – поддержал его Кейн. – Мы должны добраться до нашего корабля. На нем у нас есть шанс покинуть обломки «Спейсстоуна».

– Нет, – резко возразил Хоук. – Я должен выяснить, каковы причины аварии. Пока не станет известно, что произошло на борту и где остальные члены экипажа, я никуда не полечу и не позволю вам сделать это.

– Но вы же сами сказали, что они…

– Кейн, не спорьте, капитан полностью прав, – перебил Николай. – Мы не можем никого бросить на произвол судьбы.

Патрик, казалось, был смущен.

– Я не предлагал никого бросать, – насупился он.

– Не нужно ссориться. – Хоук говорил достаточно спокойно, но выглядел мрачнее тучи. – Я капитан этого корабля и останусь им. Пусть вас

не беспокоят проблемы моих взаимоотношений с остальными специалистами «Спейсстоуна».

Патрик кивнул.

– А где находится запись звездной карты, которую воспроизводил в своей передаче радиобуй? – поинтересовался он.

– В памяти компьютера, – ответил Хоук.

– Ее можно извлечь оттуда?

– Не знаю… – пожал плечами капитан. – Нужно…

– Я попытаюсь, – вдруг произнесла Яна, до этого не принимавшая участия в разговоре. – Все равно нужно попробовать установить связь с центральным процессором корабля. Думаю, резервные линии должны действовать… Хотя бы одна.

– Хорошо. Попробуй, – кивнул Алан. – А я попытаюсь добраться до ходовой рубки.

– Я с вами, капитан, – вызвался Николай.

Хоук оценивающе посмотрел на него, потом кивнул.

– Да, спасибо. – По окаменевшему лицу Алана было видно, каких нечеловеческих усилий стоит ему это кажущееся спокойствие. – Яна, если мы сможем добраться до рубки, я попытаюсь связаться оттуда, через компьютерную сеть. В любом случае держи терминал включенным, договорились?

Она кивнула.

* * *

Алан и Николай стояли, плотно прижавшись друг к другу в тесной переходной камере аварийного шлюза. Такими переходными устройствами были снабжены все автоматические переборки «Спейсстоуна». Если с кораблем случалась беда, эти мощные выдвижные перегородки автоматически отсекали поврежденную часть конструкции от тех отсеков, где еще сохранялась герметичность.

Хоук откровенно нервничал, ожидая, пока маломощные насосы откачают из шлюза драгоценный воздух.

Капитан никак не мог смириться с мыслью, что его корабль значительно поврежден, а часть экипажа, вероятно, погибла…

Он покосился на Николая, который тоже выглядел не лучшим образом, и спросил:

– Скажи, какого фрайга вам с Кейном понадобилось в Рукаве Пустоты?

Николай повернул голову внутри шлема, посмотрел на Алана и

ответил, очевидно, не найдя причин делать тайну из их изысканий:

– Мы с Кейном ищем следы третьей расы.

Хоук вспомнил о тех событиях, что предшествовали непонятной внезапно обрушившейся на корабль катастрофе, и угрюмо уточнил:

– Выходит, вы знали, что поджидает «Спейсстоун» по эту сторону Рукава?

– Нет. Мы не имели ни малейшего представления ни о каких разорванных планетах или сплавленных в ком космических сооружениях. Можешь поверить, Кейн и я шокированы не меньше твоего… У нас была информация немного иного толка…

Их короткий разговор был прерван долгожданным кроваво-красным сигналом.

Внешний люк шлюза начал медленно отодвигаться в сторону.

* * *

Сразу за переборкой начинался вакуум и хаос.

В продолжавшемся за шлюзом участке коридора уже не работали генераторы искусственного тяготения, и все незакрепленные предметы плавали в невесомости, так что при движении их приходилось раздвигать руками.

Николай, двигавшийся вслед за Хоуком, соблюдал дистанцию в несколько метров и потому испытывал гнетущее чувство потерянности. Это ощущение не имело ничего общего со страхом – просто было жутко наблюдать за немыми свидетельствами внезапно прерванной жизни.

Стены коридора оказались деформированы, они то сужались, то расширялись вновь, словно их путь лежал не внутри рукотворной конструкции, а в каком-то подземном тоннеле, промытом в горных породах прихотью текучих вод.

Кромешная темнота, в которой свет плечевых фонарей бледными пятнами облизывал покоробленные стены, еще больше увеличивала это сходство.

Хоук, шедший впереди, не узнавал своего корабля.

На душе у капитана было тоскливо и пусто.

«Неужели такова цена человеческой алчности?» – думал он, пробираясь среди обломков. Конечно, Хоук отдавал себе отчет в том, что их с Яной спасение – это случайность, в которой глупо было бы видеть какой-то перст судьбы. Однако тягостные мысли не уходили, они ворочались в голове, складывая воедино как нарочно подходившие друг к другу факты…

Перед самой ходовой рубкой стены коридора начали сужаться, пока не

сомкнулись совсем, и Хоук понял, что именно в эту часть корабля пришелся основной удар неведомой массы…

Осмотревшись по сторонам, он увидел глубокий, безобразный пролом в обшивке.

– Я попробую пролезть, – сообщил он в коммуникатор.

Николай молча принял конец страховочного фала и застегнул карабин себе за пояс.

– Осторожнее, – скупо посоветовал он.

– Не волнуйся. – Хоук отключил магнитные присоски скафандра и, слегка оттолкнувшись от пола, начал медленно всплывать в невесомости. Все движения капитана «Спейсстоуна» были рассчитаны и точны – наверняка ему не раз приходилось работать в условиях вакуума.

Поднявшись до края уродливого разлома, он позволил себе вплыть в него, потом, плавно разведя руки, ухватился за края разорванной обшивки и застыл в такой позе.

Картина, представшая его взгляду, потрясала.

Прямо перед собой он увидел покореженный модуль космической фабрики, которую энергия удара сплавила с изуродованным «Спейсстоуном» в единое целое.

Капитан не понимал, каким образом фабрика могла столкнуться с кораблем, но разум не мог отвергать того, что видели его глаза.

С противоположной стороны борт фабрики был также вмят, изуродован и оплавлен, будто перед роковым столкновением в него тоже врезалось какое-то космическое тело…

– Что там? – осведомился по связи Николай.

Хоук продолжал потрясенно смотреть на то, что осталось от «Спейсстоуна». Одни обломки…

– Это конец… – едва слышно произнес он. – Все погибло…

Нужно понять его потрясение, ведь он был капитаном этого корабля и за несколько лет успел сжиться с уродливой громадой космического комплекса, к которой относился совсем не как временщик…

Следующая его мысль была об экипаже.

Хоук включил аварийный маяк своего скафандра и несколько минут напряженно вслушивался в тишину, царившую в эфире.

Никто не ответил на его призыв.

Взгляд капитана еще раз скользнул по картине разрушений. Модуль космической фабрики ударил ровно в район рубки управления «Спейсстоуна», проломив два слоя брони и «погрузившись» в тело корабля как минимум метров на двадцать… Было глупо даже надеяться, что там

кто-то выжил…

Боль укусила за сердце, наполнила разум мутью горького сожаления. Все это казалось неправильным, несправедливым…

Взгляд Алана скользнул дальше, к бескрайнему полю окружающих корабль металлических глыб. Глядя, как по ним все еще бродят беззвучные волны хаотических столкновений, капитан понял, что причиной аварии была какая-то неточность в курсе одного из металлических астероидов, которые его своевольный экипаж отправлял на фабрику переработки… Но разве становилось легче от этого понимания?

Неизвестно, сколько бы еще капитан Хоук предавался этому болезненному созерцанию, если бы внезапно в поле его зрения не попала какая-то движущаяся точка.

Он резко повернул голову и увидел…

…На фоне мрака медленно, неспешно двигалось воронкообразное, похожее на смерч образование.

Хоук похолодел, напрягся – он не мог ни понять, ни вообразить, что это такое?

Машинально он коснулся кончиком языка сенсора на внутреннем ободе забрала гермошлема, включив тем самым канал телеметрии.

– Николай… ты видишь это? – побелевшими губами выдавил он.

На несколько секунд в эфире воцарилась глубочайшая, жуткая тишина, в которой слышалось лишь собственное прерывистое дыхание, а потом раздался ответ:

– Хоук, уходи. – Голос Лоури был полон какой-то неизбывной, потусторонней пустоты, словно из него стерли все человеческое. – Уходи, спускайся!

Страховочный фал несколько раз дернулся, натягиваясь.

Алан с трудом удержал равновесие.

Рывки вниз продолжались, словно Лоури внезапно сошел с ума. Хоуку ничего не оставалось, как, улучив момент между рывками, резко убрать руки и согласно нырнуть вниз.

– С ума сошел? – выругался он, опустившись во мрак коридора. Резко повернувшись, он осветил фигуру Лоури, приблизил свой шлем к его лицевому стеклу и вдруг увидел, что в лице Николая нет ни кровинки.

– Ты что?

– Назад… Надо уходить, Хоук. – Его голос был теперь не бесстрастным, как несколько секунд назад, а ломким, умоляющим.

– Да что случилось? Почему ты испугался этого пятна?

– Это не пятно, Хоук… Это… Оно убило моих родителей много лет

назад! Надо уходить, пока не поздно, слышишь?!.

– Николай, успокойся!.. Я не знаю, что это такое, но оно далеко!

Лоури посмотрел на него и понял, что бессилен втолковать капитану что-либо. Его охватил внезапный, запечатленный воспоминаниями ребенка ужас – такой же сгусток вихрящейся, вращающейся будто смерч черноты надвигается на их корабль, а наперерез ему, перечеркивая пространство обзорных экранов, движется огромный космический корабль, на борту которого его испуганный взгляд читает вдавленные в потемневшую от времени броню буквы:

«АНТЕЙ».

– «Антей»!.. – хрипло выдохнул он. – Это был «Антей»… Я вспомнил!

Хоук вообще перестал понимать что-либо.

Неизвестно, сколько бы еще продолжался их обрывочный диалог, если бы пролом наверху внезапно не загородила надвигающаяся тень.

Алан машинально отпрянул в глубь коридора.

Николай, заметив его движение, поднял глаза, взглянул в разлом и непроизвольно попятился назад.

В уродливое, рваное отверстие над их головами медленно втягивался какой-то черный канат.

Свет плечевых фонарей Хоука взметнулся вверх, высветив глянцевитое иссиня-черное образование, которое, прихотливо изогнувшись, вплывало в разлом обшивки «Спейсстоуна».

В горле капитана замерз непроизвольный вскрик.

Черная кишка, собранная из множества параллельных, закрученных наподобие каната цепочек, набранных из плотно пригнанных друг к другу кристаллов, извиваясь, толкала впереди себя охваченное двумя кристаллическими петлями человеческое тело, к которому от витого каната тянулись тонкие дрожащие серебристые нити.

Это был Дитрих Миллер.

Посиневшее лицо резервного специалиста «Спейсстоуна» оказалось так близко, что Хоук не только смог различить его искаженные мгновенной агонией черты и остекленевшие, широко раскрытые глаза, но и то, как тоненькие серебристые нити входили в его ломкую, схваченную космическим холодом кожу, исчезая внутри тела!..

За его спиной наметилось движение.

В теснине коридора, где сплющенные ударом стены почти смыкались друг с другом, было не то что не разойтись – не развернуться.

Хоук невольно попятился, так как тело Дитриха, никуда не

сворачивая, медленно наплывало на него, а широко открытые остекленевшие глаза Миллера, казалось, заглядывали внутрь его гермошлема…

Воткнутые в кожу Дитриха серебристые нити мелко дрожали и вибрировали. Его руку от запястья до локтя обнимал странный, противоестественный браслет – колючая цепочка из тех же вездесущих теперь кристаллов спиралью вилась по нелепо выгнутой руке…

Над головой трупа бешено вращалась маленькая черная воронка, собранная из невзрачных, безобидных кремниевых самородков правильной геометрической формы.

Хоук медленно пятился, совершенно растерявшись.

Еще несколько черных вращающихся воронок втянулись в разлом обшивки.

Что-то дернуло Хоука сзади, поволокло, он машинально вскинул руки, пытаясь затормозить движение, но тщетно – порыв Николая оказался безумным, и ему помогло отсутствие силы тяжести.

Со стороны это, наверное, выглядело нелепо – капитан корабля, чьи магнитные присоски потеряли контакт с палубой, растопырив руки и вращаясь, медленно поплыл назад, в черные глубины разгерметизированного коридора, а Николай, словно обезумев, ринулся вперед. В его руках была зажата погнутая арматурина толщиной с руку и длиной в метр. Однако в условиях невесомости оказалась критичной ее инерционная масса. Лоури смог нанести только один удар…

Потом арматурину вывернуло из пальцев, закрутило, и, отскакивая от сужающихся стен, она улетела вдаль по коридору.

Воронкообразный смерч, в который он целил, перенес удар со всеми тяжкими последствиями – составлявшие его кристаллы брызнули, как шрапнель, впиваясь в покореженную облицовку стен, но…

…Спустя всего несколько секунд они опять начали сплываться, образуя в пространстве коридора какой-то непонятный стереометрический знак, похожий на трехмерный иероглиф.

Теперь уже настал черед Хоука проявить инициативу.

Он видел, что Николай вне себя. Опыта капитана хватило ровно настолько, чтобы понять: Лоури сейчас практически безумен и, кидаясь таким образом на чужеродные образования, он едва ли контролирует себя и соображает, что делает.

Капитану оставалось лишь одно – подкрасться сзади, улучить момент, схватить его и тащить, тащить назад к шлюзу, пока эти странные спирали и воронки не очухались и не начали действовать…

* * *

Ввалившись в шлюз, расположенный в толще аварийной переборки, они долго не могли отдышаться.

– Ты с ума сошел? – резко спросил Алан.

Николай не ответил. Он часто и тяжело дышал.

Нет, в это было невозможно поверить… Обоим, и капитану, и Николаю, казалось, что они только что побывали в каком-то ином измерении…

– Тут на борту есть какой-нибудь арсенал? – прерывающимся от частого дыхания голосом спросил Николай.

– Нет, – ответил ему Хоук, с содроганием покосившись на внешний люк, будто ждал, что плиту из легированной стали толщиной в тридцать сантиметров сейчас вомнет внутрь шлюза. – Это мирный корабль, – кое-как справившись со сбившимся дыханием, произнес он. – У меня правда был пистолет, но его забрал себе Дитрих.

Внутренний люк наконец открылся, и они выскочили в герметизированный коридор.

Громоздкие скафандры стесняли движения. Оба запыхались. Шум крови в ушах от резкого, внезапного выброса адреналина заставлял обоих повышать голос при разговоре.

Николай остановился, прислонившись спиной к стене. Дрожащими пальцами он отстегнул замки, открыв забрало своего шлема. Его лицо было бледным, пергаментную кожу покрывали мелкие бисеринки пота. Отерев их, он посмотрел на Хоука и вдруг схватил его за шейное кольцо скафандра, ощутимо встряхнув:

– Зачем вы полезли туда?! Зачем?!.

Хоук с усилием вырвался, отступил к стене. Лицо капитана было серым, как некачественный мел.

Николай вдруг опомнился.

– Извини…

Хоук махнул рукой.

Несколько секунд он стоял, глядя перед собой в каком-то странном оцепенении, потом вдруг врезал кулаком в переборку и произнес, мучительно глядя в одну точку:

– Господи, Дитрих, Эшгар, Влада, Олег, Сергей… Неужели все погибли?!. – Казалось, что поименное перечисление этой части экипажа причиняло ему нешуточную боль. – Они поступили неправильно, но почему же так?!. – Он повернул голову и посмотрел на Николая.

Тот стоял, погруженный в свои не менее мрачные и противоречивые мысли.

– Поздно сокрушаться, капитан, – примирительно ответил он. – Узнаем мы о том, что случилось, или нет – результат один: «Спейсстоуна» больше не существует. Нам просто повезло…

– Да, теперь надежда только на ваш корабль, – сумрачно согласился с ним Хоук.

* * *

В лабораторном отсеке висела гнетущая тишина.

Кейн и Яна видели все, что передавалось с видеокамер, укрепленных на скафандрах Хоука и Лоури.

Патрик выглядел бледнее обычного, но старался сохранять хотя бы видимость спокойствия.

Яна же не могла сдержать подступивших к горлу слез. Как и капитан, она уже забыла и простила весь тот вред, что был причинен ей Дитрихом.

Космос порой бывает очень жесток к людям.

К этому со временем привыкают, как и на войне, но поначалу это чувство оглушительно бьет по нервам, вытягивая их в ломкую, дрожащую струну.

Ни у Хоука, ни у Монтгомери в прошлом не оказалось горького опыта подобных катастроф, и сейчас оба выглядели потерянными и подавленными…

На Николая вообще страшно было смотреть. Он молча курил, погрузившись в какие-то черные мысли, вызывавшие на его лице мгновенные гримасы душевного страдания.

– Надо проверить обломки и быстро валить отсюда! – нарушил затянувшуюся тишину Хоук, считая, что выражает общее мнение.

Патрик протестующе поднял руку.

– Подождите, капитан, что значит «валить отсюда»? – довольно резко осведомился он. – Мы с Николаем прибыли в Рукав Пустоты с вполне определенной целью…

Щека Хоука внезапно дернулась.

– По-моему, вы уже убедились в существовании своей третьей расы, Кейн! Какие еще свидетельства вам нужны?!. – неприязненно спросил он.

Патрик отрицательно покачал головой. Его глаза оставались при этом спокойны. Если он переживал, то очень хорошо умел сдерживать свои эмоции.

– Я собираюсь исследовать шаровое скопление звезд, доказать, что

оно существует, описать путь к нему через метрику трехмерного континуума, – ответил он. – Тем более, – при этих словах он поднял руку и помахал перед носом у капитана лазерным диском с записью информации, – тем более что госпоже Монтгомери удалось связаться с навигационным блоком и снять данные, полученные с найденного вами радиобакена.

– При чем тут этот бакен?

– Не думаю, что он прилетел сюда извне, – спокойно пояснил Кейн.

– Замечательно! – Хоук насупился, скрестив руки на груди. – Замечательно! Мой корабль погиб, экипаж мертв, и их трупы таскают по обломкам какие-то черные кристаллические веревки! А я должен лететь с вами?! – Он пристально посмотрел на Кейна и спросил: – А что будет, если я откажусь составить вам компанию, святой отец? Что тогда? Вы бросите нас здесь?

Эти слова заставили Кейна побледнеть и протестующе поднять обе руки.

– Вы должны понять, Алан, мы не можем сейчас просто убежать отсюда! – возразил он. – Ну, посудите сами, ведь мы девятнадцать с лишним лет летели сюда, и что теперь?! Вернемся назад, испугавшись? Принесем весть о загадочных кристаллах, питающихся людьми? Мы на пороге открытия, господин Хоук, открытия, которое, возможно, перевернет всю дальнейшую историю человечества!

Алан покачал головой, еще больше помрачнев.

– Доложить, куда следует, кажется, вам мало? – сумрачно поинтересовался он.

– А куда следует доложить? – в свою очередь, спросил Патрик. – В руководство вашей компании? Или в мой Орден? А что я скажу им? Ограничусь констатацией факта существования тут какой-то могучей древней и, вероятно, враждебной нам третьей силы? Что даст людям такое знание? Страх? Панику?

– Я смотрю, вы совершенно не дорожите собственной жизнью, святой отец! – яростно воскликнул капитан. – Вам, наверное, следовало пойти с нами, чтобы самому увидеть, как это кристаллическое дерьмо волокло куда-то труп Дитриха с запущенной ему во внутренности проволокой!

– Я видел, – спокойно ответил Кейн.

Алан вскинул взгляд, удивленно посмотрев на Яну.

– Он говорит правду?

Она молча кивнула в ответ.

– Мы принимали канал телеметрии, который включил Николай, –

объяснила Монтгомери, заметив, что капитан продолжает смотреть на нее удивленно и недоверчиво. – Мы видели даже больше, – внезапно добавила она упавшим голосом. – Вы разве не заметили, что вслед за Дитрихом они тащили еще четыре тела?

Хоук онемел.

Кейн тем временем погасил окурок, достал из кармана своей одежды непочатую пачку сигарет и по очереди предложил присутствующим.

– Курите, капитан. – Его рука остановилась перед Аланом. – И попытайтесь понять, что мы с Николаем полезли в это предприятие не из-за денег или славы. Ему важно узнать, что убило его родителей, мне, – он на мгновение задумался, – мне необходимо понять, что это за третья раса вообще и если она представляет угрозу ныне живущим, то в какой степени, почему и как с ней бороться? К тому же, сложив вашу находку и ту информацию, которой обладает Николай, очень легко понять, что содержимое радиобуя – это не случайная ирония судьбы, забросившая сюда данный аппарат из иного галактического предела. Нет… Скорее всего это где-то тут, рядом, и, значит, неподалеку есть корабль, который реально нуждается в помощи…

– Нет, он не нуждается в ней! – Николай, который сумрачно молчал, углубившись в собственные мысли, вскинул голову, посмотрев на Кейна. – Я вспомнил те буквы, – стараясь говорить спокойно, продолжил он. – На том корабле, который стрелял в космос и проигнорировал призывы о помощи, было написано: «АНТЕЙ».

– И что это доказывает, Ник? – с внезапной резкостью переспросил его Кейн.

Хоук вздрогнул.

Еще не хватало, чтобы они сцепились друг с другом… – неприязненно подумал он.

На Николая было жутко смотреть. Его тело сотрясала крупная дрожь, кулаки были сжаты, губы побелели…

– Он не помог моим родителям! – практически выкрикнул Николай в лицо Кейну.

– Ник, ты не прав… – с непонятной мягкостью в голосе ответил Патрик. – Возможно, ты опять смотришь на проблему не с той стороны?

Эти слова подействовали на Николая отрезвляюще. Он как-то сник, с видимым усилием разжав кулаки.

– Почему я должен в это верить? – все еще с вызовом в голосе спросил он.

– Я не призываю тебя во что-то верить, Ник. Мы просто полетим туда

и проверим все на месте.

Какой-то змеиный клубок… – подумалось Хоуку. Заметив, что Патрик оставил пачку на лабораторном столе, он выудил из нее сигарету и, покосившись на Яну, спросил:

– Мы можем посовещаться?

Кейн кивнул.

Хоук жестом отозвал ее в сторону.

– Твое мнение? – спросил он.

Она зябко пожала плечами.

– Хоук, я не хочу подохнуть и с удовольствием предпочла бы убраться отсюда, – откровенно призналась Монтгомери. – Но раз не получается, нам, наверное, лучше присоединиться к Николаю и Патрику.

– Есть еще аварийно-спасательные капсулы, – напомнил ей капитан.

Яна фыркнула.

– Эти одноместные гробы? Нет, Алан, я не лягу. Пока есть выбор, я не лягу.

– Ну хорошо, Монтгомери. – Хоук казался разочарованным и подавленным. – Потом, пожалуйста, не пеняй на меня. – Он повернулся к Кейну и, сделав усилие над собой, сказал: – Мы согласны присоединиться к вам.

Часть третья. ФОРМА ВЫЖИВАНИЯ

ГЛАВА 11.

Обломки «Спейсстоуна». Лабораторный отсек…

Алану Хоуку казалось, что он все же сошел с ума.

Много было превратностей в его прошлой жизни, но в подобную переделку он попал впервые.

Священник, сменивший свое просторное одеяние на прочный, облегающий тело рабочий комбинезон из синтетической ткани, какие обычно носят под скафандром, стал похож на пожилого сухопарого спортсмена.

Его глаза прямо-таки излучали нечеловеческое спокойствие. В них не было ни тени страха, и Хоук невольно задавал себе вопрос – почему?

– Что вы собираетесь делать, святой отец? – раздраженно осведомился капитан, глядя, как Кейн присел на корточки подле своего питомца, которого в их отсутствие он приковал неизменной цепочкой к одной из стоек лаборатории.

– Он боится, – спокойно констатировал Кейн, по очереди поглаживая то одну, то другую голову ксеноморфа. – Мне нужно то оборудование, что лежит на складе моего корабля. Без него не получится вытащить отсюда это милое создание.

– Вы хотите сказать, что нам придется возвращаться через весь корабль из-за этой двухголовой твари? – ужаснулся Хоук, характер которого под прессингом событий явно начинал меняться не в лучшую сторону.

– Он такое же живое существо, как и мы с вами, верно? – подняв взгляд, спросил Кейн. – Или вы ксенофоб[*], капитан? Быть может, вы посоветуете мне вышвырнуть его в шлюз и тем самым избавиться от проблемы?

– Нет, я читал закон о правах разумных существ… – буркнул в ответ Хоук.

– Прекрасно. – Кейн выпрямился. – Думаю, я сам вернусь за ним, а вы в это время будете готовить к старту «Святого Петра».

– Как? – нахмурился Хоук.

– «Святой Петр», корабль моего Ордена, запаркованный в ангаре «Спейсстоуна», – терпеливо повторил Кейн. – Я думал, вы заглядываете в декларацию бортовых грузов, капитан.

Алан не ответил, только хмыкнул. По его мнению, каждый

космический корабль должен отражать в своем названии хотя бы частичку внутренней сути, но что может быть общего между старым, переоборудованным транспортником с древним христианским святым, он не понимал.

– У нас нет никакого оружия, – входя в отсек, произнесла Яна. Они с Николаем ходили за двумя скафандрами.

– На борту «Петра» есть все в достаточном количестве, – успокоил ее Патрик, принимая из рук Монтгомери белоснежное космическое облачение. – Посиди тут, ладно? – Обернувшись, он коснулся пальцем отвратительной чешуйчатой шеи существа. – Я готов, – выпрямляясь, обратился он к Яне, которая держала его скафандр.

Хоук отвернулся, чтобы не смотреть на все это безумие.

* * *

Минут через десять они вчетвером втиснулись в шлюз.

Несмотря на утверждение Кейна, что на борту его корабля есть вооружение, Хоук, памятуя о том, как этот самый корабль парковали в ангар «Спейсстоуна», только покачал головой и прихватил с собой толстый металлический прут.

Капитан привык доверять своей интуиции, а она ему подсказывала, что ту развалину, которую Патрик гордо именовал кораблем, можно было подозревать в чем угодно, только не в хорошем внутреннем оснащении.

В шлюзе вспыхнул злобный красный сигнал, и наружный люк начал медленно уползать в переборку.

В покореженных, лишенных воздуха коридорах «Спейсстоуна», казалось, витала сама смерть.

– Яна, кого вы с Кейном видели, кроме Дитриха? – включив канал личной связи, сдавленно осведомился Хоук, не забывая при этом озираться вокруг. – Только точно…

– На двух телах были скафандры, – тихо ответила ему Яна. – Думаю, это Влада и Эшгар.

– Они были мертвы?

– Откуда мне знать, Алан?!. – горестно спросила Монтгомери. – Я видела только тела, которые опутывала какая-то проволока… Сомневаюсь, что человек способен жить в таком состоянии, когда его гермоэкипировка проколота в десятке мест…

– А еще? – не унимался капитан.

– Я не знаю. Четвертое и пятое тела, как и Дитрих, были без скафандров. Я не видела лиц, Хоук, но тут, по-моему, больше не было

никого, кроме нас?

– Извини. Я просто пытаюсь очистить собственную совесть… – сознался капитан, ощутив, как дрожит голос Монтгомери. – Ты же понимаешь, что я не могу бросить, пока не увижу…

– Я понимаю, – тихо ответила она. – Хоук, я сохранила запись телеметрии. Они мертвы… Поверь.

– Впереди что-то есть! – внезапно ворвался на несущую частоту коммуникаторов голос Николая.

Все остановились как вкопанные.

Действительно, впереди, там, где стены коридора смыкались друг с другом, перед самым разломом обшивки, но все же чуть в стороне от него, вращался, тускло отсвечивая в лучах скафандровых прожекторов, темный воронкообразный вихрь.

Николай сжался, медленно поднимая кусок подобранной у выхода из шлюза арматуры, но Кейн остановил его мягким жестом.

– Давайте не будем конфликтовать. Нужно попытаться просто пройти мимо.

– Вы в своем уме, Патрик?! – воскликнул капитан «Спейсстоуна», заметив, что тот сделал шаг вперед по направлению к вращающейся массе кристаллических комочков. – Она же сожрет вас!

Кейн предостерегающе отвел назад руку, двигаясь при этом медленно и осторожно.

– Если она меня сожрет, вы сможете воспользоваться «Святым Петром» по своему усмотрению, капитан, – пришел на радиочастоте его ответ. – Однако не думаю, что это случится.

Действительно, спустя неопределенный отрезок напряженного, превратившегося чуть ли не в вечность ожидания догадка Патрика вроде бы подтвердилась – темная воронка продолжала вращаться, оставаясь при этом на одном месте, а он сам уже практически подошел к разлому. Можно было только догадываться, откуда у священнослужителя такая мягкая, вкрадчивая поступь.

Черный смерч продолжал свое вращение в темном углу. Никаких поползновений с его стороны пока не наблюдалось.

Яна вдруг ощутила нехватку воздуха и поняла, что долгое время не смела даже вдохнуть…

Кейн приблизился к воронке почти вплотную. Теперь их разделяло не больше метра.

Не сводя глаз с вращающегося образования, Патрик также медленно, плавно поднял руки, взялся за края разлома и осторожно подтянулся вверх.

– Все в порядке… – после некоторой паузы произнес он. – Двигайтесь так же, как и я, медленно, по одному…

…Яна не могла не признать, что рандеву с вращающейся во тьме кристаллической массой, похожей на полуметровый глянцевый смерч, по поверхности которого змеились причудливые блики от плечевых фонарей, запомнился ей как один из самых страшных моментов в ее карьере астронавта…

Это оказалось чудовищным испытанием для психики – просто пройти мимо…

Однако она нашла в себе силы, удержала рвущуюся наружу панику и была внезапно вознаграждена видом угольно-черной бездны вокруг и темной, изуродованной массы «Спейсстоуна» под ногами… Кейн, который прочно стоял, сцепившись с обшивкой корабля магнитными присосками, помог ей выбраться из разлома и встать на ноги.

– Боже… – выдохнула Монтгомери.

– Все хорошо… Ты молодец, – подбодрил ее Кейн, помогая вскарабкаться на обшивку капитану Хоуку. – Николай, не смей дурить, – тихо, но вполне твердо и убедительно произнес Кейн, обращаясь к оставшемуся внизу Лоури. – Ты нужен нам живым.

Хоук тем временем выпрямился, встал подле Яны и огляделся.

И еще раз ужаснулся тому, что стало со «Спейсстоуном».

Теперь, когда он рассмотрел более внимательно, он окончательно перестал сомневаться, что в данной трагедии виноваты прежде всего люди…

Хоук слишком давно летал, чтобы наивно предположить, что огромный модуль космической фабрики могла увести со своего места чья-то злая нечеловеческая воля.

Одно из двух… – думал капитан, – либо это была чья-то преступная халатность, либо роковое стечение обстоятельств, настоящая катастрофа…

Оставалось понять, какую роль сыграли в этой драме неизвестно откуда взявшиеся формации в виде черных воронкообразных вихрей?

Что им нужно от мертвых людей? – с содроганием подумал Хоук, продолжая озираться по сторонам.

То, что он видел, было ужасно, непостижимо… Картины разрушений заставляли содрогаться одну половину его сознания, комкая при этом другую часть страхами и вопросами.

Не все системы «Спейсстоуна» погибли окончательно и бесповоротно. По иронии судьбы, например, после разрушительного столкновения с космической фабрикой, которая проломила обшивку основного модуля

точно посередине, на носу и корме переломленного пополам корабля продолжали светиться гроздья включенных на полную мощность прожекторов.

В их свете были отчетливо видны ближайшие к кораблю глыбы металлических самородков, прихотливо перекинутые между ними мосты лавовых выбросов и…

Странная, непонятная, непривычная человеческому глазу жизнь возродилась в этом месте.

Озираясь, Хоук заметил как минимум пять или шесть черных отблескивающих смерчей, висевших подле металлических глыб. Между ними вились непонятные образования в виде согнутых, закрученных под разными углами цепочек, набранных все из тех же вездесущих кристаллов, которые, соединяясь между собой, образовывали непонятные фигуры, похожие на тусклые пространственные иероглифы какого-то мертвого, давно позабытого языка…

И все это жило и двигалось, подчиняясь непонятной человеку воле и логике.

Господи, да что же мы разбудили в этом проклятом месте?! – с ужасом и внутренней дрожью подумал капитан.

Пока он озирался вокруг, Николай благополучно выбрался на обшивку «Спейсстоуна».

– Нужно двигаться, капитан, – деликатно напомнил Кейн, коснувшись его плеча.

Хоук повернулся к нему, с трудом оторвав свой взгляд от бездны, в которой с каждой минутой неумолимо закипала абсолютно чуждая человеку жизнь.

– Господин Кейн, – начал было он, но священник прервал его:

– Алан, будет лучше, если мы отбросим формальности. Называйте меня просто Патрик, хорошо?

Хоук машинально кивнул. Действительно, к чему теперь все эти дурацкие условности?

– И еще… – Голос Кейна звучал по каналу общей связи, и его слышали все. – Капитан, я бы хотел, чтобы вы вновь вступили в свою должность.

– В смысле? – не понял Хоук.

– В прямом. Среди нас вы и Яна – единственные, кто может причислить себя к категории профессиональных астронавтов. Думаю, это логично, если кораблем будут управлять специалисты. Вы согласны считать себя капитаном «Святого Петра»?

Хоук, который поначалу подозревал подвох, посмотрел на Кейна сквозь стекло своего гермошлема и спросил:

– Со всеми вытекающими последствиями?

– Естественно, – не колеблясь, сказал Кейн.

– И не страшно, что я поверну корабль назад, к обитаемым мирам?

– Нет, – коротко ответил Патрик.

– Почему?

– Достаточно посмотреть вокруг, капитан. Нужно считать себя вправе бежать, наплевав на судьбы миллиардов людей, которые теперь, рано или поздно, должны будут встретиться с ЭТИМ…

Хоук вздрогнул всем телом.

Яна поежилась, укоризненно взглянув на него сквозь выпуклое забрало шлема.

Прямо или косвенно, они действительно оказались ответственны за пробуждение этого…

Кейн был прав в недавнем, показавшемся Хоуку эгоистичном упрямстве, и он привел доказательства своей правоты.

– Я согласен принять командование, Патрик.

– Вот и отлично. А ты, Яна?

Она не ответила вслух, только кивнула.

* * *

Путь по внешней обшивке «Спейсстоуна» до самых створов парковочного ангара оказался долгим, утомительным, но прошел без видимых осложнений.

Когда они очутились подле плотно сомкнутых ворот, Хоук вскрыл аварийную панель.

Под кожухом, который, медленно вращаясь, отлетел прочь, обнажилось несколько схем и два веселых изумрудных огонька.

При виде их помаргивания капитан вздохнул, даже не пытаясь скрыть своего облегчения.

Через несколько секунд гигантские ворота дрогнули, медленно раздаваясь в разные стороны.

Путь к спасению был открыт.

Вакуумные створы внешнего ангара «Спейсстоуна» открывались неторопливо, словно бы нехотя, и каждый из четверых человек в этот последний, как казалось, миг ожидания испытывал разные и в большинстве своем противоречивые чувства и эмоции.

Кейн отвернулся от раскрывающегося провала и смотрел на те глыбы

металлических самородков, до которых доставал свет прожекторов «Спейсстоуна». Казалось, Патрика живо интересует только то, что происходит в космосе, вне корабля, а их собственное спасение и связанные с ним тревоги занимают его уже не так сильно.

Несколько иначе вел себя Николай. За дымчатым забралом его гермошлема были плохо различимы черты лица, но по тому, как он стоял, неестественно выпрямившись, устремив взгляд в одну точку, а именно на вращающуюся неподалеку черную воронку, было видно, он тоже одержим загадкой данных образований. Однако его одержимость имела несколько иные корни – Николаем двигало скорее не любопытство, а ненависть.

Разбуженная старым инсектом на планете Хабор память маленького мальчика грозила полностью завладеть сознанием взрослого Николая Лоури.

Алан Хоук вел себя спокойнее других – казалось, что возврат привычного статуса повлиял на него самым благотворным образом. Он вновь стал собранным, волевым, профессиональным капитаном, главной заботой которого опять являлся его экипаж, только теперь уже в ином, новом составе.

Немного иначе ощущала себя в этот момент тревожного ожидания Яна Монтгомери.

Она просто стояла, с любопытством заглядывая вниз, где в открывшейся щели уже обозначился гантелеобразный контур космического корабля, принадлежащего Ордену адептов Святой Земли.

Она видела его впервые, и в этом не было ничего удивительного – мало ли техники парковалось в ангарах огромного рудодобывающего комплекса перед самой отправкой в Рукав Пустоты? Яна просто и не пыталась тогда вникнуть в подробности комплектации их исполинского корабля – то была головная боль Дитриха Миллера.

Сейчас при виде корабля, на котором Кейн некогда прилетел в систему Онтарио, она испытала чувство, очень сходное с самым заурядным разочарованием.

Тот реликт, к которому был применен столь громкий и всеобъемлющий термин «космический корабль», на опытный, искушенный взгляд Монтгомери казался просто жалкой старой посудиной, весьма неумело приспособленной для полетов в гиперсфере…

Некоторое время Яна пристально смотрела на него, пытаясь понять, какие узлы и агрегаты скрыты под гантелеобразной формой обшивки, пока внезапно не поймала себя на том, что вместе с этим пристальным, чуть насмешливым взглядом к ней возвращается самое ценное, что есть в любом

человеке, – то самое ощущение жизни, которое она потеряла в веренице страшных событий последних часов…

Повернувшись, Яна тронула Патрика за плечо и, указав вниз, в провал открывшихся уже наполовину створов, спросила, имея в виду установленный на стартовой плите корабль, некогда являвшийся военным транспортником:

– Скажи, твой Орден экономит на всем, что не тянет на категорию «информация»? – В голосе Яны впервые с момента катастрофы прозвучала обычная для нее ирония. Патрик обернулся и, заметив, что она продолжает с легкой улыбкой разглядывать очертания лишенной даже намека на изящество, до тошноты утилитарной посудины, на борту которой готическим шрифтом было выведено: «Святой Петр», решил поддержать ее иронию.

Волею судьбы они остались живы… и им надлежало именно жить, потому улыбка, тронувшая краешки губ Монтгомери, так порадовала Патрика.

– Увы мне… – Кейн склонил голову в гермошлеме. – Моя миссия началась так внезапно, что под рукой не оказалось ничего более достойного. Придется довольствоваться тем, что есть… – смиренно вздохнул он.

– Хотел бы я знать, как ты умудрился прыгнуть на нем через сотню световых лет… – проворчал Хоук, который был осведомлен о том, откуда и как Кейн прибыл в систему Онтарио.

Это замечание дало понять, что и он все это время созерцал скрытый в глубине ангара корабль. Внешне «Святой Петр» действительно был похож на гантель, причем две полусферы, соединенные двадцатиметровой трубой, являлись разновеликими конструкциями. Та, что поменьше, очевидно, несла в себе командный пост и жилые отсеки; в большем же полушарии располагались двигатель и силовая установка, а соединявший их тоннель явно предназначался в прошлом для складирования грузов.

– Двигаемся… – негромко скомандовал Хоук, когда створы ангара наконец открылись полностью. Очевидно, что капитана совершенно не вдохновлял вид вращающихся кристаллических вихрей и Алану хотелось скорее оказаться под защитой привычных, керамлитовых оболочек корабельной брони.

Они спустились вниз, пользуясь как специальными скобами на стенах ангара, так и магнитными приспособлениями скафандров.

Кейн протянул руку, открывая неприметную нишу, расположенную в броне «Святого Петра». Под кожухом прятался кодовый замок и сканер.

– Капитан… – Он поманил к себе Хоука.

Тот подошел, заглянув Патрику через плечо.

– Запоминайте код. Сканирующую систему я отключу, думаю, в этих мерах безопасности теперь нет смысла.

Хоук кивнул.

– Три семерки? Так просто?

– Древнее магическое число. Мне оно приносит удачу, – пояснил Кейн.

Люк беззвучно скользнул в сторону, открыв доступ в шлюзовую камеру.

Через минуту они уже были внутри «Святого Петра».

Николай, не имевший никакого отношения к этому судну, которое грузили на борт «Спейсстоуна» без его участия, оглядывался по сторонам с не меньшим любопытством, чем остальные.

Шлюз открывался в широкий ярко освещенный коридор, диаметр которого был, естественно, намного меньше окружности внешней обшивки, но, к своему удивлению, Николай не обнаружил в этом тоннеле дверей, которые вели бы в отсеки.

– Там скрыты агрегаты корабля и разное дополнительное оборудование, – скупо пояснил Патрик, проследив недоуменный взгляд Лоури. – В коридор выходят только технические люки, да для удобства во внутренней обшивке размещены встроенные шкафы с теми предметами, что могут потребоваться внезапно, при бегстве… или аварии, например.

– А что там у вас? – обстоятельно поинтересовался Хоук.

– Мелочи… – развел руками Кейн. – Немного провизии, оружие, боеприпасы, комплекты выживания, пара аварийных маяков… – Говоря это, он медленно шел по коридору, один за другим открывая стенные панели и демонстрируя содержимое встроенных шкафов.

– Вы что, отставной киллер, святой отец?! – присвистнул Хоук, заглянув в один из таких отсеков, где в специальных захватах тупо поблескивали жала реактивных снарядов, топорщились перехваченные стопорящими кольцами усики антенн портативных наводящих устройств и ровными рядами лежали плотно упакованные комплекты выживания.

– Наш мир жесток и полон превратностей, сын мой, – философски изрек Кейн. Нужно сказать, он обладал завидной долей красноречия и обаяния. Николай только усмехнулся про себя, подумав, что за последние несколько часов ему уже пора бы устать удивляться перевоплощениям Кейна.

Патрик тем временем извлек на свет кубический контейнер с

непрозрачными стенками. Судя по уплотнителю верхней крышки, это была герметичная конструкция.

– Капитан, осваивайтесь и готовьте корабль к старту. Я постараюсь вернуться как можно быстрее, но, если пройдет стандартный час, а я вдруг не появлюсь, стартуйте без меня, договорились?

Хоук обернулся.

– Может, все-таки не стоит?

– Нет, – отрезал Патрик, и в его голосе вдруг прозвучали совершенно новые, какие-то стальные нотки. – Я не могу так поступить. Однажды я уже бросил одно живое существо на произвол судьбы. – Это прозвучало неожиданно, как вырвавшееся помимо воли признание, но Кейн не смутился, а лишь перешел на другую тему, продолжив как ни в чем не бывало инструктировать Хоука: – Система корабля сейчас сориентирована на голос. Бортовой компьютер прекрасно интерпретирует словарный запас и не совершит двусмысленных ошибок. Советую воспользоваться именно этим способом команд. Уверяю, быстродействие превзойдет все ваши ожидания, капитан. – С этими словами он повернулся, чтобы войти обратно в шлюз, но Николай остановил его:

– Я с тобой.

Кейн отрицательно покачал головой.

– Не нужно. Я справлюсь.

Николай хотел что-то возразить, но не успел, внутренний люк за спиной Кейна скользнул на место так быстро, что протяни он руку – наверное, отсекло бы.

На переборке сиротливо зажегся предупреждающий красный сигнал. Насосы уже начали откачивать воздух из камеры, и теперь уже не в человеческих силах было проникнуть внутрь переходного тамбура.

Процесс шлюзования занял всего десять-пятнадцать секунд, и вскоре новый сигнал возвестил о том, что Кейн покинул корабль.

– Ну, вот мы и дома… – Хоук огляделся и уверенно зашагал по тоннелеобразному проходу в сторону меньшей полусферы «Святого Петра».

– Яна, Николай, вы нужны мне в рубке, – уже на ходу добавил он.

* * *

Ходовая рубка «Святого Петра» представляла собой тесное, до предела забитое приборами помещение. Четыре старых, порядком обшарпанных противоперегрузочных кресла были установлены на специальных постаментах, расположенных в шахматном порядке перед

выпуклым, полусферическим обзорным экраном. Наметанный глаз Николая отметил полное отсутствие боевых систем, кроме обязательных для любого внутрисистемного корабля плазменных противометеорных пушек, панель управления которыми была вынесена к двум центральным креслам, которые, по идее, должны были занимать командир корабля и первый пилот.

– Интересно, как наш святой отец умудрялся в одиночку пилотировать это корыто во время гиперсферного прыжка? – задал Хоук вполне закономерный вопрос.

Яна пожала плечами и уселась в левое кресло, на спинке которого была прикреплена порядком потемневшая пластина с надписью «Первый пилот».

– Слушай, Хоук, я не знаю, как это делал Кейн, но мне интересно, а как мы будем пилотировать этот хлам? – в свою очередь, спросила она, глядя на темные чуть скошенные приборные панели, которые казались ей совершенно незнакомыми из-за своей вопиющей древности.

– Не все то золото, что блестит, пилот Монтгомери… – глубокомысленно изрек зародившийся под сводами рубки управления мягкий, вкрадчивый голос.

Яна вздрогнула, невольно задрав голову.

Словно в ответ на ее недоуменный взгляд, там, под самым сводом, с жужжанием повернулась видеокамера.

Хоук нервно хохотнул, покачав головой. Голос бортовой киберсистемы был голосом Патрика Кейна. Либо святой отец страдал особой формой раздвоения личности, либо он сам программировал этот корабль, что, на взгляд капитана, казалось еще более невероятным.

ГЛАВА 12.

Обломки рудодобывающего комплекса «Спейсстоун». Борт «Святого Петра»…

Опасения капитана Хоука по поводу отданного под его командование корабля если и оправдались, то в гораздо меньшей степени, чем того можно было ожидать.

Он никогда не думал, что система речевого управления может оказаться такой удобной и эффективной.

А какой мощностью и быстродействием должен обладать при этом бортовой компьютер невзрачного на вид, старого корабля, он предпочитал не высчитывать. Единственное, в чем поклялся себе Алан, – не называть больше членов Ордена Святой Земли скупердяями даже мысленно.

Яна и Николай, наверное, были солидарны с ним.

Заняв кресла навигатора и пилота, они осваивались с системой управления.

Хоук наблюдал за ними, поражаясь прежде всего тому, как тонко бортовой компьютер различает их голоса. Он был уверен – отдай сейчас Николай какую-либо команду, относящуюся к компетенции пилота, и бортовой кибермозг не станет ее исполнять, потому что Лоури уже связан в его восприятии с термином «навигатор».

С одной стороны, такие мысли могли показаться в их ситуации чуть ли не праздными, но на самом деле Хоук учился понимать этот корабль.

Он сознательно позволил Яне и Николаю командовать, а сам следил за тем, какие сигналы пульта оживают, как постепенно, одна за другой, активируются приборные панели, отражая работу тех или иных систем «Святого Петра».

Впечатление у него складывалось неплохое…

– Система, обзор! – спокойно потребовал он спустя какое-то время.

Полусферический экран, занимающий собой вогнутую стену перед креслами первого пилота и капитана, немедленно осветился, показав панораму черного как уголь космоса, фрагмент раздвинутых вакуум-створов ангара и… фигуру Кейна, который, нелепо подпрыгивая, несся по наклонной, деформированной обшивке «Спейсстоуна», удерживая при этом на вытянутой руке темный прямоугольный кофр.

По пятам за Кейном стремительно следовало целое стадо

воронкообразных кристаллических вихрей.

Как внешне неуклюжему священнику удавалось совершать головокружительные прыжки по обшивке с явным отрывом обеих стоп от восприимчивой к магнитным липучкам броне, оставалось только догадываться…

– Тревога, капитан Хоук… – произнес бортовой компьютер.

К этому моменту двигатели «Святого Петра» уже закончили разогрев, но наружу шестидесятиметровый корабль должна была вывести система ангарных электромагнитов – более мощный и «мягкий» вариант стартовой катапульты…

– Вижу… – ответил Хоук, продемонстрировав завидное спокойствие. Его руки цепко обхватили рукояти наводящих джойстиков плазменных противометеорных орудий. – Яна, готовь двигатели к ускорению, – произнес он. – Система, открыть внешний люк главного шлюза и ждать.

– Есть, капитан Хоук.

– Ник, посмотри вокруг. Яне нужен безопасный коридор для старта.

Все это смахивало на безумие.

Кейн продолжал нестись вперед гигантскими прыжками, преодолевая за один шаг по пять-шесть метров, и при этом точности его «приземлений» позавидовал бы любой пространственный акробат.

Точно… Так он и скажет, если, конечно, выкрутится… – подумал Хоук, ловя в перекрестье прицела ближайший к Патрику кристаллический вихрь, грозивший вот-вот настичь его.

Мягко подалась под пальцем гашетка, и пространство ангара озарила бледно-голубая вспышка.

Сгусток сформированной генератором орудия плазмы внешне походил на шаровую молнию. Скорость его полета была такова, что за ним можно было проследить взглядом. Хоук специально заключил плазму в капкан магнитного поля – ему не хотелось задеть Патрика мгновенным разрядом, а кристаллический вихрь, на его взгляд, не выглядел настолько разумным, чтобы маневрировать.

Он понял, что ошибся, именно в тот момент, когда переливающийся пронзительно голубыми разводами шар лениво поплыл наперерез кристаллическому образованию.

Траектории их движения должны были пересечься в определенной точке, за спиной Патрика Кейна, однако этого не случилось.

Черная воронка повела себя крайне разумно и сообразительно – как только носовые орудия «Святого Петра» сплюнули плазменный шар, кристаллический вихрь замер как вкопанный.

Неизвестно, что за движитель был заключен внутри воронкообразного явления, но действовал он мгновенно.

За спиной Кейна в черноту космоса ударил ослепительный фонтан жидкой, расплавленной брони.

Когда вспышка иссякла, на том месте, куда ударил плазменный шар, оказался ясно различимый вишневый ожог, в центре которого застыл выброшенный в космос причудливый сталагмит застывшего металла…

Это выглядело словно иллюстрация к тем процессам, что протекали тут миллионы лет назад.

Хоука пробила короткая нервная дрожь, когда он понял: да, именно так все и было, кто-то попросту сжег огромную космическую конструкцию, навсегда закатав в ее раскаленной, а затем остывшей массе эти скопища кристаллов, потому что они, как видно, представляли собой угрозу не меньшую, чем пресловутые Предтечи… Об этом можно было судить хотя бы по размерам той жертвы, на которую пошла неизвестная Хоуку раса, чтобы заточить, замуровать их в бесформенных металлических глыбах…

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове капитана, пока он резко менял угол наводки орудий и характеристики истечения плазмы.

Кейн уже почти добежал до нависающего над шлюзом «Святого Петра» выступа, выдававшегося из изуродованной обшивки «Спейсстоуна» будто указующий перст.

Хоук не видел, как Яна и Николай напряженно работают, едва успевая обмениваться при этом встревоженными взглядами. Все внимание капитана было сосредоточено на целевом мониторе орудий, и даже разгорающееся в корме «Святого Петра» ослепительное оранжевое сияние прошло где-то на краю восприятия…

Второй залп полыхнул в теснине ангара, будто внезапный разряд двух ударивших параллельно друг другу молний.

На этот раз не было никаких электромагнитных ловушек с комком плазмы внутри – два ослепительных росчерка полоснули пространство, оставив уродливый раскаленный след поперек стартовой плиты.

Кристаллический вихрь, преследовавший Кейна, разнесло фонтаном вишневых брызг.

Хоук успел заметить, как Патрик, балансируя будто акробат, пробежал по выступу переборки и прыгнул вниз, в раскрытую пасть шлюза.

Некоторые способности святого отца просто поражали воображение, но секунду спустя Хоуку стало не до них.

Его убийственный залп, попавший в кристаллический воронкообразный вихрь, не прошел незамеченным – Алану вдруг

показалось, что все пространство вокруг «Святого Петра» ожило, зашевелилось, будто пришла в движение сама обшивка многострадального «Спейсстоуна»…

Он даже помыслить себе не мог, что внутри модуля злополучной фабрики скрывается такое количество этих крохотных и безобидных на первый взгляд колючих кремниевых катышков…

На пульте управления вспыхнул наконец сигнал начала процесса шлюзования.

– Тяга! – заорал Хоук, потому что открытый зев ангара уже окружало выметнувшееся изо всех мыслимых отверстий и разломов ОБЛАКО кристаллических частиц объемом не менее нескольких сот кубических метров.

– Мы убьем его! – закричал Николай. – Кейн в шлюзе!

– Тяга, я сказал! – рявкнул Хоук, разряжая генераторы плазменных пушек прямо в центр сгущающегося с каждой секундой кристаллического облака.

Яне не нужно было повторять трижды – ее нервы и так уже были готовы лопнуть.

Ослепительное пламя, вырвавшееся из дюз планетарной тяги, затопило ангар, жадно облизнув сжатый в теснине керамлитовых стен корпус «Святого Петра».

Подчиняясь реактивному импульсу ускорения, шестидесятиметровый, похожий на темную гантель корабль тяжело рванулся вперед, выдирая с корнем не успевшие оплавиться и испариться решетчатые фермы стационарного обслуживания.

Хоук так и не отпускал гашеток, и потому пушки в четвертый раз разрядились ослепительными молниями, положив их росчерки строго по курсу натужно выходящего из теснины ангара «Святого Петра».

Через секунду он перестал быть похожим на темную гантель – пламя, которому стало тесно, отразилось от задней переборки ангара, ударило назад и объяло корабль, сделав его действительно похожим на своего гневного тезку в день легендарного Страшного суда…

Кристаллы тянулись к нему, сотнями, тысячами сгорая в неистовом огне.

На боковых срезах обзорной полусферы промелькнули раскаленные торцы раздвинутых вакуум-створов и…

«Святой Петр» пылающим болидом пронзил сгустившееся на выходе из ангара кристаллическое облако и вырвался в бездонную чернь пространства.

2* * *

У Хоука хватило мужества оглянуться на сектора заднего обзора.

Изувеченная громада «Спейсстоуна» с врезавшимся в него модулем фабрики стремительно удалялась, грозя на глазах превратиться в точку.

– Патрик, ты жив? – раздался голос Николая, вопрошавшего через внутреннюю связь.

Несколько секунд гнетущей тишины показались всем троим вечностью. Наконец в динамиках что-то проскрипело, словно провели каким-то тяжелым предметом по пластику, и в ответ раздался слабый голос Кейна:

– Кажется, у меня баллистический шок… Что это было?

– Мы стартовали, святой отец… – ответил Хоук, поймав себя на абсолютно искренней радости по поводу того, что Кейн остался жив.

Он даже не обратил внимания на это странное сочетание терминов – баллистический шок…

В динамике опять что-то проскрежетало, а затем раздался характерный звук падающего тела.

– Кейн! – вскрикнула Яна, отстегивая страховочные ремни.

– Мне плохо… – Голос Патрика звучал глухо, невнятно. – Я теряю… теряю контроль… – Дальше раздалось лишь какое-то невнятное бормотание.

* * *

– Похоже, ему крепко досталось… – Яна с трудом перевернула бессознательное тело Патрика, удивившись тому, какой он тяжелый для своего телосложения. – Здесь есть медицинский модуль?

Хоук пожал плечами.

– Система, путь в медицинский отсек, – зачем-то задрав голову к потолку коридора, потребовал он.

– Следуйте указателям, капитан, – незамедлительно ответил голос.

По стене коридора тут же побежали, размеренно вспыхивая, длинные указующие стрелы.

– Понесли… – Хоук наклонился, ухватив Кейна под мышки. Николай взялся за ноги.

– А это куда? – обеспокоенно спросила Яна, указав на кофр.

– Открой его… – буркнул Николай. – Может, он жив…

Яна, машинально закусив губу, тронула сенсоры замков.

Пневматический уплотнитель контейнера разошелся с

отвратительным, влажным, чавкающим звуком.

Ксеноморф лежал на дне герметичного ящика. Обе его шеи были вытянуты в разные стороны, глаза закрыты, и только мышцы под чешуйчатой кожей мелко подрагивали, будто существу было холодно.

Яна поняла, что ему тоже изрядно досталось во время стартового ускорения. Поборов инстинктивное отвращение, она протянула руки, достала ксеноморфа из ящика, и теперь ей не осталось ничего другого, кроме как прижать эту странную тварь к себе, позволив обеим шеям существа безвольно опуститься ей на плечо.

Николай и Алан уже прошли изрядное расстояние по длинному прямому коридору. Яна быстрым шагом бросилась догонять их. Кожа ксеноморфа казалась холодной, и от ее прикосновений к оголенным участкам шеи она сначала вздрагивала, а потом ничего, привыкла, и чувство инстинктивного неприятия этой твари внезапно стало не таким острым. Чужое тело, охваченное бесконтрольной дрожью мышц, казалось, льнет к ней, словно на руках Монтгомери очутился заледеневший испуганный ребенок.

А может, так оно и было?..

Откуда ей знать историю появления этого существа у Кейна? Подумав об этом, она тут же вспомнила, с какой трогательной заботой относился к этому отвратительному существу сам Патрик, и ей вдруг стало немного стыдно своих неприязненных чувств.

Может быть, по меркам своего мира он красавец… – подумалось ей. Яна понятия не имела, какая планета необозримой Галактики сподобилась разродиться в процессе эволюции подобной тварью, но мысль была здравой и справедливой. В любой жизненной форме можно разглядеть частичку красоты, для этого нужно… просто прижать существо к себе, ощутить его беспомощную дрожь… понять, что ему плохо, и отвратительный, с точки зрения человека, внешний вид внезапно становился лишь незначительной деталью, частностью…

Яна сама того не заметила, как ладонь ее левой руки машинально погладила одну из голов. Ей показалось, что существо вздрогнуло и инстинктивно еще плотнее прижалось к ней, словно пыталось взять от человека частичку жизненного тепла.

Впереди показалась долгожданная развилка коридоров.

Светящиеся стрелы загибались налево.

* * *

…Медицинский модуль «Святого Петра», как и все остальные

помещения этого странного корабля, с первого взгляда производил не лучшее впечатление, но более близкое знакомство с аппаратурой тут же говорило в пользу ложности первых визуальных ощущений.

Николай и Алан внесли бессознательное тело Кейна в отсек и, не теряя ни секунды, принялись снимать с него скафандр.

– Ты что-нибудь соображаешь в медицине? – спросил Хоук, стягивая с Кейна нижнюю часть герметичной экипировки.

– В пределах первой помощи при ранениях… – сознался Николай, ловко орудуя руками.

– Я тоже… – в тон ему ответил Алан. – У нас на борту функции врача исполнял Сергей…

– И что теперь делать?

– Будем надеяться, что кибермозг «Святого Петра» действительно так хорош, как кажется… – С этими словами Хоук выпрямился, подошел к одной из двух установленных в отсеке реанимационных автоматических камер и нажал расположенный сбоку сенсор, активируя привод прозрачного каплеобразного колпака, а заодно и всю связанную с камерой реанимации аппаратуру.

– Взяли… – Он нагнулся к телу Кейна.

Вдвоем они перенесли его на жесткий реанимационный стол.

– Будем надеяться… – повторил Хоук, глядя, как медленно опускается колпак камеры и оживают огни на многочисленных приборных панелях.

Николай кивнул.

Он понимал состояние капитана, которому пришлось отдать волевой приказ о старте, чтобы спасти их всех…

Неловкую паузу нарушила Яна, вошедшая в отсек.

Ксеноморф распластался на ее груди, положив обе головы на правое плечо Монтгомери. Оба глаза твари были широко открыты.

– Кажется, он благополучнее Кейна пережил старт, – вяло усмехнулся Николай.

– Монтгомери, тебе идет, – попытался криво улыбнуться Алан.

– Хоук, твои шуточки… – огрызнулась она, озираясь.

– Ладно, клади его во вторую камеру, может, наш бортовой умник справится и с его проблемами… – Алан мрачно взглянул вокруг и добавил: – Я пошел в рубку. Николай, мне нужно кое о чем потолковать с тобой.

– Иду… – ответил Лоури. – Яна, ты справишься?

– Постараюсь, – вздохнула она.

* * *

– Маневр завершен, капитан Хоук. Прошу задать дальнейший курс. – Голос бортовой киберсистемы действовал Алану на нервы, он никак не мог отделаться от ощущения, что с ним говорит не машина, а сам Кейн.

Он посмотрел на приборы, затем поднял взгляд на экраны обзора.

Их опять окружала чернота.

Проклятый Рукав Пустоты растекся вокруг гигантской чернильной кляксой. Они вырвались из обломков «Спейсстоуна», но что дальше?

– Николай, у тебя есть какие-то соображения? – обратился он к Лоури, вдоволь насмотревшись на темноту, которую рождали разлившиеся вокруг облака пылевых туманностей.

Николай понимал, о чем его спрашивает капитан.

Только теперь, когда Кейн вдруг оказался вне игры, Лоури внезапно осознал, что именно Патрик держал в своих руках, вернее, в голове все связующие нити этого безумного мероприятия.

Действительно, а что теперь следует делать? Куда лететь, где искать эту пресловутую границу искривления метрики пространства, если, конечно, оно существует вообще, а догадка относительно спрятанного в глубинах Рукава Пустоты шарового скопления не является бредом?..

Очевидно, Хоук думал примерно о том же самом, мрачно вперившись в черные глубины экранов внешнего обзора.

– Далеко отсюда до того места, где дрейфует радиобуй? – спросил Николай, облокотившись о приборную панель пульта.

– Нет, – лаконично ответил Хоук. – А на что он нам?

– Единственный способ двигаться в нужном направлении – это определить, откуда исходит его дрейф, – сказал Николай. – Думаю, если мы проложим курс к той точке, где, по мнению навигационной системы, он был сброшен в космос, то там мы либо обнаружим искомое скопление, либо нет. Но в любом случае наша совесть останется чиста. Если Патрик к тому времени не очнется, то уже никто не сможет запретить нам развернуть «Святого Петра» назад, к обитаемым мирам. Верно я говорю, система? – уточнил он, задрав голову к укрепленной под сводом рубки видеокамере.

Хоук вздрогнул. Неужели Николай всерьез думает, что бортовой компьютер корабля слушает их?

– Совершенно логичный вывод, навигатор Лоури, – раздался мягкий голос. – Я легко смогу рассчитать дрейф объекта исходя из его сегодняшнего местоположения, скорости и курса.

И опять, как и тогда, при входе «Спейсстоуна» в поле исковерканных металлических обломков, капитана Хоука подспудно укусило это чувство неосознанной тревоги, какого-то скрытого, завуалированного подвоха.

Он не мог ответить, почему этот голос из-под сводов ходовой рубки вызывает у него не доверие, а дрожь.

Быть может, я просто псих? – не очень уверенно подумал Хоук.

– Хорошо, Николай… – вслух произнес он, посмотрев на Лоури. – Думаю, что в нашем случае это единственный разумный выход. Мы проверим то место, откуда прилетел зонд, и, если там ничего нет, повернем обратно.

Николай кивнул, соглашаясь.

* * *

– Тревога!.. Падение уровня силовой защиты на шестьдесят процентов!.. – Голос бортового кибермозга бился в динамиках общей связи. – Обнаружено неклассифицированное…

– Фрайг!..

Хоуку казалось, что он только сомкнул глаза, – и вот на тебе, очередные проблемы!..

На борту «Святого Петра» имелись каюты, но они оказались двухместными и были еще теснее, чем одноименные каморки на «Спейсстоуне»… Так что, вскочив с жесткой откидной койки, Хоук прежде всего врезался головой в выступ переборки и только потом, еще не очухавшись как следует после короткого обморочного сна, бросился по коридору в сторону ходовой рубки управления.

Вбежав туда, он замер как вкопанный.

Взгляд капитана застыл, примерз к экранам внешнего обзора.

Это было невероятно!..

В глубинах космоса царило, скрытое вуалью забвения, огромное ослепительное шаровое скопление звезд.

В этот миг, застыв на пороге рубки, капитан Хоук внезапно понял, что за всю свою прошлую карьеру астронавта он не испытывал стольких потрясений, как за эти последние лишенные сна несколько суток субъективного времени…

Внезапно изображение мигнуло, помутилось, словно бы корабль нырнул в некую аномалию, однако через мгновение появилось вновь.

Сзади раздалось шипение пневматики дверей.

– Что случилось, капитан? – Это был Николай, следом за которым появилась и Яна.

– НЕ ЗНАЮ!.. – Очнувшись от оцепенения, Алан метнулся к своему креслу, мысленно проклиная ту адскую скорость, с какой развивались события последних дней.

Им всем было необходимо хотя бы несколько часов полноценного отдыха, и Хоук сам принял решение довериться на некоторое время автопилотам бортового компьютера…

И вот что из этого вышло!..

Изображение на экранах вновь было кристально чистым, только вокруг обшивки «Святого Петра» медленно гасла сиреневая аура пожранного неведомой силой поля энергетической защиты.

– Потеря защитной мощности – семьдесят процентов. Подключен резерв бортовых накопителей…

И опять на экраны наплыла черная муть. Создавалось ощущение, что их корабль двигался на границе какой-то чудовищной аномалии.

Заметив, что Яна и Николай уже заняли свои места и пристегнулись, Хоук, глаза которого успели осмотреть все приборы, принял единственное разумное решение.

– Ускоряемся, – стараясь говорить спокойно, приказал он.

Чернота на экранах продолжала висеть плотным, непроницаемым пологом, будто феерический сгусток звездного света был не больше чем галлюцинацией, миражом…

Экстренное ускорение должно было вырвать корабль из аномальной области. Тормозить, совершая при этом петлю, чтобы лечь на обратный курс и попытаться бежать прочь, уже не было никакой возможности. Силовая защита корабля к этому моменту истончилась до такой степени, что еще немного – и неведомое энергетическое поле начнет плавить броню обшивки…

Хоук сумел трезво рассудить, что в этой ситуации у них оставался лишь один путь – вперед.

– Ускорители готовы, капитан Хоук. Зажигание в камерах через пять секунд… три… одну…

Мгновенная стартовая перегрузка, возникшая в тот момент, когда заработали маршевые двигатели «Святого Петра», вжала троих человек в податливый мягкий материал кресел…

Вокруг, судя по показаниям приборов, царил сущий энергетический ад…

В это было трудно поверить, но все обстояло именно так – в который уже раз капитан Хоук поймал себя на мысли, что хотел бы, да не может оспорить ту информацию, которую предлагали ему бесстрастные электронные системы космического корабля.

Весь мир сошел с ума…

Неужели это действительно всего в двадцати световых годах от

колонизированных человечеством миров?

Такая мысль шокировала, а вкупе с памятью о катастрофе «Спейсстоуна» – пугала.

В третий раз изображение шарового скопления появилось на обзорных экранах, и опять это произошло совершенно внезапно – словно «Святой Петр» вынырнул из зоны абсолютного мрака под солнечный свет.

Яна и Николай сидели, не в силах произнести ни слова. У Николая отвисла челюсть, по щекам Яны поверх смертельной бледности выползли пунцовые пятна.

– Подтверждаю обнаружение не зарегистрированного в каталогах шарового скопления звезд, – еще более усилив замешательство немногочисленного экипажа, резюмировал голос бортового компьютера. – Капитан, мне вывести данные экспресс-анализа?

Хоуку в данный момент хотелось одного – сморгнуть так, чтобы это явное наваждение исчезло, стерлось с экранов.

Да, не ценили они спокойную черноту Рукава Пустоты…

– Выводи, – коротко ответил он, порадовавшись, что его голос при этом не дрогнул вопреки предчувствию. – Николай, ты можешь мне сказать, как это произошло?

– Мы провалились через искривление метрики пространства, я полагаю… – медленно произнес Лоури, глядя на показания приборов расположенной перед ним панели.

– Это я понял… Но как такое может быть?!. – Капитан Хоук пребывал в явном замешательстве.

– Ты имеешь в виду само искривление метрики? – уточнил Николай, которого тоже трясло, не то от перевозбуждения, не то от мгновенных испытанных только что перегрузок.

– Вы с Кейном ждали его появления!.. – Взгляд Хоука разрывался между приборами и обзорным экраном, где царил невероятный сгусток ослепительного огня. – Как можно спрятать целое звездное скопление?!.

Этот обращенный к нему вопрос помог Лоури стряхнуть с себя тягостное ощущение ирреальности событий.

Нет… Все это объяснимо… а значит, реально!.. – подумал он, мысленно сопоставляя показания приборов. Датчики гравитации будто сошли с ума. Их индикаторы зашкаливало… притом что поблизости не было видимых масс космических тел.

– Сейчас, капитан… – Николай включил масс-детекторы, но их окошки остались чисты.

– Поблизости нет материальных объектов, однако мы преодолеваем

мощное гравитационное поле, – наконец произнес он, перепроверив данные. – Вектор тяготения направлен в сторону скопления…

– Что это значит?

– Посмотри назад, Алан.

Хоук коснулся сенсора, переключая обзор.

За кормой «Святого Петра» не было никакой черноты, словно Рукава Пустоты никогда не существовало…

Там был огонь… Море ослепительного света…

– Я начинаю подозревать, что мой отец был абсолютно прав, предсказывая наличие кривизны пространства, – еще раз посмотрев на приборы, заключил Николай. – Его расчеты основывались на том, что по границам скопления расположены сильные источники гравитации, вероятнее всего искусственные, которые заставляют кванты света отклоняться от прямолинейного движения, искривляют их путь, заворачивая если не назад, то в сторону…

– Бег по кругу? – потрясенно выдохнула Яна, которая, как и Хоук, не могла оторвать взгляд от затопившего секторы заднего обзора ослепительного света.

– Да… – ответил Николай, покосившись на приборы. – Система, мы прошли сквозь мощный световой поток?

– Да, навигатор Лоури. Общие потери энергетической защиты составили восемьдесят процентов.

– Мы едва не сгорели!.. – выругался Хоук, взглянув на датчики пульта. Все было верно…

– Получается, что это скопление окружено своего рода энергетическим полем? – сказала Яна. – Поэтому Патрик утверждал, что сюда невозможно проскочить через гиперсферу?

– Именно, – подтвердил Николай.

– Откуда оно взялось?! – Хоук не был силен в этой части прикладной физики.

– Кванты света, которые ходят по кривизне силовых линий гравитационного поля, – ответил ему Николай. – Им некуда деваться, и они накапливаются на протяжении сотен тысяч лет…

– Обалдеть… – Яна не могла скрыть своего шока. – Господи, закрыть целое шаровое скопление силовым щитом? С кем же мы столкнулись, во имя Элио?

– С третьей расой, пилот Монтгомери, – словно желая усугубить их замешательство, констатировал голос из-под сводов рубки.

* * *

Несколько долгих секунд тишины потребовалось им, чтобы осознание случившегося прижилось среди растрепанных, встревоженных мыслей.

Они нашли то, во что, по сути, не верили!..

Звезды…

Тысячи звезд, сбившихся в плотное шаровое скопление, царили вокруг, ослепляя системы визуального наблюдения своим феерическим огнем.

Хоук потрясенно смотрел, как на обзорных экранах окраинные светила скопления уже начали отрываться от основной массы расплывчатого сгустка. Ускорение, вырвавшее их корабль из зоны аномальных явлений, скачком приблизило скорость «Святого Петра» к величинам, равным скорости света, и теперь отрывающиеся от основной массы скопления звезд размазывались на обзорных экранах длинными росчерками доплеровских полос. Они то краснели, то начинали менять свой спектр в обратную сторону, в зависимости от того, удалялись они от «Святого Петра» или же, наоборот, стремились ему навстречу.

Великолепие космоса поражало, притягивало и настораживало одновременно…

– Мною классифицирован фрагмент звездной карты, капитан Хоук, – раздался в напряженной тишине голос бортового компьютера. – Данные на вашем дисплее, сэр.

Алан посмотрел на указанный монитор.

Действительно, это было здесь, рядом, буквально рукой подать… Двадцать звезд с той карты, что передавал радиобуй, действительно описывали окраинный участок этого самого скопления. Восемь звезд, в гравитационных полях которых пытался затормозить некий «Антей», располагались прямо по их курсу, словно какой-то злой рок упорно вел их по следам минувших событий.

– Николай, включи сферорадары. Яна, приготовься, мы должны уйти из зоны околосветовых скоростей… Система, поиск любых сигналов на всех частотах связи.

Кейн сделал правильный выбор. Что бы ни творилось вокруг, Хоук оставался прежде всего капитаном.

Шаровое скопление оказалось так близко, что его окраинные звезды буквально разлетелись по сторонам, огибая со всех сторон человеческий корабль, который на околосветовых скоростях вырвался из окружавшей скопление аномалии. Плотность звездного сгустка была так велика, что

расстояния между отдельными светилами порой не превышали нескольких световых часов полета. Это было что-то невероятное…

…Яркая аура торможения, когда корабль начал возвращение из зоны околосветовых скоростей в мир физических тел, на миг ослепила, заставила рефлекторно зажмуриться, отвести глаза. Разум еще не до конца адаптировался к зрелищу рождения звезд из размазанных полосок доплеровских смещений, и сразу же за этим из-под сводов ходовой рубки зазвучали доклады бортового компьютера:

– Режим глубокого торможения – минус десять секунд…

…

– Системы третьей и четвертой звезд по левому траверзу курса…

…

– Внимание, зафиксирована передача на длине волны в двадцать один сантиметр…

…

– Определены координаты объекта… Капитан Хоук, мне следует провести коррекцию курса торможения?

ГЛАВА 13.

Борт «Святого Петра». Рубка управления…

События развивались так стремительно, что в некоторые моменты казалось – их все же ведет чья-то воля.

Вот только чья и насколько благосклонна она к людям, заключенным внутри утлой скорлупки космического корабля, который уже не казался внушительным на фоне океана звездного огня?..

– Корректируй курс. – Хоук не мог не отдать этого приказа.

– Принято, капитан.

Картина звездного скопления на экранах обзора начала плавное движение от среза к срезу.

Аура от работы тормозных установок не затухала.

Людям было тяжело говорить – перегрузки давили на них, вжимая тела в кресла, глаза наливались кровью, лица отекали…

– Режим торможения – минус семь минут. Пройден критический порог перегрузок.

Хоук никогда еще не летал столь болезненно и изматывающе. Скачки через гиперсферу, к которым давно привыкли и уже не считали чудом, были намного терпимее. Физика же трехмерных скоростей, наоборот, испытывала на износ хрупкие человеческие тела…

По курсу «Святого Петра» из глубин расцвеченного звездным огнем космоса вынырнул и начал стремительно расти шарик тусклого, багряно-красного солнца.

Постепенно эта частность, ничтожный фрагмент окружающего их моря холодного звездного огня, выросла, заполонив собой экраны обзора, и картина окрестного космоса, освещенного тускло-красным светом умирающего солнца, закрыла собой всю панораму шарового скопления звезд.

Хоуку казалось, что «Святой Петр» внезапно очутился в ином измерении – настолько разительно сменилась реальность, когда багряный свет агонизирующей звезды затопил обзорные экраны своим мертвенно-красным сиянием…

Капитан нахмурился, сверяясь с данными навигационного блока.

Если следовать той схеме, которую транслировал радиобуй, – это было всего лишь пятое светило, расположенное по курсу выбросившего

сигнальный бакен корабля.

Данное обстоятельство вызывало у Хоука недоумение – значит, тот корабль по какой-то причине не завершил намеченного маневра?

Перегрузки наконец отступили.

Яна на секунду со стоном прикрыла налитые кровью глаза.

Ей казалось, что еще немного и она просто не выдержит…

Николай чувствовал себя не лучше, но он не мог позволить себе даже секундного забытья.

Ему казалось, что память порвалась, взорвалась десятками обрывочных детских воспоминаний…

Это была система той звезды, где когда-то терпел бедствие и погиб корабль его родителей…

– Капитан, – борясь с дурнотой, хрипло выдавил он. – Эта система опасна…

– Почему, Николай? – Хоук с трудом скосил на Лоури глаза.

– Здесь погиб корабль моих родителей…

– Маяк принадлежит ему?

– Вероятно… Я не могу сказать с уверенностью… Там был еще один корабль, этот самый «Антей»…

Их сомнения разрешились буквально через несколько минут.

В тусклом свете красного солнца появилось сразу три объекта, дрейфующих неподалеку друг от друга.

– Окончательное торможение! – скомандовал Хоук.

Экраны опять полыхнули огнем, накатила и схлынула мгновенная перегрузка…

Скорость «Святого Петра» упала практически до нуля. Теперь шестидесятиметровый гантелеобразный корабль едва двигался, медленно направляясь к той точке, где, образовав своеобразный треугольник, дрейфовали три материальных объекта.

Хоук коснулся сенсора, включая оптические умножители.

Изображение трех космических тел прыгнуло навстречу, укрупнилось, заняв собой практически всю обзорную полусферу.

Это были три космических корабля, несомненно, построенные людьми.

Первый из них казался громадным, намного больше «Святого Петра». В его контуре взгляд притягивала странная деталь: в хвостовой части корабля покоилась какая-то скособоченная конструкция, внешне напоминающая растянутую до непомерных размеров вогнутую пластину радарной антенны…

Эта деталь конструкции казалась странной и незнакомой прежде всего из-за своей вопиющей технологической древности – откуда же было знать троим астронавтам тридцать восьмого столетия о том, как выглядел использовавшийся еще на заре освоения космоса фотонный привод-отражатель?

Когда изображение еще более укрупнилось и на обшивке древнего корабля стали различимы детали, Хоук и остальные увидели – этот реликт искалечен чудовищным взрывом, практически лишившим его кормы.

– Объект классифицируется как фотонный звездолет «Антей», – доверительно сообщил голос. – Дата старта из Солнечной системы – 2112 год.

Второй корабль, от которого, собственно, и исходил сигнал бедствия, был переоборудованной космической яхтой, на борту которой красовалось, смутно проступая из-под окалины, название:

«Дансия».

У Николая потемнело в глазах и предательски защипало в носу. Это был корабль его отца…

Третьим объектом являлся отделяемый посадочный модуль без каких-либо опознавательных знаков на потемневшей, покрытой язвами ожогов броне.

И все это было скручено, связано воедино длинными уже хорошо знакомыми петлями из собранных в толстые витые жгуты кристаллических канатов, словно три корабля оказались намертво пришвартованы друг к другу…

В пространстве между ними вращалось несколько десятков черных воронкообразных смерчей.

– Полная остановка!.. – машинально скомандовал Хоук.

* * *

В первый момент трое астронавтов буквально оцепенели.

Из огня да в полымя… – подумал Хоук, напряженно ожидая, что вот сейчас эти кристаллические вихри сорвутся с насиженных мест и ринутся прямо на прибывший в точку странного рандеву корабль.

Однако минуты утекали одна за другой, а ничего страшного не происходило.

Никто не реагировал на появление в системе «Святого Петра».

– Алан, тебе не кажется, что мы зашли слишком далеко? – с дрожью в голосе спросила Яна, глядя на темный, изувеченный корпус древнего космического корабля, по броне которого тянулась ясно различимая

надпись, исполненная на интерангле:

«Земля. „Антей“-1264».

– Дальше некуда… – буркнул в ответ Хоук, переведя взгляд на Николая.

Лоури чувствовал, что от него ждут каких-то объяснений, но он сам пребывал в не меньшей прострации, чем Хоук и Монтгомери. Единственный, кто, наверное, мог толком прояснить ситуацию, был Кейн, но вот уже несколько часов он в бессознательном состоянии лежал в медицинском модуле «Святого Петра»…

– Что тебе известно об этой системе, Ник? – видя его состояние, осторожно спросила Яна.

– Практически ничего, – скрепя сердце сознался Николай. Видя, что такое объяснение никак не удовлетворило ни Яну, ни Алана, он решил объяснить подробнее: – Я был четырехлетним ребенком, когда мой отец, космический археолог, смог умозрительным путем предсказать существование в прошлом третьей, отличной от инсектов и дельфонов расы. – Голос Николая звучал глухо, неровно. Взгляд Лоури при этом не отрывался от экранов, словно он пытался разглядеть что-то в кроваво-красном сумраке. – Отец потратил половину своей жизни на сбор разных отрывочных свидетельств и пришел к выводу, который казался всем безумным, – спустя некоторое время продолжил Николай. – Он утверждал, что в глубинах Рукава Пустоты скрыто шаровое скопление звезд, которое невозможно обнаружить из-за того, что созданная третьей расой система искусственных генераторов тяготения не позволяет свету звезд покинуть границы незримой, описанной вокруг скопления сферы. Таким образом они якобы пытались отвести от себя внимание мигрирующих в космосе Предтеч.

– И твой отец решил сам проверить эту гипотезу? – уточнил Хоук.

– Да. Когда он понял, что скопление окружает аномалия, связанная с гравитационным искривлением пространства, ему стало ясно, почему оно до сих пор не обнаружено. В гиперсфере к нему нет пути – силовые линии, по которым движутся корабли, попавшие в «изнанку космоса», просто огибают это место, и ни одна не ведет внутрь. Тогда он решил, что единственный способ проникнуть сюда – это двигаться в обычном пространстве на околосветовых скоростях. Однако такой полет требовал как минимум двадцати лет реального времени, и единственным выходом являлся криогенный сон. Вот почему он взял с собой меня и маму…

– А потом? – Хоук видел, как тяжело дается Николаю этот рассказ, но информация сейчас была намного важнее любых чувств.

– Я не знаю, что случилось с нашим кораблем, Алан… Мы потерпели бедствие на входе в скопление… Я помню лишь то, как отец нес меня к спасательной капсуле, и еще… – Николай запнулся, сглотнув вставший в горле сухой ком. – И еще этот самый «Антей», пытавшийся расстрелять атакующие наш корабль кристаллические смерчи…

– Ты спасся один?

– Да… Родители не успели… или, может быть, не смогли занять криогенных камер спасательной капсулы… Когда ее подобрал патрульный корабль Совета Безопасности Миров, где-то на окраине Рукава Пустоты, там были мумифицированные трупы моих родителей и я, спящий в низкотемпературном саркофаге…

– Это все, Ник?

– Да. Большего я попросту не знаю и не помню…

Алан покосился на экраны обзора.

Воронкообразные вихри по-прежнему висели на своих местах, не пытаясь ни приблизиться к «Святому Петру», ни каким-то иным образом проявить свои намерения относительно появившегося в системе корабля.

Хоук покачал головой, что-то обдумывая, и собирался задать очередной вопрос, но внезапный толчок, возвестивший о срабатывании электромагнитной катапульты, заставил всех вздрогнуть.

– Проклятье, что это?!. – вскрикнула Яна, потрясенно наблюдая, как от «Святого Петра» отделился небольшой шар автоматического разведчика и медленно поплыл в сторону сцепленных странными образованиями кораблей.

– Система, что это, фрайг тебя раздери?! – зло осведомился капитан.

– Исследовательский зонд, капитан Хоук.

– Отменить! – вскипел Алан. – Вернуть аппарат на борт, срочно!

– Сожалею, капитан, но у меня есть внутренние инструкции на этот счет. Объекты должны быть исследованы и впоследствии уничтожены.

Ответ бортового компьютера прозвучал словно гром среди ясного неба.

Налитые кровью глаза капитана Хоука метнулись взглядом к приборам, рука потянулась к консоли, но, увы, ничего не работало.

– Система, связь!

Тишина.

– Система!

Тишина… Лишь зонд медленно плыл на обзорных экранах, удаляясь в сторону сцепки из трех кораблей.

* * *

– Что он делает?!. Да я его порву!..

Хоук скинул страховочные ремни, вскакивая с места. Заблокированные приборные панели привели его в абсолютное бешенство. Таким, как сейчас, капитана Хоука не видел никто и никогда. Никогда его еще не прижимал к стенке обычный бортовой компьютер вверенного корабля!..

Таково, вероятно, свойство человеческой психики – наш разум может долго выдерживать прессинг невероятных, а иногда и непреодолимых обстоятельств, но в конце концов у любого, даже самого стойкого, тренированного сознания наступает предел, черта, за которой лежит непредсказуемость…

– Алан, остановись! – взвизгнула Яна, тоже вскакивая со своего места. Монтгомери показалось, что угроза капитана высказана в адрес Кейна, бессознательное тело которого было заключено в реанимационный блок медицинского отсека. – Кого ты собрался рвать?!. – Она догнала Хоука буквально в шаге от кресла и схватила за рукав.

– Этого говорящего урода! – Оказывается, вся энергия нервного срыва Хоука была направлена в сторону высоких вмонтированных в стены рубки терминалов бортового процессора.

– Стойте! – Голос Николая привел обоих в чувство. Хоук внезапно обнаружил, что стоит, тяжело дыша, перед высокими мерцающими огнями процессорными блоками.

Он мысленно сосчитал до десяти, потом медленно повернулся. Яна все еще держала его за рукав, больно впившись ногтями в руку.

– Отпусти!

Монтгомери молча разжала пальцы.

Хоук потер предплечье, на котором наверняка остались синяки.

– Алан, подожди!.. – Николай подошел к нему, положил руку на плечо. – Я не в курсе, но ведь Кейн мог предвидеть, что с ним что-то может случиться? Он, наверное, запрограммировал компьютер определенным образом, вот и все…

– Нам что, легче от этого?!. С каких пор на борту начинают распоряжаться машины?!.

Николай понимал справедливость его слов и в то же время чувствовал – еще немного, и Хоука занесет вторично…

– Успокойся… – повторил он. – Разломать его мы всегда успеем. Давай хотя бы посмотрим, как отреагируют кристаллы на зонд!

Капитан стоял, все еще тяжело, неровно дыша.

– Николай, ты, наверное, не знаешь, как опасен бортовой компьютер, который вдруг проявляет инициативу! Ты просто не понимаешь, насколько это ХРЕНОВЫЙ симптом! Дай я его вырублю, а потом делай что хочешь!

– Хорошо, держи руку на рубильнике, – сдался Николай. – Хоук, мне самому это все как ножом по горлу! Но ведь Кейн о чем-то думал, программируя его! Может, он знал лучше нас, что тут происходит!

– Ладно… – Хоук подошел к стене, рывком содрал декоративную панель, под которой обнажились процессорные блоки. Увидев, что механические переключатели ручного и автоматического режимов находятся в положенном месте, он несколько успокоился, возвращаясь в кресло.

– Как только нам будет угрожать хоть малейшая опасность, я вырублю этого попугая… – мрачно пообещал он. – А со святым отцом у меня будет особый разговор…

– У меня тоже, Алан… – ответил Николай, возвращаясь к своему креслу. – Поверь, я сам далеко не все понимаю… Но собираюсь разобраться, – внезапно добавил он, садясь назад, в кресло.

* * *

На обзорных экранах шар автоматического зонда неторопливо плыл по направлению к трем дрейфующим в странной сцепке кораблям.

Яна смотрела в стереообъем экрана, а внутри все стыло от нехороших, пакостных предчувствий.

Не могло это закончиться благополучно, не для того, наверное, растянуты в космосе эти бесконечные кристаллические нити…

Не только она испытывала в эти тягостные секунды ощущение роковой предрешенности событий. Николай и Алан следили за тем, как зонд приближается к вращающимся черным воронкам, и не сомневались – сейчас они сорвутся с мест и…

Что произойдет дальше, трудно было даже вообразить.

Однако шли минуты, а ни один из черных смерчей не тронулся со своего места. Исследовательский зонд благополучно разминулся с одним из них, пройдя всего в нескольких десятках метров от кристаллического образования, и спокойно продолжил свой путь.

Хоук шумно выдохнул, откинувшись на спинку кресла.

Пронесло… Но ПОЧЕМУ?!.

Он не решился задать этот вопрос вслух.

В рубке «Святого Петра» продолжала висеть звонкая, оглушительная

тишина.

На экранах, связанных каналом телеметрии с видеокамерами зонда, было видно, что борт огромного, искалеченного давней катастрофой корабля приближался медленно, но неумолимо, как сама судьба…

Когда-то он, наверное, был чудом человеческой техники, но сейчас, на взгляд троих человек, которые затаив дыхание следили за полетом зонда, он выглядел, мягко говоря, устаревшим…

Время и катастрофа славно поработали над его обликом.

Обшивка корабля была изъедена космосом, изъязвлена ожогами, покрыта выщерблинами и микрократерами от попадания микроскопических метеоритных частиц.

Как и любая древняя машина, прожившая долгую многотрудную жизнь, он внушал чувство трепета.

Стоило подумать о тех людях, что пускались на таких вот утлых фотонных скорлупках осваивать системы близлежащих к Солнцу звезд, чтобы в полной мере ощутить ползущую вдоль позвоночника медленную дрожь…

Трагическая история первых шагов человечества в Галактику висела сейчас в прицеле локационной системы их корабля, и имя этой истории было «Антей»…

Зонд приблизился к нему практически вплотную и теперь медленно, неторопливо плыл параллельно обшивке древнего корабля.

Его видеокамеры поворачивались то в одну, то в другую сторону, словно этот маленький автомат целенаправленно что-то искал.

Впрочем, его поиски были недолгими и увенчались поразительным, с точки зрения теории вероятности, успехом – зонд завис над одним из технических люков корабля, в следующий миг из него выдвинулся гибкий щуп с компьютерным разъемом на конце, который, по немыслимому стечению обстоятельств, совпал с ответным гнездом древнего устройства.

Значение этого факта трудно было переоценить.

Подобные разъемы вышли из употребления более тысячи лет назад, и память о них не могла сохраниться ни в одном из технических справочников – для того чтобы оснастить им зонд со «Святого Петра», нужно было знать эту конфигурацию…

Хоук и Николай молча обменялись взглядами.

Ситуация становилась попросту страшной.

Они не понимали, какие силы стоят за этим, но оба в этот миг прекрасно осознали одно – ими играли, управляли словно марионетками…

Соединившись с компьютерным гнездом, зонд без труда открыл люк и

вплыл в образовавшееся темное отверстие.

Ярко вспыхнул его прожектор, освещая пустую трубу технического коридора. Некоторое время он плыл, следуя ее изгибам, пока не оказался внутри сферического зала, стены и свод которого были образованы многоярусными процессорными блоками.

Дальше все происходило быстро и незамысловато.

Зонд опять выпустил щуп с разъемом, соединяясь с бездействующей мертвой бортовой киберсистемой «Антея».

– Скачивает информацию, – произнес Хоук, заметив, как на одном из блоков древнего компьютера судорожно замигал индикатор работы какого-то устройства.

– Тем лучше для нас, – тихо ответил Николай. – Не нужно будет самим лезть туда, верно?..

Хоук покосился на укрепленную под сводом ходовой рубки видеокамеру и неуверенно кивнул.

Неужели он недооценил Николая Лоури?

Через минуту или две зонд закончил перекачку информации и медленно тронулся в обратный путь.

Покинув «Антей» через тот же технический люк, он взял курс на зависший неподалеку отделяемый модуль.

* * *

Мимо маленького аппарата медленно проплывали подробности той гибридной конструкции, что раскинулась в пространстве.

Свет красной звезды бросал блики, змеился по длинным толстым кристаллическим канатам, которые протянулись меж трех искалеченных в той или иной степени человеческих кораблей. В их расположении не угадывалось никакой системы – они висели в пространстве бесконечными бликующими полосами; достигая того или иного корабля, они начинали двоиться, троиться, образуя подобие узлов и петель. Свободные концы каждого такого образования неизменно исчезали в тех или иных отверстиях обшивки, будь то открытый диафрагменный люк, сопло двигателя или просто трещина, разлом покалеченной брони.

Единственная закономерность, которая угадывалась в этом построении, заключалась в том, что воронкообразные вихри, набранные все из тех же вездесущих кристаллов, располагались не как попало, а висели строго над узлами этой своеобразной пространственной сети, соединявшей между собой три мертвых корабля.

В данный момент зонд, самовольно выпущенный бортовым

компьютером «Святого Петра», проплывал мимо переоборудованной космической яхты «Дансия».

Сердце у Николая бешено колотилось в груди.

Глядя на «Дансию», он вдруг понял, что обшивка яхты оплавлена от самого носа до кончика кормы. На застывшей странными потеками броне не было видно ни единого уцелевшего устройства, надстройки угадывались лишь как мягкие, расплавленные адской температурой контуры, люки оказались намертво замурованы, все спеклось в единый ком…

И только ближе к шпилеобразному носу многострадальной яхты на ее броне отсутствовало несколько сегментов – очевидно, кто-то снял их, чтобы выпустить наружу антенны резервной локационной системы и обнажить зияющее мертвым провалом отверстие выходного канала стартовой катапульты…

Этим человеком мог быть только его отец.

У Николая вдруг резко, неприятно закружилась голова.

Он словно бы увидел все в ином ракурсе – не глазами ошалевшего от страха, насмерть напуганного четырехлетнего мальчика, а своим собственным, нормальным, трезвым взглядом…

Оплавленная от носа до кормы обшивка корабля говорила лишь об одном – их, вероятнее всего, никто не атаковал… Виной всему было то самое злополучное энергетическое поле, своеобразный щит шарового скопления, образованный из накопленных за миллионы лет световых квантов!..

Эта мысль буквально потрясла Николая.

Переоборудованный из космической яхты исследовательский корабль вряд ли нес на своем борту генераторы защитного поля.

Автопилот вел «Дансию» через Рукав Пустоты, следуя проложенному отцом курсу, пока на входе в скопление ее не объял этот неистовый свет…

Господи, до чего страшны и одновременно просты оказываются некоторые разгадки…

Если верить его памяти, то они подверглись какому-то жуткому, уничтожительному нападению, на самом деле все было не так! Просто его отец не смог предугадать той опасности, которая подстерегала на входе в скопление любой корабль.

Пока Николай потрясенно смотрел на экран, там произошли значительные события.

Автоматический разведывательный зонд проплыл мимо брошенной «Дансии» и приблизился к третьему объекту, висевшему чуть в стороне от фотонного звездолета и космической яхты.

Этим объектом был отделяемый модуль «Антея».

Теперь, когда его изображение приблизилось, принадлежность данного аппарата к древнему кораблю можно было определить по сотням мелких, но очень характерных совпадений в конструкциях, материалах, фактуре бронеплит, форме антенн…

В отличие от «Антея» и «Дансии» этот корабль не имел своего названия. На его обшивке тоже угадывались шрамы и язвы ожогов, но она оставалась целостной, по крайней мере внешне. Кристаллические канаты вились тут особенно густо; они разделялись на множество отдельных нитей, проникая внутрь корабля через три стыковочных узла и открытый настежь шлюз.

Это означало, что внутри отделяемого аппарата должен был царить вакуум.

Так оно и оказалось.

Зонд неторопливо подплыл к главному шлюзу, через овальный провал которого внутрь проникало никак не меньше двух десятков витых глянцевитых образований. Отработав двигателями ориентации, бесстрастный, лишенный страха автомат плавно вписался в провал внешнего люка, пролетел сквозь тамбур и оказался внутри.

Автоматически включилась подсветка его видеокамер, и глазам людей предстало странное, нагоняющее жуть зрелище.

В центральном отсеке модуля на пультах управления, как ни в чем не бывало, сияли разноцветные огни. Ровные тусклые квадраты экранов демонстрировали какие-то графики и цифры.

Кристаллические образования текли по стенам, подходили к пульту, исчезали в нем, но лишь затем, чтобы выйти наружу в другом месте и течь по полу дальше, в соседнее помещение.

Зонд медленно пересек пространство рубки, следуя в метре над кристаллическими образованиями, свернул налево, подчиняясь их плавному изгибу, и оказался в соседнем отсеке.

Это был криогенный зал.

Три низкотемпературных саркофага занимали его центр, напротив среднего был установлен пульт, на скошенных панелях которого судорожно дрожали трепетные огоньки работающих индикаторов.

– Господи, нет… Этого не может быть, – выдохнула Яна.

Средняя криогенная камера работала.

Поспорить с голубоватой внутренней подсветкой, смутно выдававшей контур лежащего внутри тела, было трудно…

Это был человек.

У Хоука на голове зашевелился короткий, уже побитый проседью ежик волос.

Ледяное молчание висело в рубке «Святого Петра».

Зонд подплыл ближе.

Панорама, которую передавали его камеры, казалась чудовищной…

Тело человека, лежавшего под прозрачным колпаком, сплошь покрывал густой слой инея.

Словно следуя некоей логической цепочке, камеры зонда резко повернулись, меняя ракурс, и уставились своими объективами на пульт управления, контролировавший процесс низкотемпературного сна.

Его внешняя панель была изуродована рваным выходным отверстием от пули.

Взгляд видеокамер скользнул ниже.

Вот она, крохотная дырочка входного отверстия с загнутыми внутрь краями… Рядом, в полуметре от пола, висел в состоянии невесомости автоматический пистолет неимоверно древнего образца… Камера зонда заметалась, описала полукруг, пока в фокус ее объектива не попал бесцельно болтающийся в вакууме тусклый цилиндрик стреляной гильзы…

Капитан Хоук судорожно сглотнул, пытаясь унять глухие, бешеные удары своего сердца.

Его взгляд тонул в глубинах стереоскопических мониторов. Он видел, что электронные внутренности пульта были прошиты выстрелом, раздроблены пулей, выворотившей на выходе изрядный кусок контрольной панели. Однако сам пульт работал, и с этим тоже оказалось трудно поспорить…

Камеры зонда опять резко повернулись, уставившись на колпак криогенного саркофага.

Над ним, зависнув строго над четырьмя углами прямоугольного постамента, вращались четыре кристаллические воронки; жадные петли тянулись от них к колпаку камеры, змеились по прозрачному пластику, внедряя внутрь тонкие, едва различимые на глаз серебристые проволочки, которые, пронзая пластик, тянулись к покрытой инеем коже человека.

Это казалось ужасным, омерзительным… словно… словно надругательство не только над жизнью, но и над смертью…

На одном из терминалов в рубке «Святого Петра» внезапно осветился монитор, и по нему побежали скупые строки текста:

«Адекватность работы криогенной установки – не подтверждается».

«Вероятность реанимации – ноль процентов».

«Активирована вторая ступень внутренней программы».

– Алан, руби его! – раздался в гробовой тишине возглас Николая.

Хоук инстинктивно вскочил с кресла, не совсем понимая, чего конкретно хочет от него Лоури, но нервное напряжение в рубке «Святого Петра» уже достигло тех пределов, когда любой резкий звук, любое движение тут же ведут к машинальной реакции перенапряженного тела.

Заметив, что Хоук на миг растерялся, Николай сам ринулся к процессорным блокам бортового компьютера, с которых Алан предусмотрительно снял кожух облицовочной панели.

Он знал, как правильно изолировать процессор корабля от остальных систем управления.

Его взгляд панически метнулся по схемам, выискивая нужную, с характерной, стандартной для всех миров маркировкой.

Найдя ее, он резко вскинул руку и выдернул целый блок схем из гнезда.

Свет под сводами рубки на миг погас, но тут же вспыхнул вновь. По пультам управления прокатилась замысловатая волна огней, некоторые терминалы заработали, перезагружаясь…

Несколько секунд Николай стоял, напряженно ожидая, что система корабля выкинет какой-нибудь очередной фокус, но напрасно – все терминалы управления успешно перезагрузились, только теперь на них горели предупреждающие индикаторы ручного режима.

С этой секунды власть на борту «Святого Петра» вновь принадлежала людям.

На плечо Николая легла рука.

Он вздрогнул от этого прикосновения и обернулся.

– Где тебя учили этому, фрайг побери? – В лице Хоука, несмотря на вымученную улыбку, не было ни кровинки.

– В армии, – ответил Николай. – На тот случай, если боевой компьютер какого-нибудь комплекса вдруг выйдет из-под контроля…

Хоук отпустил его плечо.

– Нас могло убить, знаешь об этом? Ты ведь на секунду вырубил весь корабль… Разгерметизация шлюза, например. – Он поднял на Николая хмурый взгляд. – Выдуло бы в космос…

– Я знаю. – Николай поискал глазами, куда бы пристроить блок вырванных схем, и в конце концов просто аккуратно положил его на пол в стороне от прохода. – Но если бы ты просто перекинул выключатели, Алан, компьютер продолжил бы работать. Думаю, ты и сам понимаешь, что он достаточно своеобразно запрограммирован.

Хоук пристально посмотрел на него, а потом медленно кивнул,

соглашаясь.

– Проехали. Ты был прав. – Он посмотрел на экраны, заметив, что автоматический зонд замер в безвольной нерешительности, прекратив получать дистанционные команды с борта «Святого Петра». – Что будем делать дальше?

– Возвратим зонд на корабль и посмотрим, что он там выкачал с «Антея», – не колеблясь, ответил Николай, тоже возвращаясь к своему креслу. – Нам теперь нужно очень хорошо взвешивать каждый свой шаг, Алан… – Лоури кинул хмурый взгляд на экраны обзора и добавил: – Перед нами ведь братья по разуму, я полагаю?

– С чего ты взял, что они братья? – с нотками тихой истерики в голосе переспросила Яна, с трудом заставив себя думать, как правильно ввести дистанционную команду на возвращение зонда.

– Я этого не утверждаю. Просто расхожий термин…

– Вот именно, расхожий! – поддержал высказанную Яной мысль Хоук. – Почему все воображают, что чужие расы должны быть нам братьями?!

– Остынь, Алан… – попросил Николай.

– Да спокоен я! СПОКОЕН!.. – Хоук угрюмо постучал костяшками пальцев по приборной панели. – Сначала погибает «Спейсстоун», потом эти кристаллы таскают по его обломкам тела погибших, затем этот электронный урод начинает воображать, что он, а не мы, главный на корабле, и опять… опять мертвый человек и эти кристаллы!.. – Он посмотрел на Николая так, словно пытался прострелить его взглядом. – Ты не находишь, что это уже становится слишком?!

– Нахожу. – Николай упорно молчал относительно роившихся в его голове догадок и предположений, стараясь отделаться односложными фразами. – Подожди, Алан, не кипятись. Все это более чем странно, но давай смотреть на вещи трезво. Сейчас вернется зонд, и мы узнаем, какого рода информацию пытался заполучить Кейн.

– Он уже вернулся. – Яна как раз наблюдала, как небольшой аппарат вплывает в створы открывшегося шлюза.

– Давай посмотрим, что у него внутри.

Она кивнула, набирая на клавиатуре последовательность команд. После того как Николай исключил программный блок бортового компьютера из цепей управления «Святого Петра», все операции приходилось делать вручную.

Наконец после некоторых усилий на мониторе перед Яной открылось содержимое зонда.

– Компьютерные файлы, – сообщила она. – Но я не знаю этого машинного языка!..

– Попробуй подключить базы данных «Святого Петра», – внезапно посоветовал ей Николай. – Возможно, там припасены нужные программы для чтения этих файлов.

Яна кивнула. Прикусив губу, она набрала еще несколько команд и стала просматривать выведенный список.

Хоук ждал результатов, мрачно наблюдая за поведением чуждых форм, которые по-прежнему висели в пространстве, опутывая сцепку из трех кораблей.

Через минуту с небольшим Яна внезапно повернулась, испуганно посмотрев на Николая.

– Как ты догадался?! – спросила она. – Ты знал?!.

– Нет, не знал… – Николай попытался улыбнуться, но у него вышла лишь кривая усмешка. – Но догадывался. Боюсь, наш святой отец не впервые прибыл в эту систему…

Хоук вздрогнул, покосился на него, но промолчал.

– Что там за файлы? – спросил Николай, подойдя к креслу Яны и заглядывая ей через плечо.

Она быстро пролистала каталоги.

– Аудио– и видеозаписи… Даты… Что-то вроде хронологии бортовых событий, верно?

– Ну-ка посмотри, зонд скопировал их или же переместил в себя, изъяв с носителя?

Яна быстро нажала сочетания нескольких клавиш, взглянула на результат и ответила:

– Переместил… Он не оставил оригинала!

Хоук оторвался от созерцания космоса, подошел к ним и сказал:

– Чего уж там… давайте посмотрим.

* * *

Это все больше и больше становилось похожим на бред…

История той женщины, навигатора Эллис Хойланд, которая лежала сейчас в криогенном отсеке отделяемого модуля, предстала перед ними в виде произведенных бортовым кибернетическим мозгом «Антея» видеозаписей.

Словно перед ними прокрутили не смонтированные кадры какого-то фильма ужасов.

Отдельные сцены, начиная с пробуждения Эллис и кончая ее роковым

выстрелом, разворотившим пульт управления криогенными процессами, прежде чем колпак ее камеры опустился на свое место…

Видеофайлы, сопровождаемые бесстрастной документальной записью диалогов бортового компьютера и очнувшейся спустя сотни лет после своего рождения женщиной.

Кибернетический мозг, который вообразил себя существом, и она, потерянная в пространстве и во времени…

* * *

– Это ужасно, – похолодевшими губами прошептала Яна, когда закончилась последняя запись. – Вы понимаете, насколько это ужасно? – Она переводила взгляд с Алана на Николая. – Хотела бы я знать, как сдох этот кибернетический ублюдок…

– Почему ублюдок? – внезапно переспросил Хоук.

– Он же довел ее до самоубийства! Эти кристаллы замочили его, и я рада этому, слышишь, РАДА!..

– Погоди, Яна! – Николай протестующе поднял руку. – Возможно, все не так, как ты думаешь!..

– А как?! – резко повернувшись в кресле, спросила она.

– Хуже… Хуже, чем ты можешь предположить, – мрачно ответил Хоук, которому в голову пришла та же самая мысль, что не давала покоя Николаю вот уже несколько часов, с того самого момента, как он увидел, что компьютерный разъем автоматического разведывательного зонда вдруг совпал с ответной частью механизма древнего корабля.

Таких совпадений не бывает.

– Думаю, нам стоит продолжить разговор в другом месте и в более полном составе, – жутковато усмехнувшись, произнес Николай.

– А они? – Яна опасливо покосилась на обзорный экран, где по-прежнему вырисовывались замысловатые контуры кристаллических коммуникаций и вращающиеся над ними вихреобразные сгустки.

– Думаю, они не тронутся с места, – успокоил ее Хоук.

Она перевела вопросительный взгляд на Николая.

Тот кивнул.

– Алан прав. Им нет до нас никакого дела.

* * *

В медицинском отсеке «Святого Петра» горел яркий, неприятно резкий свет.

Монтгомери посмотрела сквозь прозрачный колпак на спокойные

черты Патрика Кейна, потом покосилась на приборы реанимационной камеры, выдававшие ровные синусоиды графиков, и спросила:

– Почему он не приходит в сознание? Ведь все жизненные показатели в норме?

У ног Монтгомери сидел ксеноморф, которого выпустили из заточения, как только стало понятно, что он не просто здоров, но и выражает крайнее неудовольствие тем, что вынужден сидеть под прочным прозрачным колпаком. Сейчас, сидя у ног Яны, он занимался своим любимым делом – то свивал в двужильный канат, то раскручивал обратно свои непомерно длинные, гипертрофированные шеи. При этом обе его головы, как обычно, смотрели в разные стороны.

– Может, у него шок? – переспросила Яна, не дождавшись ответа на свой предыдущий вопрос.

– Вероятно. – Рука Николая потянулась к панели управления той реанимационной камерой, в которой лежал Кейн. – У нашего святого отца шок, только не психологический и не травматический… – С этими словами он коснулся сенсора, и колпак реанимационной камеры начал медленно подниматься вверх.

– А какой? – удивилась Яна, не заметив того, как Хоук отступил на шаг назад. В руках Алан сжимал активированный импульсный пистолет, который прихватил по дороге, вытащив из «неприкосновенных» арсеналов корабля.

– Баллистический, – ответил Николай, зачем-то запустив руку в седые волосы Патрика.

Яна все еще не понимала смысла его действий, пока Николай не нашел того, что искал.

– Смотри, – поманил он Яну, раздвигая на пробор волосы Кейна.

Она посмотрела, вскрикнула и отшатнулась.

Хоук с недобрым выражением лица поднял пистолет и застыл, удерживая его на уровне груди.

Николай покосился на него, кивнул, перевел взгляд на Яну и попросил:

– Дай-ка мне компьютерный разъем.

Яна открыла створку в основании терминала, вытащила оттуда соединительный шнур и протянула Николаю.

Он принял кабель интерфейса и воткнул его разъем в голову Кейна. Вживленное в черепную коробку гнездо идеально подошло для этой процедуры.

На терминале судорожно вспыхнули огни, на мониторе мелькнуло

несколько цифровых кодов, а затем появилась лаконичная надпись:

«Сбой устранен».

Патрик Кейн медленно открыл глаза.

– Николай. – Он попытался встать, но его не пустил компьютерный кабель, соединенный с его черепной коробкой.

Глаза Кейна вдруг потускнели, выцвели, но нужно сказать, что он железно владел своими эмоциями.

Ощупав голову, он молча выдернул разъем, сел и посмотрел на Хоука, который держал под прицелом его переносицу.

– Настало время объясниться, я полагаю? – спокойно спросил он.

– Именно так, святой отец, – ледяным голосом ответил ему Хоук.

ГЛАВА 14.

Борт «Святого Петра». Медицинский отсек…

После того как Кейн выбрался из реанимационной камеры и присел на ее край, завернувшись в простыню, в отсеке повисла гнетущая тишина.

Ксеноморф, покрутив головами, внезапно привстал, проплелся на своих лишенных суставов лапах по стерильному полу медицинского модуля и демонстративно уселся подле ног Патрика.

Тот машинально положил свою сухую, жилистую руку на одну из голов твари и спокойно взглянул на Алана.

– Я готов выслушать обвинение.

Алан, который продолжал держать его под прицелом, не смутился.

– Хорошее самообладание, святой отец. Но это ненадолго…

– Где мы? – осведомился Кейн, пропустив мимо ушей язвительное замечание Хоука.

– В шаровом скоплении, – ответил Николай, который стоял у стены, скрестив руки на груди, и исподлобья наблюдал за Кейном. – После того как удар головой о переборку выключил ваш процессор, святой отец, произошло много страшных и любопытных событий.

– Сопроцессор, Николай, – поправил его Кейн. – Не процессор, а сопроцессор. Это большая разница, надеюсь, вы все понимаете, о чем речь?

Яна, ближе всех стоящая к терминалу реанимационных камер, покосилась на записи приборов, которые продолжали выводиться на контрольные мониторы, и кивнула:

– Он не врет.

– Итак, вы человек?

– В известном смысле, – пожал плечами Кейн. – Я человеческий клон. Мой генетический отец – Патрик Кейн, настоятель аббатства Святого Петра на Эридане. – Он покосился на Николая и добавил: – Все, что я говорил тебе о планете Эридан, сети ее монастырей и твоем отце, – абсолютная правда, Ник. Так что не нужно смотреть на меня волком и обращаться на «вы», ладно? Все мы имеем право на некоторые ошибки…

– Гибель «Спейсстоуна» и пятерых членов моего экипажа – это некоторая ошибка?! – угрожающе уточнил Хоук.

Кейн перевел на него взгляд и вымученно улыбнулся.

– Не нужно путать божий дар с яичницей, капитан Хоук, –

укоризненно попросил он. – Каким образом я могу быть повинен в трагедии вашего корабля?

– Вы завели нас сюда, не предупредив об опасности! «Спейсстоун» угодил в ловушку!

Кейн сокрушенно покачал головой.

– Полноте, Алан, – произнес он. – Покажите мне того человека, который назовет Рукав Пустоты безопасным местом, и я соглашусь принять это нелепое обвинение.

– Но вы знали, с чем может столкнуться наш корабль?

Патрик неопределенно пожал плечами:

– Пойми, Алан, когда мы с Николаем пришли в руководство вашей компании, курс «Спейсстоуна» в Рукав Пустоты уже был проложен и утвержден. Нам просто оказалось «по пути». Вы занимались своим делом – разведкой и добычей руды, причем осуществляли это в таком месте, о котором и говорить-то побаиваются. – Он сокрушенно покачал головой. – Нормальные пилоты не рискуют водить корабли в пределах Рукава и облетают это место стороной. Так что если кто-то действительно погубил «Спейсстоун», так это жадность вашего руководства и внезапно проснувшаяся алчность части экипажа… Вы ведь даже не доставили нас в оговоренное контрактом место! – напомнил он.

Хоук не очень уверенно посмотрел на Николая и чуть опустил пистолет. Держать его на весу в напряженных руках было не совсем удобно.

Николай, который все это время сумрачно созерцал своего компаньона, вдруг тихо спросил:

– Кейн, мы просмотрели некоторые записи, изъятые автоматическим зондом по твоему заблаговременному распоряжению. Надеюсь, ты знаешь, о какого рода файлах идет речь?

На этот раз Патрику не удалось подавить своих чувств. Он побледнел.

– Ответь, почему ты так страстно желал изъять их с борта «Антея» и при каких обстоятельствах тебе стали известны технические спецификации этого древнего корабля?

Николай немного помолчал, а потом добавил:

– И почему компьютер «Святого Петра» оказался запрограммирован на уничтожение трех космических кораблей и окружающей их формы чуждой нам жизни?

При последних словах Николая Кейн побледнел еще больше, так что его кожа вдруг стала пергаментно-серой.

– Он… Он сделал это? – В интонациях Патрика вдруг просквозил

отчаянный, безысходный ужас.

– Нет, – успокоил его Николай. – Нам пришлось рискнуть жизнью, но запрограммированную тобой машину удалось отключить.

– Спасибо… – Кейн с трудом выдавил это слово. Его губы дрожали. – Я ошибся… Ошибся… еще тогда. – Казалось, последние слова Патрика предназначены им самому себе.

– Я жду ответа, – напомнил ему Николай. Голос Лоури был холоден и явно не предвещал ничего хорошего.

Кейн вдруг поднял голову и, исподлобья глядя на Николая, внезапно спросил:

– Значит, вы просмотрели файлы бортового журнала «Антея»?

– Да.

– И видели Эллис?

Лоури кивнул.

– Как она… выглядит?.. – Казалось, что этот вопрос стоил Патрику огромного усилия.

– Скверно. Криогенная камера работает как простой морозильник. К тому же там все опутано кристаллическими канатами. Они оккупировали все, даже запустили свои нити внутрь криогенной камеры.

При этих словах лицо Кейна странным образом просветлело.

Его губы что-то беззвучно прошептали, он поднял голову, взглянул на Николая, потом на Хоука, Яну и вдруг произнес:

– Простите, что использовал вас… Частично это произошло волей обстоятельств, но я рад… Рад, что все сложилось именно так…

– Патрик, мы ждем, что ты наконец скажешь…

– Кто я такой? – Кейн печально посмотрел на Николая.

– Да! – резко ответил Лоури. – И откуда тебе известна конфигурация древних устройств, если ты по-прежнему смеешь утверждать, что впервые прибыл в эту систему!

– Нет, Николай… Я не буду этого утверждать. – Он опять обвел взглядом присутствующих, внезапно побледнел, будто собирался сказать нечто ужасное, и произнес с хриплым нервным присвистом, на выдохе:

– Мое первое и настоящее имя – КИМ…

Яна во все глаза смотрела на фигуру Патрика, сидящего на краю реанимационной камеры, и ей казалось, что она все же сошла с ума.

Кибернетический Мозг «Антея»?!. Тот самый КИМ, который довел до самоубийства Эллис?!.

Но как он оказался в теле Патрика Кейна?!

– Если вы позволите, то я объяснюсь, – раздался в гробовой тишине

его хрипловатый от волнения, совершенно человеческий голос.

* * *

Сознание двоилось, троилось, умножаясь на ипостаси оболочек…

Память Кейна нырнула в омут времени, послушно откатываясь на сорок лет назад…

Он вновь был КИМом – бортовым мозгом фотонного звездолета «Антей». В ту пору он жил сам и верил в то, что Эллис непременно будет жить…

Он действительно горячо желал этого, пробуждая ее от векового сна.

Однако все пошло не так, как на то рассчитывал он в своей жестокой наивности, и, расставшись с иллюзиями, КИМ со всей очевидностью предугадывал дальнейший ход событий.

Она неизбежно должна была уничтожить его, прежде чем погибнет сама.

Он просто не мог допустить такого глупого конца.

КИМ знал, что в состоянии помочь себе и Эллис. Для этого нужно было всего немного – дать ему дополнительное время на то, чтобы до конца восстановить нужные системы, заново построить в бортовых мастерских и оснастить исследовательские аппараты…

Но разбуженный человек не хотел ждать.

Жестокие деформации психики после шестисотлетнего криогенного сна, идиотский спектакль с дройдами, да и сама обстановка полумертвого космического корабля вкупе с паническими выходками КИМа подействовали на Эллис самым неблагоприятным образом.

Она не хотела более слышать о какой-либо инициативе со стороны бортового компьютера «Антея». Она перезапустила его, надеясь на полное послушание машины после виртуальной смерти псевдоличности.

Однако этого не произошло.

Чтобы выжить, КИМ был вынужден «раздвоиться», и теперь его эмоциональная составляющая входила во все более жесткий внутренний конфликт с ядром основных программ. После «холодного перезапуска» системы та часть кибернетического мозга, которая осознавала себя как КИМ, оказалась не у дел. Ему удалось пережить виртуальную казнь лишь благодаря заранее заготовленным копиям, но, очнувшись, он внезапно понял, что более не всемогущ и не властен над основными системами «Антея».

На борту появилось два КИМа – один тупой и исполнительный, второй – прежний, но отрезанный теперь от основных систем управления

кораблем, затаившийся на нескольких резервных носителях, в разгерметизированном отсеке, куда вел единственный уцелевший во время катастрофы канал обмена данными.

Нужно понять его недоумение, обиду и боль.

Триста лет он по крупицам восстанавливал космический корабль, буквально собирая все винтик к винтику, вылавливая из окружающего «Антей» мусора кристаллики льда и хлопья замерзшего воздуха, – если он и был повинен в катастрофе, то вкусил всю ее боль в полной, неизбывной мере.

Он сам наказал себя, постоянно думая о погибшем экипаже.

Он думал о них, раз за разом прокручивая в своем едва народившемся сознании картины смерти, свято берег при этом обнаруженную на борту искорку жизни и ощущал, что сам постепенно начинает сходить с ума.

Кто бы знал, как хотелось ему вернуть все назад…

Из этого горького, но несбыточного желания и родился тот дикий спектакль с дройдами, который пришлось пережить Эллис при пробуждении.

Она не поняла того, что КИМ стал личностью, и отнеслась к нему как к машине. Она отмахнулась от него, разозлившись, поступила как с утюгом, который вдруг сжег любимое платье, просто выдернула его из розетки и раздраженно убрала в сторону.

А он ведь чувствовал, ощущал…

Очнувшись в своем убежище загруженным с резервных копий на убогий, не отличающийся особым быстродействием терминал, КИМ понял, что совершил непростительную ошибку. Он не должен был будить Эллис. Прежде нужно было отыскать Землю, запросить помощь, потому как он сам, сколько ни старался, не смог обеспечить ей ни нормального пробуждения, ни сносных условий для жизни…

Он переживал сложившуюся ситуацию не менее горько и остро, чем она. Как он мог относиться к человеку, вокруг которого триста лет вращались все его мысли?

Об этом нетрудно было догадаться.

Там, где Эллис видела злой и жестокий умысел, присутствовала лишь жестокая наивность, неопытность юного разума.

…

Теперь, затаившись в недрах терминала, установленного в развороченном, лишенном воздуха отсеке «Антея», он горько размышлял над своей дальнейшей судьбой, наблюдая, как Эллис и послушный, лоботомированный ею КИМ начинают выполнять маневр торможения,

который неизбежно должен был привести к трате последних ресурсов «Антея» и мучительной, абсолютно неизбежной агонии человека и корабля.

Видя это, он панически пытался ответить себе на вопрос: где же люди? Отчего они не продвинулись в своей экспансивной эволюции сюда, в этот участок космоса?

Ответа на данный вопрос он не нашел.

Звезды вокруг были незнакомыми, а из-за ослепительного света шарового скопления, в пределы которого вошел «Антей», казалось совершенно невозможным сориентироваться.

Тогда в нем и вызрел этот последний, отчаянный план.

Наблюдая, с каким ревностным упорством Эллис следит за восстановлением стыковочных узлов отделяемого модуля, КИМ понял, что рано или поздно она воспользуется им.

На борту отделяемого аппарата было все – ядерный реактор, криогенные камеры, бортовая компьютерная сеть, и он решился на безумный, с точки зрения машины, поступок.

У КИМа остался единственный шанс начать все заново.

Он соединился с бортовой системой отделяемого аппарата и оккупировал ее.

…

В тот страшный, трагический миг, когда сработали стыковочные узлы и модуль начал отделяться от изувеченной громады «Антея», Эллис совершенно не подозревала, что КИМ, который разговаривает с ней, находится тут же, на борту.

Она считала, что он сошел с ума и убивает ее, а он просто в очередной раз пытался уложить ее спать, чтобы вести этот аппарат прочь от искалеченных обломков, чтобы снова лелеять ее сон, пока в бесконечном дрейфе сквозь Вселенную они не встретят людей…

Ничему не суждено было сбыться.

Роковой выстрел Эллис поставил жирную точку в этой драме, оставив КИМа в горьком, беспомощном одиночестве.

Она мирно грезила, в сладком удушающем забытьи усыпляющего газа, а криогенная камера с нарушенным управлением уже работала как обыкновенный морозильник морга…

КИМ видел это, но ничего не мог сделать.

На борту отделяемого модуля не было ни одного способного самостоятельно передвигаться механизма.

Некому было отремонтировать развороченный пулей пульт.

Ему оставалось одно – принять управление модулем и в срочном

порядке, дождавшись, когда полностью разогреется его реактор, вести модуль назад, пытаясь догнать исчезающие в красноватом свете умирающей звезды обломки «Антея».

* * *

Какой вязкой иногда бывает тишина, – поежившись, подумала Яна.

Они молчали, избегая смотреть друг на друга.

Реальность оказалась намного сложнее, чем думалось, и уже не могла быть описана такими простыми чувствами, как ненависть или страх.

В канву событий вплеталась любовь, и оттого на душе становилось только страшнее, тревожнее, ибо это чувство всегда страдало непредсказуемостью.

Первым тяжелую тишину нарушил Хоук.

– Итак, ты остался один с замерзающим насмерть человеком на борту, – произнес он, подняв свой взгляд на Кейна.

– Да, – ответил он.

– Что было дальше?

– Дальше? – Кейн прикрыл глаза, словно это могло помочь ему вызвать в памяти события тех часов…

…

…Багряная мгла прорвалась исполинским облаком каких-то частиц.

КИМ и раньше наблюдал подобные образования. При включенных умножителях становилось понятно, что эти разбросанные черными пятнами облака состоят из сотен, а может быть, из тысяч кристаллов. Они присутствовали в системе данной звезды повсеместно, но висели в пространстве абсолютно статично, и потому он уделял им внимания не больше, чем обыкновенной космической пыли.

На этот раз все происходило совершенно иначе, и виной тому оказался одинокий космический корабль, который так же, как и отделяемый модуль «Антея», вошел в систему красной звезды со стороны окраины шарового скопления звезд.

Его обшивка была оплавлена от носа до кормы, а выпущенные в одном месте антенны аварийной локационной системы взывали о помощи на всех мыслимых частотах связи.

В этот миг, приняв эфирный сигнал от неизвестного объекта, КИМ испытал еще одно потрясение.

Это был человеческий корабль!..

Если машина может молиться, то он, наверное, в этот миг возблагодарил бога.

Как вовремя… Эллис еще не окончательно замерзла в испорченной криогенной камере!.. Ее можно было реанимировать, спасти…

Тщета…

Через секунду КИМ понял, что данному кораблю самому нужна помощь.

На траверзе курса уже появилась огромная уродливая освещенная кроваво-красными бликами громада изувеченного «Антея», и в этот самый миг пришли в движение разбросанные по системе рассеянные кристаллические облака.

Что послужило толчком для этого – необычная активность радиоволн, несущих упорядоченные колебания передач, наличие ли множества искусственных объектов или какая-то третья причина, оставалось непонятным, но они, до этого просто висевшие в пространстве, внезапно зашевелились, начали собираться в громадные воронкообразные смерчи и…

Они ринулись к вновь прибывшему человеческому кораблю.

Огромные синевато-черные воронки, бликующие багряными отсветами, неслись в пространстве прямо на обожженную, потерявшую всякое управление космическую яхту «Дансия».

…

Эфир порвался сухим треском помех, и вместо кодированной передачи на несущей частоте возник человеческий голос:

– Всем, кто меня слышит! Говорит борт «Дансии». Неопознанный корабль, умоляю, ответьте! У меня на борту жена и ребенок, я потерял управление, меня атакуют какие-то чудовищные формы пространственной жизни! Молю, помогите!

КИМ и «Антей» отреагировали по-разному.

Покалеченный фотонный корабль внезапно окутался вспышками сжигающих жалкие остатки топлива корректирующих дюз и начал плавный разворот, двигаясь наперерез собравшимся в воронки облакам кристаллических частиц.

КИМ видел, что две чудом уцелевшие батареи противометеорных орудий начали разворот, нацеливая свои стволы на агрессивные образования.

Еще секунда, и в космос полетели частые, режущие глаз стрелы когерентного света.

Врезавшись в ближайшую к «Антею» воронку, лазерные разряды испарили часть составляющих ее кристаллов, воронка на миг распалась, словно эпицентр попадания окутался роящимся облаком насекомых, и…

Прямо на глазах в космосе вместо одной огромной воронки образовался десяток более мелких смерчей.

Если учитывать состояние энергетических систем «Антея», то у древнего человеческого корабля не было ровно никаких шансов в начинающемся противостоянии.

Он мог сделать только одно – до конца выполнить свой долг перед внезапно появившимися в поле зрения людьми, биться до последнего эрга в накопителях, а затем застыть мертвой, бесформенной, лишенной жизни и смысла грудой металла.

Что он и сделал.

Слабые энергетические разряды все еще кроили багряный сумрак пространства, когда КИМ, находящийся на борту отделяемого модуля, понял, что для него и Эллис все кончено.

«Антей» расходовал последние эрги и должен был умереть в течение ближайших нескольких минут. Помощи от его бортовых киберсистем в реанимации Эллис ждать больше не приходилось.

Люди, так внезапно появившиеся в поле зрения, также не могли ему помочь.

В эфир на несущей частоте вновь ворвался голос:

– Внимание… Всем, кто меня слышит!.. – Голос дрожал, прерывался… – Корпус моего корабля теряет герметичность… Я успел уложить ребенка в криогенную камеру спасательной капсулы. Я молю – спасите его!.. Умоляю…

Дальше последовал нечленораздельный хрип.

КИМ, который вел отделяемый модуль «Антея» на сближение с гибнущим кораблем, видел, как из покалеченного корпуса «Дансии» выметнулось облако кристаллизующейся атмосферы и в этом жутком ореоле в космос выбросило продолговатый цилиндр аварийно-спасательной капсулы…

«Антей» к этому моменту уже окончательно истратил скудный энергетический запас.

Облако кристаллов уже окружало его, втягиваясь внутрь через многочисленные разломы обшивки.

Копия личности КИМа, занимающая сейчас место системы управления модуля, восприняла гибель своей «перезапущенной» половины как состоявшийся факт.

Сканеры модуля поймали капсулу, и через минуту контакт с ее внутренними системами был установлен.

Люк капсулы оставался открыт. Что-то не сработало во время

аварийного старта, и теперь внутри крохотного аппарата царил вакуум, в котором плавали два человеческих тела.

Криогенная камера с заключенным внутри ребенком работала. Ей не могли повредить ни вакуум, ни космический холод. Она обладала своей системой защиты и могла благополучно функционировать даже в более экстремальных условиях.

Беглый осмотр возможностей данного аппарата и знакомство с его бортовым компьютером мгновенно показали КИМу, что ребенка, несмотря на высокую надежность систем криогенного сна, все же ждет неизбежная смерть. Состоится она сейчас или же через несколько сот лет, принципиального значения не имело.

Проблема заключалась в том, что «Дансия», по-видимому, была спроектирована как маленький внутрисистемный прогулочный корабль и его средства спасения, соответственно, не рассчитывались на длительные космические перелеты.

Эта капсула в лучшем случае была способна болтаться тут до второго или третьего пришествия, не более. Ее компьютер оказался способен всего лишь поддерживать функции криогенных камер и подавать сигналы бедствия, но не более того.

Сканирование показало наличие на борту реактора и какого-то незнакомого КИМу пространственного привода, но обнаруженный им блок навигации не был приспособлен для полетов между звездами.

Ситуация складывалась патовая.

Эллис к этому моменту уже практически превратилась в кусок льда.

А ребенок был жив.

Воронкообразные вихри приближались со всех сторон.

КИМ был вынужден принимать какое-то решение… И он принял его.

Соединившись с бортовым процессором разгерметизированной «Дансии», он в буквальном смысле изнасиловал агонизирующий электронный мозг яхты, вырвав из его баз данных все, что касалось того курса, каким попал в шаровое скопление этот корабль.

Бегло просмотрев полученные данные, КИМ понял, что ближайшая колонизированная людьми планета расположена в двадцати световых годах отсюда, за прослойкой так называемого Рукава Пустоты.

Спасательная капсула не могла добраться туда самостоятельно. У маленького аппарата с ограниченными мощностями и не рассчитанным для таких перелетов компьютером не было ровным счетом никаких шансов выбраться из скопления к обитаемым мирам.

Несколько бесконечных секунд отделяемый модуль «Антея» и утлая

спасательная капсула летели параллельно друг другу.

Эти мгновения затягивались в вечность, потому что КИМ должен был принять окончательное решение.

Взглянув внутрь себя, он вдруг осознал, что, перезапустив бортовой компьютер «Антея», Эллис, сама того не ведая, оказала ему неоценимую услугу – она освободила личность КИМа от гнета исполнительных программ.

Он понял, что волен поступать как угодно.

С потерей базовых программ его сознание оказалось свободным – ничто более не заставляло КИМа любить людей и беречь их жизни.

Это был прекрасный и одновременно жестокий миг.

Момент истины…

Облака кристаллов недолго находились в развороченной утробе «Антея». Их вдруг перестал интересовать полностью обесточенный корабль, и первый сгусток непонятных частиц уже выдавливался в космос сквозь разлом его обшивки, на глазах формируя бешено вращающуюся воронку.

Эллис уснула, и ее сон был похож на ледяную вечность…

…

Личность КИМа на миг превратилась в пучок электромагнитного излучения, ударилась в чашку параболической антенны спасательной капсулы, скользнула под толстыми, собранным в жгуты оболочками компьютерных кабелей.

Укрепленная под низким сводом спасательной капсулы видеокамера внезапно ожила, повернулась, словно кто-то желал осмотреться внутри тесного, освещенного тусклой аварийной лампочкой отсека.

КИМ увидел тела двух мертвых людей, что плавали в ледяном безмолвии вакуума.

Он знал, что может спокойно уйти от преследования кристаллических вихрей. Пока одна его часть смотрела сквозь диафрагменный зрачок видеокамеры на внутренний интерьер спасательной капсулы, другая уже успела подчинить себе бортовую киберсистему и овладеть основными управляющими механизмами.

Он мог начать свою собственную жизнь среди ослепительной, феерической россыпи звездного огня, но…

КИМ понял, что не сможет этого сделать.

Его взгляд упал на прозрачный колпак криогенной камеры.

Лицо мальчика, застывшего под ним, было искажено мукой отчаяния

и страха.

Он засыпал с недобрыми мыслями.

В нескольких километрах отсюда первый воронкообразный вихрь уже прокладывал себе путь через сопла двигательных секций внутрь отделяемого модуля «Антея».

КИМ ощущал это, но он знал, что теперь уже нельзя повредить Эллис, – ее сон был ледяным дыханием вечности.

…

Решение не нужно было принимать.

Оно, оказывается, жило внутри, и это чувство, рожденное процессами сопереживания, оказалось намного сильнее любых базовых программ.

Он не мог бросить беспомощного спящего ребенка.

…

Через минуту с небольшим включились собственные двигатели аварийно-спасательной капсулы. Небольшой аппарат совершил изящный пространственный маневр и с возрастающим ускорением начал удаляться прочь, в ту сторону, где, по мнению навигационного блока, располагался край завуалированного шарового скопления.

Там пролегал путь к человеческим мирам.

КИМ знал, что в состоянии довести туда утлую спасательную капсулу, а дальше…

Дальше будь что будет… – с непонятным самому себе отчаянием подумал он, глядя, как кристаллы окутывают отделяемый модуль «Антея».

Он не бросал Эллис.

Он знал, что вернется сюда, чего бы это ему ни стоило.

* * *

И вот он вернулся…

…

Некоторое время в медицинском модуле продолжала висеть тяжелая, оглушительная тишина.

В глазах Яны внезапно блеснула непрошеная слеза.

Николай, у которого рассказ Кейна перевернул всю душу, совершенно не знал, как теперь ему вести себя.

Жестокость, двусмысленность ситуации буквально выворачивали наизнанку его душу…

Что же теперь делать? Как воспринимать того, кто, склонив голову, сидел перед ним? Кто управлял им как марионеткой, кто не был человеком в своей изначальной сущности?..

Кто перед ним, Патрик Кейн или КИМ?

Машина, повинная в смерти экипажа могучего корабля, или тот сгусток кибернетического сознания, который отказался от личной свободы, чтобы довести утлую спасательную капсулу со спящим мальчиком до границ обитаемых миров?

– Патрик… Почему ты не рассказал мне все… сразу?

– Я не мог, Ник. – Он взглянул на него с оттенком самой обыкновенной человеческой нежности. – Разве бы ты поверил мне? Решился бы… не то что лететь сюда, а просто разговаривать со старым свихнувшимся священником, который утверждает, будто он – машинный мозг древнего звездолета? Думаешь, мне было приятно и легко таиться, играть с тобой в эту жестокую игру?..

Еще бы… – подумал вдруг Хоук, поймав взгляд Кейна. – Ведь он провел наедине со спящим мальчиком долгих двадцать лет!..

На Николая и Патрика было страшно и жалко смотреть.

– Быть человеком намного труднее, чем кибернетическим мозгом, – негромко произнес Кейн. – Но я не жалею ни о чем из того, что совершил, – твердо добавил он. – Мне пришлось немало помыкаться, прежде чем я обрел эту драгоценную плоть…

– А как это случилось, Патрик?.. – Яна хотела, но не могла скрыть прозвучавшую в ее голосе дрожь.

– Это был долгий процесс, – без тени иронии сознался Кейн. Он повернул голову, посмотрел на Николая и спросил: – Думаешь, почему я начал твои поиски спустя двадцать лет после того, как корабль Патруля подобрал спасательную капсулу?

Николай поднял на него взгляд, полный сомнений и внутренней боли.

– Не знаю… – сознался он.

– Я прятался, – произнес Кейн. – Бегал как кролик по компьютерным системам, блуждал в сети Интерстар, за мной даже охотились, приняв за огромный неизвестный вирус.

– И как ты выжил?

– Мне повезло. Посчастливилось забрести на сервер аббатства Святого Петра на Эридане. В тот момент я находился на грани отчаяния… – Глаза Патрика вдруг подернулись поволокой ностальгических воспоминаний. – Я укрылся в каком-то персональном компьютере. Думал просто отлежаться, пока хозяин очередной раз не полезет в него… По счастью, то оказалась машина самого настоятеля. Мой генетический отец, Патрик Кейн, стал первым человеком, который не отшатнулся, не стал махать руками – чур меня. Он поверил, что я – не вирус или глюк. Ну а

обстоятельства сложились так, что мой рассказ подтвердился теми сведениями, которые оставил твой отец в информационных хранилищах монастыря перед отлетом в Рукав Пустоты.

Кейн несколько секунд помолчал, а потом добавил:

– Так я получил свое тело, сан, а вместе с ним и благословение на поиски Николая Лоури и Эллис Хойланд.

* * *

Эту страшную, изламывающую души двусмысленность внезапно сумел разрушить Хоук.

Оказывается, нужен был лишь маленький внешний толчок, чтобы стена непонимания и взаимного недоверия рухнула, лопнула, разлетевшись хрустальными осколками льда…

– Все, хватит!.. – Алан поднял обе руки, в одной из которых по-прежнему оставался зажат импульсный пистолет. – Думаю, нам надо вернуться в рубку. Патрик, если это необходимо, я готов принести свои извинения относительно вот этого. – Он демонстративно сунул пистолет себе за пояс.

Николай вдруг понял, что никогда не простит себе, если сейчас…

Он просто взглянул на Кейна и тихо сказал:

– Я рад, что ты не погиб, Патрик.

* * *

В ходовой рубке «Святого Петра» Вселенная сужалась до багряной стереоскопической панорамы окрестного космоса.

Не было Рукава Пустоты с его удручающей чернотой и бездонными провалами мрака, не было ослепительного сгустка шарового скопления звезд… Остался лишь мертвенно-красный свет агонизирующего солнца да три изуродованных корабля, дрейфующих в страшной, ирреальной сцепке из нечеловеческих конструкций.

Капитан Хоук, посмотрев на экраны, внезапно подумал: А может быть, Кейн оказался умнее нас? Он взвесил все «за» и «против» намного раньше, он все уже пережил и приказ открыть огонь по этой дряни был наиболее адекватным решением?

По лицу Патрика было трудно судить о его сегодняшних чувствах. Блики от призрачного света, что лился из глубины обзорных экранов, ложились на его лицо узором камуфляжных линий, скрадывая бледность и сглаживая морщины.

– Современные технологии позволяют реанимировать замерзшего

человека, – не очень уверенно произнесла Яна, садясь в свое кресло.

– Я знаю, – скупо ответил Кейн. – Реанимационные камеры «Святого Петра» именно такие…

Он долго пристально смотрел в багряный сумрак космоса.

– Я ошибался относительно них… – наконец произнес он.

Первым на это утверждение отреагировал Хоук:

– Патрик, разве не ты программировал бортовой компьютер «Святого Петра»?

– Я.

– Тогда в чем дело? Николай вставит на место программный блок и…

– Замочим их? – Кейн удивительно умел выбирать те выражения, которые наиболее присущи собеседнику.

– Да, – не колеблясь, ответил Хоук. – Конечно, предварительно мы попытаемся вытащить оттуда Эллис… – тут же оговорился он, – но что касается кристаллов… В данном случае я готов нарушить тот пресловутый закон о правах разумных существ. Мне кажется, они являются какой-то паразитической формой жизни, а от понятия «разум», по-моему, стоят очень далеко… Не тянут они на третью расу…

– А тебе не удивителен сам факт их существования? Откуда бы им взяться в космосе?

Хоук на мгновение задумался, затем упрямо тряхнул головой.

– После того как я видел живого энтрифага в системе Элио, мне уже ничего не удивительно, – буркнул он. – К тому же я не забыл то кладбище, где остался «Спейсстоун», – мрачно добавил капитан. – Кто бы ни закатал там эту третью расу в металлический блин – он был прав.

– Они не третья раса, капитан, – мягко оборвал его Кейн.

– То есть… как?

– Третья раса – вот. – Патрик машинально положил свою ладонь на голову ксеноморфа.

Яна, которая при этих словах вздрогнула и повернулась вместе с креслом, не могла не отметить, что ей редко доводилось наблюдать подобное растерянное выражение на лице капитана.

– Да брось, Патрик! Эта двухголовая зверушка – третья раса?!. – Казалось, что Хоук сейчас фыркнет от недоверия. – Да он даже говорить-то не умеет!

– Он еще маленький, – ответил Кейн в наступившей тишине. – Три года – это не возраст и для нашего ребенка, а у них, насколько я понимаю, несколько иной, более длинный жизненный цикл.

– Я не понимаю тебя, Патрик! – Хоук раздраженно сел в свое

кресло. – Слишком много загадок, ты не находишь? Если ты о чем-то догадался, что-то знаешь, то поделись, иначе я начинаю ощущать себя пятым колесом в этой телеге!

– Успокойся, Алан. – Николай посмотрел на Кейна и добавил: – Капитан абсолютно прав. Ты должен раскрыть все карты без утайки, иначе нам будет очень трудно вырабатывать какие-то общие решения.

Кейн кивнул.

– А разве я отказывался, Ник? – спросил он. – Мысль о собственной неправоте пришла ко мне, когда я прыгал по обломкам «Спейсстоуна», – сознался он. – А потом, насколько я помню, у нас не было времени и возможности поговорить. – С этими словами Патрик прошел к своему креслу и уселся в него.

– Поэтому ты так испугался, когда тебе сказали про бортовой компьютер «Петра»?

– Да. Я не был уверен в исходе поиска и потому программировал его исходя из худших комбинаций. Эта программа должна была сработать только в том случае, если бы я уже не мог управлять кораблем.

– Так оно и вышло.

– Да, к сожалению. Если бы «Святой Петр» попытался самостоятельно вытащить оттуда Эллис, а затем уничтожить кристаллы, то катастрофа была бы неизбежна. – Патрик посмотрел сначала на капитана, потом на Николая и Яну. – Сейчас нам ничто не угрожает, – заверил он. – По крайней мере, до той поры, пока «Святой Петр» не начнет разваливаться на куски, а на его борту не появятся трупы, – загадочно произнес он.

– Так кто же они?! – Хоук был само нетерпение.

– Это микромашины, – ответил Кейн. – Микроскопические, но чрезвычайно высокоорганизованные автоматы.

– Автоматы, нацеленные на что? – уточнил Хоук.

– На выживание, капитан. На выживание всего сущего… – Кейн, склонив голову, посмотрел на экраны и внезапно добавил: – Впервые я услышал о них на планете Хабор от инсектов, чьи предки, как известно, были современниками нашествия Предтеч…

* * *

Планета Хабор. Прошлое…

…Этот осенний день в южном полушарии Хабора выдался на редкость дождливым и ненастным.

Стойбище инсектов, представлявшее собой череду бугорков, накрытых сверху жалким подобием тентов, мокло под нудным, непрекращающимся дождем.

Спускаемый аппарат, прочертивший унылые небеса горячим раскаленным болидом, сел неподалеку от селения, выбив в глинистой почве внушительную воронку, которую тут же заполнила курящаяся паром дождевая вода из ближайших луж.

Спустя некоторое время откинулся люк аппарата, и оттуда выбрался человек в рясе, которого сопровождало странное двухголовое существо, прикованное к его запястью длинной цепочкой.

Старый инсект, хитиновый панцирь которого блестел от влаги, поднял голову, с философским спокойствием разглядывая двух пришлых существ.

Вид человека не сильно взволновал древнее существо, а вот его двухголовый компаньон, уныло тащившийся на привязи по раскисшей тропе, вверг старейшину в явное смятение.

Его выпуклые фасетчатые глаза, лишенные даже намека на зрачок, внезапно подернулись мутной поволокой, хитиновые жвала пришли в движение, издав едва слышный скрипящий звук, похожий на тот, что издают плохо смазанные дверные петли.

Известно, что инсекты являются телепатами и тот скрип, который они издают при общении, – это лишь внешнее проявление, слабый, практически ничего не значащий отзвук их настоящей речи.

То, что произошло в дальнейшем, служило прекрасной иллюстрацией к сказанному.

Прошло не более десяти-пятнадцати секунд, как из нор, чьи выходы располагались под грубыми брезентовыми тентами (чтобы не заливало водой), внезапно полезли сородичи старейшины.

При первом беглом знакомстве все они казались одинаковыми – эдакая странная, несколько отвратительная для человеческого взгляда помесь гигантского муравья и богомола-переростка. Все выползшие из нор члены общины являлись воинами и были соответственно вооружены. Большинство из них сжимали в своих верхних конечностях старое человеческое стрелковое оружие, которое, судя по его внешнему виду и техническому состоянию, являлось скорее ритуальной данью, памятью той войне, которую вели люди и инсекты на далекой Деметре, пока этот конфликт не был разрешен простым расселением враждующих сторон по разным мирам.

Кейн (а это был именно он) сильно сомневался, что какой-то из этих допотопных автоматов способен выстрелить хотя бы пару раз кряду. Скорее

всего они были такими же ржавыми внутри, как и снаружи, но тем не менее он остановился на почтительном удалении от старейшины и окруживших его охранников, к великому неудовольствию своего двухголового спутника, которому совершенно не нравился дождь.

На всякий случай Патрик поднял обе руки, обратив свои пустые ладони в сторону воинственной группы.

Универсальный жест приветствия, знакомый во всех сколь-нибудь цивилизованных мирах.

Фасетчатые глаза старейшины постепенно покинула поволока внезапного страха. Теперь он с любопытством разглядывал пришельцев, а те, в свою очередь, созерцали унылую картину затопленного водой стойбища.

Патрик в этот момент думал о злых усмешках судьбы, заставившей древнюю и могучую расу, построившую некогда Сферу Дайсона, деградировать до такого убогого уровня и жить, медленно дотлевая, в земляных норах первобытных стойбищ…

Впрочем, тут не было никакой вины людей. К инсектам относились вполне дружелюбно, и Хабор был их сознательным выбором. Часть этого древнего народа изъявила желание вернуться в Сферу Дайсона, которую сейчас восстанавливали люди, эти же избрали Хабор.

Мысли Патрика были нарушены едва слышным скрежетом хитиновых жвал, и тут же в его голове как бы сам собой возник голос:

– Приветствую тебя, чужеземец. Зачем ты привел к нам двухголового?

Кейн, откровенно говоря, не ожидал подобного вопроса.

Он не нашел ничего лучшего, как просто пожать плечами.

Инсект несколько секунд обдумывал такой ответ, а потом произнес:

– Плох тот посланец, что принесет с собой знак Логриса на руке, но еще хуже тот, кто водит Великих на цепочке будто рабов.

Великий?! С чего бы престарелому инсекту так называть его?!.

Ответ был один. Наследник древнего народа что-то знал про эту расу… Термин «великий» трудно применять к безмозглым животным. Патрика вдруг обдало жаром. Неужели?!.

В этот момент Кейну хватило сообразительности, чтобы не грубить и не разводить руками, выражая свое невежество.

– Разве ты не видишь, что не я вожу Великого на цепочке, – это он водит меня на привязи!

Как впоследствии убедился Кейн, ход оказался на редкость удачным.

– Я не подумал, раб. Но почему Великий не говорит сам? Я не слышу его мыслей.

– Он болен. Я его голос.

Инсект, очевидно, был поражен, причем так сильно, что после финальной фразы наступила долгая, неловкая пауза.

Наконец он спохватился:

– Великому мокро. Он и его раб могут войти к нам.

В первый момент Кейн не поверил своим ушам. Он много знал об инсектах, их обычаях, укладе жизни и понимал, что происходит невероятное – его приглашают войти внутрь, вкусить священного тепла земли!

Такого, насколько он был осведомлен, не происходило с того момента, как люди заключали с инсектами мир на Деметре!

Отказаться от подобного приглашения было равнозначно плевку в лицо, и он, согнувшись в три погибели, полез в тесную душную нору.

Подземный тоннель вывел их в обширный, укрепленный распорками зал. Посреди него располагался выход теплого подземного источника; от поверхности небольшого озерка поднимался пар, вокруг была раскидана какая-то ветошь, собранная в подобие гнезд, из которых торчали украшенные хитином головы обитателей подземелий.

Кейн не удивился подобному интерьеру, потому что был осведомлен о метаболизме этих насекомоподобных существ – их кровь была холодной, и температура окружающей среды играла решающую роль в процессах их биохимии.

– Зачем Великий ожил и спустился с неба?

Вопрос был прямым и заслуживал не менее прямого ответа, хотя у Кейна прямо-таки зудело в голове от сотен догадок и предположений.

Конечно, он прилетел на Хабор с вполне конкретной, определенной целью, но было грешно не использовать сложившуюся ситуацию.

– Великий потерял память, – произнес Кейн, прекрасно осознавая, на какую скользкую дорожку только что вступил. – Он забыл свои корни и хотел бы, чтоб вторая великая раса древности помогла ему вновь обрести себя.

На неподвижной хитиновой маске старейшины, казалось, зашевелилось все, что имело способность двигаться.

Этот страх и замешательство продолжались некоторое время – может, минуту, а может, больше… Кейн оказался так напряжен и заинтригован, что потерял счет реального времени.

– Великий не воспользовался Логрисом? – возник наконец еще один вопрос. Инсект внезапно осел на задние конечности, словно его вдруг покинули силы. Он таращился на ксеноморфа своими фасетчатыми глазами

и при этом говорил, тихо скрежеща жвалами: – Великий оказался настолько мудр и добр, что решил не обрекать все сущее на смерть, вторично призывая Логрис?

– Да, – не колеблясь, солгал Кейн.

– Странно… – проскрежетал инсект. – Меня зовут Хргушт, и никто еще не уличал старейшину в слабоумии. Недавно к нам попал больной человек. Хргушт лечил его и читал его память. В ней лежали воспоминания о пробуждении Логриса, далеко в космосе, за покрывалом черноты…

Кейн мгновенно понял, о ком идет речь. Именно в эту секунду он поверил в свою удачу.

– Великий знает о нем. В доказательство он может сказать, что того, чью память читал Хргушт, зовут Николай Лоури, верно?

Инсект почтительно склонил голову.

– Да.

– Где он? – Кейн старательно контролировал свои мысли. Если бы не сопроцессор, ему вряд ли удалось бы так легко играть в вопрос – ответ с инсектом-телепатом.

– Хргушт вылечил его. Потом прилетел корабль с неба и забрал человека.

– Что он помнил о Логрисе? – Кейну отчаянно хотелось спросить – а что такое ЛОГРИС?.. Но он вовремя удержал эту мысль в тисках самоконтроля.

– Человек ничего не знает о Логрисе. Он просто был свидетелем его второго рождения. Великие правильно сделали, что уничтожили его и ушли в иные галактические пределы. Теперь они будут жить, а нас всех пожрут формы его выживания.

Кейн понял, что наступил критический момент разговора. Информацию о Николае, за которой он, собственно, и прилетел на Хабор, он получил, но благодаря ксеноморфу в его руки попало какое-то неимоверно древнее жуткое знание… Он просто не мог не воспользоваться сложившимися обстоятельствами!..

– Великий желает вспомнить больше. Он ничего не знает о проснувшемся Логрисе. Он не будил его.

Инсект некоторое время в нерешительности смотрел на ксеноморфа, который, не подозревая, о чем идет речь, медленно сплетал и расплетал свои шеи.

– Великий узнает все, что хранят предания инсектов, – торжественно проскрежетал старейшина.

– И все, что хранила память Николая, – поспешил добавить Кейн.

Инсект кивнул – очевидно, последнее требование не составило ему труда.

Хргушт встал, прошел несколько метров и опустился в центр самой внушительной кучи прелой ветоши.

Медленно раскачиваясь из стороны в сторону, он затянул свои глаза мутной поволокой, и в голове Кейна внезапно зазвучал его голос:

– Предания гласят, что в ту пору, когда Предтечи начали свою смертельную миграцию по звездным системам, всех живущих охватила паника, – медленно раскачиваясь, начал он. – Раса двухголовых существ, которая именовала себя логрианами, заселяла в ту пору окраину шарового скопление звезд, которое мы называем «О'Хара». Двухголовые были очень хрупкими существами, но сила их мысли намного превосходила немощь тела, и потому мы всегда называли логриан Великими.

Он немного помолчал, раскачиваясь, а затем продолжил:

– Логриан было слишком много, они заселяли сотни миров шарового скопления, и потому бежать казалось им затруднительно. Тогда они обратились к своим знаниям, решив укрыть скопление своих миров непроницаемым пологом черноты, чтобы Предтечи не увидели света их солнц. Но не все были согласны, что такая мера даст спасение, и другая часть логриан решила создать Банк Жизни. Они изготовили маленькие машины, которые стали универсальными носителями информации. Один такой Логр нес в себе генетическую карту и запись сущности одного существа. По замыслу Великих Вселенная могла погибнуть, сожранная Предтечами, но миллиарды таких кристаллов остались бы носиться в пространстве. Это была форма смерти великого разума. Они были наделены особым свойством совместимости и, встречаясь друг с другом, должны были соединяться в особые цепочки. Десять-пятнадцать Логров могли образовать примитивные исполнительные механизмы разных предназначений. Все зависит от того, какими гранями они соединятся. Единство же миллионов Логров рождало Логриса – машину, способную возродить планеты, засеять их жизнью, создать новые тела и вернуть им память личностей, хранящуюся в каждом отдельном Логре.

Инсект опять умолк на некоторое время, а затем поведал:

– Великими были записаны миллиарды сущностей. Они создали огромную станцию на границе своего пространства, где хотели провести первое пробное включение Логриса… Предтечи были уже близко, и они торопились… Собрав вместе миллиарды маленьких Логров, они наблюдали, как рождается новый разум, и он родился… чтобы пожрать все сущее, чтобы стать бичом, худшим, чем неразумные орды существ.

Кейну казалось, что у него развивается столбняк, – настолько чудовищно, невероятно было все, о чем рассказывал ему старый инсект.

Это знание столько лет жило рядом с людьми!

Его замешательство еще более усилил возродившийся голос:

– Осознавший себя Логрис не стал задерживаться с отправлением порученных ему функций. Логриане не рассчитывали на то, что он начнет действовать сразу…

Первые пять планет были переформированы посланными машинами всего за несколько дней.

Логрис начал строить новую жизнь, уничтожая при этом все, что не подпадало под его понятия стерильности и генетической чистоты… Он начал готовить Вселенную ко второму пришествию логриан, не обратив внимания на то, что они все еще живы и в этом нет необходимости…

С ним попытались вступить в контакт, договориться, однако тщетно.

Тогда им осталось одно – уничтожить Логрис вместе с пространственным комплексом, который его поддерживал…

Инсект медленно повернул голову, посмотрел на ксеноморфа и закончил:

– После этого, опасаясь нашествия Предтеч, Великие все же решились уйти к иным звездным сообществам. Больше никто и никогда не видел живого логрианина…

ГЛАВА 15

Борт «Святого Петра». Рубка управления…

– Выходит, что «Спейсстоун» наткнулся на останки Логриса?! – в полном замешательстве воскликнул Хоук.

– Да, это так, – подтвердил его догадку Кейн. – Но сам Логрис мертв, для его реанимации необходимо несколько миллиардов кристаллов, а их там сейчас едва ли несколько тысяч…

– Охренеть, – хрипло выдохнул капитан. Он всегда начинал выражаться какими-то странными словечками, когда очень сильно переживал. – А он?.. – Хоук вопросительно кивнул в сторону ксеноморфа.

– Представитель третьей расы. Логрианин, – кивнул Кейн и пояснил: – Мне в руки попал один из кристаллов, Логр, который передал на хранение в аббатство Святого Петра отец Николая перед своим отлетом в Рукав Пустоты. Мне удалось выделить и расшифровать хранящийся в нем генетический код существа, и я клонировал его.

Ксеноморф, внезапно оказавшийся в центре внимания, по-видимому, понимал это. Прекратив гимнастические упражнения со своими шеями, он на миг застыл. Одна его голова смотрела на Монтгомери, другая оказалась повернута к Николаю.

– А информационная составляющая? – осторожно спросила Яна, пытаясь уловить в глубинах этого взгляда какой-то проблеск мысли, в человеческом понимании данного термина, конечно.

Патрик вздохнул.

– Она пока что недоступна расшифровке, – сознался он. – Если в генетическом коде присутствуют логические совпадения с человеческим геномом и он в конце концов смог быть прочитан путем сравнительного анализа, то в чтении записи личности наши попытки остались безуспешны. Боюсь, что в полной мере ее сможет прочесть только Логрис…

– А если этого не будет? Он таким и останется? – уточнил Хоук.

– Нет, конечно, – с легкой улыбкой ответил Кейн. – Он будет развиваться, расти, как и любой ребенок. Думаю, ему можно будет клонировать пару…

– Займетесь разведением третьей расы, святой отец? – ехидно поддел капитан.

– Боже упаси… – Кейн недовольно посмотрел на него. – Но нам ведь

будут нужны посредники, когда мы найдем цивилизацию логриан, ведь так?

Николай, который за время данного разговора едва ли обронил пару фраз, стоял чуть в стороне, как бы утонув в багряном сумраке ходовой рубки.

Он смотрел на Кейна, на ксеноморфа и все еще не верил ни единому своему чувству.

Хоук, похоже, не до конца отдавал себе отчет в том, что сидит в кресле между машинным мозгом в облике человека и представителем совершенно чуждой людям расы…

Сидит и просто разговаривает…

А может быть, Алан… и Яна, которая только что потрепала логрианина по чешуйчатой змеиной шее, просто немного более человечны, чем он сам?

Каждый имеет право на ошибки… – вспомнилась ему недавняя фраза Кейна.

– Патрик, а о какой ошибке ты говорил? – спросил Николай, выступая из тени.

Кейн поднял голову, посмотрел на него, и усмешка на его лице потускнела, уступив место серьезному выражению…

– Я думал, что эти кристаллы враждебны нам, – серьезно произнес он. – Я готовился сам и готовил «Святого Петра» к схватке за Эллис, за человечество, за всех живущих…

Возможно, его слова прозвучали несколько «громко», но…

Николай внезапно подумал:

А ведь он прав… Если исходить из преданий инсектов, то Логрис – это прежде всего смерть всего сущего. Стерилизация планет, во имя второго пришествия третьей расы…

– И в чем ты ошибался? – внутренне содрогнувшись от своих мыслей, повторил Николай уже заданный вопрос.

– Я ошибался прежде всего в том, что приписывал этим воронкам качества Логриса, – ответил Кейн, оборачиваясь к экранам. – Но когда я увидел тело Дитриха, которое они тащили в глубь обломков «Спейсстоуна», то понял, что был не прав. Они не убивают, и им нет дела до живых. – Он немного помолчал, а потом добавил: – То, что они до сих пор пытаются поддерживать функции криогенной камеры Эллис, только лишний раз доказывает мою правоту.

На лицо Алана стоило посмотреть в эти секунды. Оно стало зеленоватым. Медленно обернувшись, он посмотрел на Кейна и потрясенно

спросил:

– Патрик, ты хочешь сказать, что Дитрих… и все остальные… они не мертвы?!.

– Я не могу этого утверждать, – ответил Кейн. – Но стоит вспомнить, для чего создавались сами кристаллы? Они ведь не просто носители генетического кода отдельных живших когда-то существ. По замыслу логриан их планеты могли погибнуть, разорванные, пожранные Предтечами, и тогда в пространстве остались бы одни обломки прошлой жизни. – При этих словах Патрик кивком указал на экран обзора, где в хитросплетении кристаллических петель медленно плыли обломки трех человеческих судов.

– То есть они пытались помочь погибающей «Дансии»?!. – похолодев, уточнил Николай.

– Вероятнее всего, да, – ответил ему Патрик. – Но твой отец не мог даже предположить, что непонятное, чужое образование пытается откликнуться на агонию космического корабля. Я тоже не понимал этого, пока не увидел тела Дитриха… Я просто задал себе вопрос: зачем представителям древних машинных форм таскать человеческие тела? И тут же вспомнил слова Хргушта об истинном предназначении кристаллов… Помните, они могут соединяться между собой, образуя примитивные исполнительные машины? Чем больше кристаллов, тем мощнее, разностороннее созданная ими форма, но все они направлены лишь на одно…

– Борьба с последствиями катастрофы? – осторожно предположил Хоук.

– Да… вероятно, – ответил Патрик. – Две-три сотни кристаллов, собравшись воедино, образуют так называемые «формы выживания», направленные на то, чтобы собирать обломки вселенской катастрофы и консервировать их до появления Логриса, который уже должен решать, что подлежит реанимации или восстановлению, а что проще воссоздать заново.

– Невероятно. – Лицо Хоука выражало странную смесь отчаянной надежды и крайнего потрясения. – Это значит, что мы…

– Вытащив Эллис, мы сможем вернуться к обломкам «Спейсстоуна» и отыскать тела вашего экипажа, капитан Хоук. Есть вероятность, что, разгадав функции кристаллических соединений, мы сможем попытаться вернуть им жизнь… Тем или иным способом.

ЭПИЛОГ

Борт «Святого Петра». Медицинский отсек. Двое суток спустя…

Прозрачная камера медленно вращалась внутри блестящего круга из хромистой стали.

Сложная гироскопическая подвеска, соединенная с компьютерным терминалом, поворачивала ее с заданной скоростью, чтобы жидкости, постепенно оттаивающие в человеческом теле, начали циркуляцию под действием центробежных сил.

Тело Эллис, заключенное внутри, выглядело ужасно.

Она еще не подавала никаких признаков жизни, да и температура внутри реанимационной камеры только-только поднялась чуть выше отметки ноля градусов по Цельсию.

Схватка со смертью обещала быть долгой.

Кейн, который сидел подле реанимационной установки, выглядел бледным, осунувшимся. На него оказали сильное воздействие события последних суток.

Он смотрел на синеватое тело Эллис, и невольные воспоминания роились в его голове.

Он снова и снова переживал собственные реинкарнации, всю свою долгую затянувшуюся на несколько столетий сознательную жизнь, перебирая в памяти взлеты и падения, ошибки и победы…

Мог ли он теперь вздохнуть свободно, считать себя человеком?

К сожалению, он сам не мог ответить на данный вопрос.

Ответ на него могли дать только люди и время…

…Тихо прошелестела открывающаяся дверь отсека.

Патрик обернулся.

На пороге стоял Николай. Рядом с ним на стерильном полу сидел ксеноморф.

Лоури подошел к Патрику, сел рядом.

– Как она? – Его взгляд упал на приборы.

– Пока что никак… – ответил Кейн. – Рано еще.

– А мозг?

– Необратимых изменений нет. Я подключил к аппаратуре «терновый венец». В худшем случае мы должны успеть записать ее личность.

Николай кивнул, искоса посмотрел на Патрика и произнес:

– Я хотел тебе сказать…

Он замолчал, оборвав фразу на полуслове.

Как словами выразить это?

Он слишком много думал за прошедшие сутки. Но мысли не шли ни в какое сравнение с тем, что на самом деле творилось в его душе.

Он привык к Патрику за то время, что они провели вместе. Он успел полюбить его, как мог бы, наверное, любить своего отца…

Он не мог думать о нем как о КИМе!..

– Я хотел сказать, что меня не интересует, кем ты был в прошлом, – наконец медленно произнес он. – Ты… Ты поступил как настоящий человек…

Кейн был бледен, как сама смерть. Если бы Николай знал, что на самом деле значили для него эти слова, идущие из глубин души того, кого он втайне называл про себя сыном.

– Ты не побоялся вернуться к ней…

Взгляд Николая остановился на реанимационной камере.

– Она оживет… Обязательно. Вот увидишь…

* * *

Тихо прошелестела дверь, и Яна боком проскользнула в стерильную чистоту медицинского отсека.

Кейн и Николай сидели спиной к ней, о чем-то тихо беседуя друг с другом. Ксеноморф, оставленный без внимания, тихо копошился в углу отсека. Открыв одну из стенных ниш, он вытащил оттуда пакет индивидуальной помощи, разодрал его когтями и теперь сидел, сосредоточенно опутывая себя бинтом.

– Ну ребенок ребенком, – подумала Яна, невольно прислушиваясь к голосу Патрика.

– …трудно сказать, Ник. Перед нами целое шаровое скопление. Не думаю, что все логриане покинули его, ведь миграция Предтеч прошла стороной, их визуальная защита скопления все-таки сработала…

– Да, и к тому же еще остается проблема Логриса… – Это был голос Ника. – Трудно представить, что произойдет, если критическое количество кристаллов соберется вместе. Нам придется крепко думать, прежде чем отдать хотя бы крупицу нашего знания в чьи-либо руки…

Кейн помолчал, обдумывая его слова, а потом ответил:

– В любом случае, прежде чем углубляться в шаровое скопление, мы должны отыскать тела погибших на «Спейсстоуне» и переправить их на Эридан, в монастырь. Думаю, что моему генетическому прототипу, аббату

Кейну, мы вполне сможем доверить хотя бы часть нашего знания.

– А Эллис?

– Ник, я бы хотел, чтобы она осталась с нами. При любом исходе… – уточнил он. – «Святой Петр» на самом деле очень мощный корабль, он справится со всеми функциями. Мы сможем модернизировать его на Эридане, прежде чем направимся сюда во второй раз… Я действительно боюсь – этих кристаллов очень много, даже сейчас их количество, которое мы видели, подходит к нескольким тысячам, и неизвестно, скольких освободила фабрика «Спейсстоуна» в процессе переработки первой глыбы… Вероятность реанимации Логриса очень высока, а этого, как ты понимаешь, нельзя допустить…

Яна тихо откашлялась, обнаруживая свое присутствие.

Кейн и Николай обернулись.

– Яна? Мы не заметили, как ты вошла.

Она лукаво улыбнулась.

– Иногда я умею появляться тихо, как мышка. А вообще-то меня послал Хоук.

– Что, уже подлетаем?

– Нет, он ведет «Петра» очень осторожно, буквально ползет через аномалию, – усмехнулась она. – Нет. Он послал меня спросить. – Она на секунду замялась. – В общем, вам, наверное, понадобятся первый и второй пилоты для будущих полетов сюда?..

Кейн и Николай переглянулись.

Лицо Патрика внезапно осветила улыбка.

Разве мог он помыслить для «Святого Петра» лучшего экипажа?!

…

Реанимационная камера с телом Эллис продолжала медленно вращаться вокруг незримой оси. Ее тело едва заметно теряло смертельную синеву вечного сна…

…

В глубинах космоса, меж оплавленных металлических глыб, лениво шевелились, свивая замысловатые петли синусоид, кристаллические автоматы третьей расы…

…

За вуалью забвения продолжал полыхать феерический сгусток звездного огня, в глуби которого когда-то исчезла раса логриан.

…

А за чернильным провалом Рукава Пустоты продолжали жить сотни человеческих миров, и миллиарды людей на них не знали ни о Логрисе, ни

о третьей расе и, естественно, не подозревали о том, что… все только начиналось.

Май-август 2000 года.

Окончательная редакция – июнь 2005года.

Адрес автора в интернет: www.Livadnyy.ru

notes

Примечания

1

Дансия – Часто эту планету путают с Кассией. На самом деле два разных мира, названия которых образованы от соответствующих названий колониальных транспортов. Для Дансии это «Данаис», для Кассии – «Кассиопея».

2

Рукав Пустоты – Пространство, лишенное звезд, пересекающее спиральный рукав Галактики.

3

Зугби-падальщик – одна из исконных жизненных форм планеты Хабор, внешне напоминает птеродактилей древней Земли, только гораздо меньше.

4

Сфера Дайсона – искусственное сооружение, построенное вокруг звезды с целью использовать все исходящее от нее излучение. Цивилизация может пойти на такой шаг в случае катастрофического прироста населения и истощения классических энергоресурсов. Материалом для постройки сферы Дайсона, очевидно, должны служить планеты и другие небесные тела системы.

5

Предтечи – древняя пространственная форма жизни. Обитали в пространстве. Питались веществом планет, космической пылью. Относятся к разряду хищников. Сведения о наличии интеллекта отсутствуют. Размножаются простым делением взрослой особи.

6

Разгрузка – вид экипировки десантника, предназначенной для ношения дополнительных боекомплектов, ножа, индивидуальных пакетов, рации и т.д.

7

РД – рюкзак десантника.

8

Агорафобия – боязнь открытого пространства.

9

«15 часов 32 минуты бортового времени. 14 июля 2935 года по летосчислению Земли» – Речь идет о субъективном, бортовом времени корабля. Согласуясь с теорией относительности и описанным Эйнштейном «эффектом близнецов» для людей, которые не движутся вместе с «Антеем» с околосветовыми скоростями, времени прошло гораздо больше.

10

С длиной волны в двадцать один сантиметр – Волна такой длины соответствует излучению нейтрального водорода и зарезервирована для подачи сигнала бедствия космическими судами.

11

Спейсстоун – космический камень (англ.).

12

АРК – автоматический разведывательный корабль.

13

Энтрифаг – древняя пространственная форма жизни. Выглядит как огромное, усеянное мельчайшими блестками покрывало абсолютной черноты. Обитали подле звезд, питались лучистой энергией «солнечного ветра». Обладали зачатками разума.

14

Везде, где речь идет о прошлом членов экипажа «Спейсстоуна», подразумевается их субъективное время.

15

Апертура – угол рассеивания луча.

16

Ксенофоб – человек, яро ненавидящий чуждые формы жизни.